

Е.А. Воронцова

**Очерки по теории
и истории культуры**

Москва
Летний сад
2014

УДК 304(4), 930.85
ББК 63.0, 71, 79.1
В 75

В 75 Воронцова Е.А. ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ. – М.: Летний сад, 2014. 172 с.

ISBN 978-5-98856-206-1

В книге собраны работы 1990–2010-х гг., ставшие малодоступными, а также не публиковавшиеся ранее. Ее структура сложилась органично, в соответствии с исследовательскими интересами и деятельностью автора в качестве научного редактора: региональный и этнокультурный аспекты русской культуры, нормативное регулирование культуры; музееведческие аспекты; издательская политика как составляющая культурной политики.

Е.А. Воронцова рассмотрела ряд проблем теории и истории культуры в свете теории информации, одной из первых обратила внимание на информационную энтропию как фактор, негативно влияющий на передачу культурного опыта и на культурную самоидентификацию. Установив наличие разных принципов классификации музеев, применявшихся отечественными музееведами, она создала оригинальную классификацию музеев, ставшую общепринятой. Ею была поставлена проблема взаимодействия исторической науки и музееведения в решении задачи создания исторических экспозиций музеев на новых концептуальных основаниях, а также проблема возврата издательского дела и издательской политики в лоно политики культурной.

Книга адресована широкому кругу гуманитариев – исследователей, педагогов, студентов и аспирантов.

УДК 304.4, 930.85
ББК 63.0, 71, 79.1

ISBN 978-5-98856-206-1

© Е.А. Воронцова, 2014 (авт.-сост.)

© Издательство «Летний сад», оформление

Содержание

От автора.....	5
О русской культуре в свете теории информации и регионалистики ...	7
Память о памятнике, или Стирает ли время все следы: заметки практикующего редактора	7
Феномен российской провинции и актуализация информации	9
Актуализация информации как действенный способ оптимизации национальных отношений.....	11
Региональный и этнокультурный подходы к изучению русской культуры ...	15
Русские в Российской Федерации: региональный аспект	23
Растворимся или возродимся	31
Драма распада: история одной «неперспективной» деревни	33
Историко-культурные (этнические) группы русского народа	35
Русское старожильческое население Сибири и Дальнего Востока	39
К вопросу об этнополитической ситуации в России	48
О нормативном регулировании культуры.....	52
Отечественное законодательство и культура.....	52
Законодательство по музейному делу.....	55
О музеях и музееведении	63
Диалог культур в музее.....	63
Музееведение в системе наук	64
Музееведческие центры	66
Музееведческие издания	70
Музейное источниковедение	81
Классификация музеев	86
Ведомственные музеи: задачи управления и нормативного регулирования..	97
Музеи в системе науки	107
Историческая наука и музей: «нам не жить друг без друга».....	111
«Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев» (круглый стол 18 мая 2001 года)	119
Москва – музейная столица России	121
Музеи [Москвы].....	123

Об издательской политике как одной из составляющих культурной политики.....	128
Создание энциклопедии: вопрос качества	128
Очередные задачи изучения индустриализации в России в свете теории информации	130
Современные российские энциклопедии: грани вербального и визуального	137
Диалог вербального и визуального в книге: от идеала к практике или наоборот?	145
Журнал «Культура и искусство»: «выделить научный дискурс о культуре и искусстве».....	145
Главный герой – книга: Дни Российского института культурологии во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино.....	149
Главный герой – книга: Дни Российского института культурологии во Всероссийской библиотеке иностранной литературы имени М. И. Рудомино 17–19 октября 2012 года	155
Действенно думать и осмысленно действовать: издательское дело и издательская политика на современном этапе.....	167
Возврат издательского дела и издательской политики в лоно политики культурной – насущная задача современного этапа	169

От автора

Если я во что и верю, так только в культуру
М. Арнолд

В этой книге я решила собрать опубликованные работы 1990–2010-х гг., ставшие малодоступными, а также работы, не публиковавшиеся ранее. В свете теории информации в них рассматриваются проблемы теории и истории культуры, и ныне остающиеся актуальными.

В исследовании проблемы информационной энтропии как фактора, негативно влияющего на передачу культурного опыта и на культурную самоидентификацию, я оказалась в числе первопроходцев. Установление наличия разных принципов классификации музеев, применявшихся отечественными музееведами, позволило создать оригинальную классификацию музеев, ставшую уже общепринятой. Тогда же мною была поставлена проблема взаимодействия исторической науки и музееведения в решении задачи создания исторических экспозиций музеев на новых концептуальных основаниях, а несколько позже – проблема возврата издательского дела и издательской политики в лоно политики культурной.

Структура сложилась органично, в соответствии с моими исследовательскими интересами и деятельностью в качестве научного редактора.

Первую ее часть составили тексты, в которых затронуты региональный и этнокультурный аспекты русской культуры. Одним из первых среди российских исследователей автор рассмотрел их в свете теории информации и обратил внимание на информационную энтропию как фактор, оказывающий существенное негативное воздействие на передачу культурного опыта (коммуникацию культуры) и на осуществление культурной самоидентификации этнических групп, народов, наций.

Во второй части речь идет о нормативном регулировании культуры в нашей стране.

В третью часть вошли тексты, написанные в процессе работы над «Российской музейной энциклопедией» (в составе соответствующего сектора Российского института культурологии Е.А. Воронцова от-

вечала за два из пяти теоретических блоков –Музееведение и Профильные группы музеев, а также за статьи по музеям ряда регионов). Автору удалось создать внутренне непротиворечивую систему классификации музеев (установленное им наличие разных принципов их классификации, применявшихся отечественными музееведами, позволило выйти на новый качественный уровень изучения проблемы), описать качественные признаки крайне мало изученных на то время ведомственных музеев, поставить проблему более тесного взаимодействия исторической науки и музееведения для решения задачи создания исторических экспозиций музеев на иных концептуальных основаниях, чем это было в советский период.

Тексты, составившие четвертую часть, являются результатом анализа процессов, происходивших в 1990–2010-е гг. в издательском деле. В них в качестве насущной была поставлена задача возврата издательского дела и издательской политики в лоно политики культурной; были рассмотрены некоторые аспекты подготовки энциклопедических изданий, а также придуманная Е.А. Воронцовой форма продвижения Книги к читателю – Дни Российского института культурологии в библиотеке.

Надеюсь, что и эта проблематика, и сами подходы к исследованию различных аспектов культуры окажутся интересными и полезными для читателей.

О русской культуре в свете теории информации и регионалистики

Память о памятнике,
или

Стирает ли время все следы: заметки практикующего редактора¹

Вначале несколько определений – научных и на уровне здравого смысла.

Память – способность к воспроизведению прошлого опыта, одно из основных свойств нервной системы, выражающееся в способности длительно хранить информацию о событиях внешнего мира и реакциях организма и многократно вводить ее в сферу сознания и поведения. Осуществляя связь между прошлыми состояниями психики, настоящим и процессами подготовки будущих состояний, П. сообщает связность и устойчивость жизненному опыту человека (я бы добавила – и сообществ людей), обеспечивает непрерывность существования человеческого «Я». (Философский энциклопедический словарь)

Память – способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта. (Ожегов)

Памятник – социокультурное явление, один из видов культурных ценностей, выделяемый людьми из окружающего предметного мира в качестве необходимого средства преемственности культурного опыта предшествующих поколений и подлежащий освоению с последующей передачей потомкам.

По онтологическому подходу П. – сохранившиеся предметы прошлого, выдающиеся по архитектурным, технологическим или художественным достоинствам сооружения, редкие и уникальные образцы природы.

По гносеологическому – предметы, ценные в научном, историческом, эстетическом, информационном или просветительном отношении.

¹ Впервые опубликовано: Наследие в эпоху социокультурных трансформаций: Материалы международной конференции. М.: Академический проект, Альма Матер, 2010. С. 261–264.

По аксиологическому (он универсален) – ценностная категория, возникающая в результате отношения к предмету, определяемого распространёнными в обществе предпочтениями и интересами, существующей в данный момент системой ценностей.

Памятник – сохранившийся предмет культуры прошлого. (Ожегов)

Время – атрибут, всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов.

Время – одна из форм (наряду с пространством) существования материи, последовательная смена ее явлений и состояний; продолжительность, длительность чего-либо; промежуток определенной длительности; момент, в который что-либо происходит. (Ожегов)

След – отпечаток чего-либо на какой-нибудь поверхности, полоса, оставшаяся после движения чего-либо; остаток или сохраняющийся признак чего-либо. (Ожегов)

Следствие – наряду с причиной одна из форм всеобщей связи и взаимодействия явлений, явление, вызванное действием некой причины и зависящее от неких условий.

А теперь еще одно определение памяти, времени, следа – не научное, а поэтическое:

... из темноты,
Из бедного невежества былого
Друзей моих прекрасные черты
Появятся и растворятся снова
(Б. А. Ахмадулина)

Очевидно, что обозначенная в названии тема – это тема связи прошлого, настоящего и будущего, связности, устойчивости опыта и бессвязности, неустойчивости, непрерывности и дискретности (прерывности) существования, бытия, сгорания либо несгораемости рукописей, распада, уничтожения неких культурных явлений или их нового движения.

Уничтожены усадьбы (и свидетельства того собраны в книге А. И. Фролова «Усадьбы Подмосковья»), растворились во времени их владельцы, с распадом семей пропали семейные реликвии...

Ушли в небытие? В никуда? Или затаились до времени и во времени, чтобы вновь заговорить с тем, кто сможет услышать и понять их речь?

И не сродни ли чуду эти возвраты, появление (или: проявление) «прекрасных черт», когда из пустоты, из ничего, «из бедного невежества былого» начинает выплывать давно, казалось бы, ушедшее, чей след мнился стертým безвозвратно?

Когда былое становится бытием, когда приходит отраженный свет, отступает черное ничто и наполняются звуком – беззвучное, цветом – бесцветное, формой – бесформенное, смыслом – бессмысленное.

И в череде уходов и возвратов на след пропавший ложится новый след. Ушли усадьбы, но время продолжало длиться – и вот явилась книга как зримый след биенья жизни.

И оказывается, что время – властелин, которому не все подвластно: и снова – круглый стол, и свет лампы и глаз, и живо то, что ушло. И звук имеет отзвук, свет – отражение, а у ухода есть возврат. Время же длится, позволяя проявиться следу и появиться тому, кто сможет след увидеть.

И тогда дом, книга, поварешка приобретают иное качество – качество памятника жизни, мысли, делу человека. И вопрос «оставить след или наследить» оказывается не праздным.

Но чтобы хлам, пылесборник наполнился памятью и превратился в памятник, нужны рука и взгляд восприемника и хранителя – и те, кто способен освободить свой взгляд и возрадоваться чуду, как тот как малыш, о котором рассказал Ж.-Л. Феррье в замечательной книге «Приключение взгляда», великолепно переведенной и прокомментированной А. Н. Рылевой и напутствованной В. Л. Рабиновичем. Малыш показал *Джоконду* своему щенку, чтобы тот *увидел*.

Феномен российской провинции и актуализация информации²

Изучение феномена российской провинции требует системного подхода, координации исследовательских усилий, необходимого и до-

² Впервые опубликовано: Русская провинция и мировая культура: Тезисы докладов на научной конференции. Ярославль: Ярославский государственный педагогический институт имени К. Д. Ушинского, 1993. С. 29–31.

статочного информационного обеспечения, побуждает обратиться к проблеме социальной информации и информационного процесса как процесса, в котором фигурируют объект, субъект и результат отражения объекта субъектом – информация³, сосредоточившись на явлении, обозначенном нами как информационная энтропия. Это явление, по-видимому, оказывает существенное влияние на информационный процесс, в том числе на передачу культурного опыта (коммуникацию культуры). В ходе создания, преобразования, передачи, восприятия, использования информации происходит не только ее накопление, но и рассеяние. Энтропия проявляется в переходе информации из состояния «актуальной» в состояние «потенциальной», ее необходимое условие – невостребованность информации. Не будучи востребована, последняя перестает фиксироваться и использоваться, постепенно вытесняется из социальной памяти и в лучшем случае «оседает» в различных запасниках, хранилищах (архивах, музеях и пр.), в худшем – утрачивается. В отличие от специально накапливаемой актуальной информации потенциальная сохраняется не сознательно, не целенаправленно, а случайно. Факторами, способствующими усилению информационной энтропии, является ограничение доступа к информации, а также сознательное или неосознанное ее искажение, деформация. Преодоление информационной энтропии имеет особое значение для процесса познания глобальных явлений, для понимания которых глубина социальной памяти, разнообразие информации и интенсивность информационного потока – факторы первостепенной важности.

Наиболее эффективный способ преодоления информационной энтропии – актуализация информации, в том числе путем выявления и воспроизведения того, что запечатлено в исторических источниках и определенным образом (описательно, измерительно, изобразительно, фоно- и светосигнально) выражено. Воспроизведение осуществляется в процессе публикаторской деятельности, степень эффективности которой определяется системностью, программностью. Решение проблемы российской провинции (и прежде всего взаимных отношений центра и периферии, столицы и провинции) требует иного, чем это было до сих пор, проникновения в глубину социальной памяти и, следовательно, – перехода от публикации отдельных, часто произвольно

³ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 126–127.

выбранных источников к публикации (традиционными и новыми способами) больших массивов источников (главным образом «провинциального» происхождения), составляющих целостные системы.

Однако простое воспроизведение информации необходимо, но недостаточно, далеко не всегда способно сделать ее воспринимаемой, поэтому оказывается необходимой такая актуализация, которая связана с преобразованием информации, исследованием содержательного и аксиологического ее аспектов. Преобразование должно осуществляться корректно, без внесения искажений, ложных или спекулятивных представлений о прошлом. Одной из форм корректного преобразования является фиксация конкретных сведений и их сосредоточение (аккумуляция) в энциклопедиях, справочниках, словарях, базах данных – в том, что составляет справочный аппарат науки; другой формой – создание абстракций на основе достаточной, качественно и количественно репрезентативной информации, зафиксированной в источниках разных типов и видов.

Актуализация информации предполагает также повышение информационной отдачи источников путем извлечения и использования скрытой (связанной, структурной) информации. Методы ее извлечения достаточно хорошо разработаны в источниковедении, их эффективность можно считать доказанной рядом конкретно-исторических и теоретико-методологических исследований. Применение их к изучению феномена российской провинции способно дать нетривиальные результаты.

Актуализация информации как действенный способ оптимизации национальных отношений⁴

Оптимизация национальных отношений – проблема, которая в равной мере затрагивает интересы как государства, так и частных лиц в их повседневной жизни. Государство, налаживая взаимодействие народов, входящих в его состав, и частные лица, строя свое поведение в полиэтничном окружении, по сути, решают одну и ту же задачу: как обеспечить себе полноценную реализацию в этом сложном и про-

⁴ Впервые опубликовано: Межнациональные взаимодействия и проблемы управления в Поволжье и на Северном Кавказе: Материалы международной научно-практической конференции (21–22 марта 1998 г.). Ч. II. Саратов: Издательство Поволжской академии государственной службы, 1998. С. 3–8.

тиворечивом мире, как сохранить свою целостность и идентичность (самобытность), как найти или создать основу для конструктивного диалога с другими идентичностями.

Актуализация информации представляется необходимым и достаточным условием решения этой задачи. Особое значение она приобретает при изучении глобальных процессов и явлений, в том числе и этнических, и при принятии решений на макроуровне, при разработке и реализации стратегии национальной политики – общегосударственной и региональной.

Изучение этносов и этнических процессов, принятие правильных решений в этой сфере требуют системного подхода, координации исследовательских и управленческих усилий, необходимого и достаточного информационного обеспечения, требуют понимания того, что собой представляют социальная информация и информационный процесс, каковы их свойства и характеристики.

Информационный процесс можно определить как процесс, в котором фигурируют (взаимодействуют) объект, субъект и результат отражения объекта субъектом – информация. Смысл информационного процесса заключается в движении от неопределенности к определенности, и наоборот.

Социальная информация – одна из важнейших характеристик общественного сознания, любой формы человеческой деятельности. Она может быть обозначена как результат отражения общественным сознанием общественного бытия, разнообразия общественной жизни. Социальная информация оказывает активное воздействие на сознание и поведение людей, выполняет коммуникативную функцию и функцию управления благодаря таким своим свойствам, как объективность, истинность, достоверность, полнота, ценность.

Информация, которая принята субъектом и используется им для ориентировки в мире и воздействия на других субъектов и на различные объекты, является актуальной, информация же неиспользуемая является потенциальной.

В процессе перехода информации из состояния актуальной в состояние потенциальной мы сталкиваемся с явлением, которое я обозначила как информационную энтропию. Суть этого явления заключается в уменьшении определенности и нарастании неопределенности. Информационная энтропия, по-видимому, оказывает существенное

воздействие на информационный процесс, в том числе – негативное воздействие на передачу культурного опыта (коммуникацию культуры) и на осуществление самоидентификации этнических групп, народов, наций.

В ходе создания, преобразования, передачи, восприятия, использования информации происходит не только ее накопление, но и рассеивание. Энтропия усиливается там и тогда, где и когда информация остается невостребованной. Не будучи востребована, она перестает фиксироваться и использоваться, постепенно вытесняется из социальной памяти и, в лучшем случае, «оседает» в различных запасниках, хранилищах музеев, архиве библиотек и пр., в худшем случае утрачивается. В отличие от специально накапливаемой актуальной информации потенциальная сохраняется не осознанно, не целенаправленно, а случайно.

Факторами, способствующими усилению информационной энтропии, являются ограничение доступа к информации (в силу прямых запретов, территориальной удаленности и т. п.), а также сознательное или же неосознанное ее искажение, деформация. Преодоление информационной энтропии играет особо важную роль в процессе познания глобальных социальных явлений и управления ими. Для их понимания глубина социальной памяти, разнообразие информации, интенсивность информационного потока имеют первостепенную значимость.

Наиболее эффективный способ преодоления информационной энтропии – актуализация информации. Она достигается в процессе познавательной деятельности, включающей деятельность по добычанию знаний (научно-исследовательскую) и по внедрению их в общественное сознание, по передаче и закреплению в социальной памяти (трансляционную, популяризаторскую). В качестве необходимого условия актуализация предполагает выявление источников информации, а результатом ее является извлечение информации из источника и введение ее в оборот, обеспечение качественной и количественной репрезентативности информации.

Важнейшим условием как выработки, так и осуществления общегосударственной и региональной национальной политики, правильной постановки и успешного разрешения как стратегических, так и тактических задач в этой области мне представляется актуализация такой информации, которая обеспечивает оптимальное самосохране-

ние и саморазвитие этносов, а также позитивное, обоюдовыгодное их взаимодействие друг с другом, выявляет базовые ценностные ориентации и специфичные для каждого этноса способы самореализации.

Один из эффективных способов актуализации информации – воспроизведение того, что запечатлено в исторических источниках. Воспроизведение осуществляется в процессе публикаторской деятельности, степень эффективности которой определяется ее системностью, программностью.

В России такого рода деятельность имеет давнюю традицию, отечественная научная школа известна многими достижениями в корректном воспроизведении (публикации) нормативных документов, научных трактатов, мемуаров и дневников, художественных произведений и пр. Огромное количество источников разного времени и происхождения обнародовано Археологической комиссией, чья плодотворная деятельность, начавшись в XIX в., продолжается и поныне, академическими институтами, центральными и региональными издательствами, библиотеками, архивами, музеями.

Для науки и практики государственного управления первостепенное значение имеет актуализация информации документов, фиксировавших процесс принятия решений, нормативных документов, регулировавших жизнедеятельность государства и органов государственного управления, а также мемуаров, переписки и дневников государственных деятелей. Эта информация помогает избежать ошибок как тактического, так и стратегического порядка, помогает максимально использовать опыт прошлого для решения задач сегодняшнего дня.

Возможности вышеназванного способа актуализации информации далеко еще не исчерпаны; сосредоточенные в хранилищах страны огромные массивы документов ждут нашего к ним системного и программного, а следовательно – осмысленного, обращения.

Переход от публикации отдельных, часто произвольно выбранных источников к публикации (традиционными и новыми способами) больших массивов источников, составляющих целостные системы, – действенный способ достичь большего, чем это было до сих пор, проникновения в глубину социальной памяти.

Простое воспроизведение информации необходимо, но недостаточно, далеко не всегда оно способно сделать ее воспринимаемой. Поэтому оказывается необходимой такая актуализация, которая свя-

зана с переводом на современный язык, преобразованием информации, с исследованием содержательного и аксиологического ее аспектов. Преобразование должно осуществляться корректно, без внесения искажений, ложных или спекулятивных представлений об исследуемых явлениях и процессах.

Одной из эффективных форм корректного преобразования информации является фиксация конкретных сведений и их сосредоточение (аккумуляция) в справочных изданиях (энциклопедиях, справочниках, словарях) и базах данных – в том, что составляет справочный аппарат науки, в том числе и науки государственного управления.

Региональный и этнокультурный подходы к изучению русской культуры⁵

Необходимым условием для принятия адекватных управленческих решений (а именно это – главная задача органов исполнительной власти всех уровней) является объективный анализ этнополитической ситуации как в стране в целом, так и в конкретных регионах. Это относится и к проблемам регулирования социокультурных процессов, в том числе процессов развития русской культуры.

В рамках своей компетенции Миннац России регулярно осуществляет различные мероприятия, находящиеся в русле Концепции государственной национальной политики Российской Федерации и нацеленные на получение достоверной информации по проблемам национально-культурного развития народов Российской Федерации, в том числе русского народа. Одним из них стала разработка в 1999 г. специалистами Отдела этнических проблем русского народа своеобразной программы изучения этнополитической ситуации в тех субъектах Федерации, где русские составляют подавляющее большинство населения⁶.

⁵ Впервые опубликовано: Культура российской провинции: век XX – XXI веку: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 23–26 мая 2000 г. Калуга: Рос. ин-т культурологии, ИД «Эйдос», 2000. С. 11–17. Сокращенный вариант: Культура российской провинции: век XX – XXI веку: Тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции. Калуга, 23–26 мая 2000 г. Калуга: Эйдос, 2000. С. 44–46 (в соавт. с А.В. Никоновым).

⁶ Разосланная в 1998 г. анкета «Положение русских в субъектах Российской Федерации» (разработана Е.А. Воронцовой) включала 10 блоков вопросов. 1-й из них

Программа включала ряд вопросов по базовым факторам национально-культурного развития русского народа: численность и состав населения; миграционные потоки; здоровье русского населения; семейно-брачные отношения; уровень материального благосостояния; занятость, в том числе в сфере традиционных форм хозяйствования; система образования, в том числе учебные заведения с русским этнокомпонентом; отношение русского населения к русской культуре, к культурам других народов; русская проблематика в просветительской работе учреждений культуры; национальное самосознание русских; этнополитическая ситуация; русские национальные, политические и общественные объединения: возможные меры органов законодательной и исполнительной власти по регулированию этнических процессов.

касался состава населения субъекта Федерации (численность населения, национальный и половозрастной состав; прирост населения – с разбивкой по национальному признаку, его источники; миграционные потоки, численность и состав мигрантов). Следующие блоки были посвящены русскому населению: здоровье (оценка состояния здоровья русского населения; рождаемость, смертность, заболеваемость, продолжительность жизни), семья (оценка устойчивости семьи и характера семейных отношений у русских, соотношение числа браков и разводов; смешанные браки), материальное благосостояние (обеспеченность основными материальными благами – жильем, индивидуальным транспортом и др.; денежные доходы и расходы, их структура), занятость, профессиональная деятельность (структура занятости, уровень безработицы, степень развития традиционных форм и сфер хозяйствования), образование (образовательный уровень; учебные заведения с русским этнокомпонентом), культурный аспект (отношение русского населения к русской культуре, к массовой культуре, к культурам других народов; национальная, т.е. русская, проблематика в просветительской работе учреждений культуры), национальное самосознание (самооценка; оценка других этносов). В двух последних блоках оценивались: этнополитическая ситуация в субъекте Федерации (общая характеристика и факторы, определяющие этнополитическую ситуацию; положительный опыт длительного совместного проживания разных этносов на данной территории; русские национальные, политические и общественные объединения, в том числе национально-культурные автономии; прогноз этнополитического развития) и национальная политика на этом уровне (законодательная база, в том числе нормативные документы, регулирующие национальные отношения в данном субъекте Федерации – с названием, датой утверждения, основным содержанием; паритетность национального представительства в органах власти данного субъекта Федерации; меры регулирования этнических процессов; степень адаптации мигрантов к новым условиям проживания, помощь им в освоении культурного опыта мажоритарного, т.е. русского, этноса.

В результате предпринятой акции удалось в определенной степени прояснить, насколько вопросы национально-культурного развития и национального самочувствия русского народа вошли в сферу аналитической и практической (собственно управленческой) деятельности соответствующих органов исполнительной власти краев и областей. Прежде всего выяснилось, что информацией по всему спектру поставленных нами вопросов администрации областей и краев не располагают (может быть, потому, что проблемы национального культурного развития они не относят к разряду острых). При подготовке информации по предложенному нами перечню вопросов специалисты краевых и областных администраций столкнулись с несовершенством современной статистики, оперирующей, как правило, усредненными данными и не учитывающей национального фактора. Наиболее полные ответы были получены от администраций тех областей и краев, где более или менее регулярно проводятся социологические опросы и где в штате имеются специалисты, владеющие национальной проблематикой (Курганская, Мурманская, Оренбургская и некоторые другие области).

Анализ образовавшегося комплекса материалов показал, что задачи сохранения и развития русского народа, его национальной (этнокультурной) самобытности из общего круга проблем вычлняются редко. Это затрудняет учет имеющегося практически во всех регионах опыта национально-культурного строительства (как позитивного, так и негативного). При таком положении любые управленческие решения не могут не запаздывать.

В настоящее время проблема функционирования и самого существования русской культуры рассматривается и в науке, и в сфере государственного управления в контексте общих процессов национально-культурного развития русского народа. При этом признание или непризнание факта его существования оказывает решающее влияние на признание самостоятельного существования и значения русской культуры. Здесь уместно напомнить, что в прошлом некоторыми исследователями и политическими деятелями в нашей стране отрицалось самостоятельное существование русского народа и, следовательно, русской культуры. Вместе с тем сегодня все больше осознается и признается, что понятия «русские» и «россияне» различны по своему содержанию, так же как понятия «русская культура» и «культура России».

Подходы к изучению русской культуры могут быть различными. Так, культура может рассматриваться в ее историческом развитии, изменении во времени. В этом аспекте русская культура, например, XIII, XVI, XIX или XX вв. не будет идентичной: различия по форме и содержанию окажутся весьма существенными. При всем том на протяжении всего указанного времени эта культура оставалась русской по всем формальным и сущностным признакам. Точно так же, русский человек изменялся и будет изменяться и далее, оставаясь вместе с тем русским человеком (заметим кстати, что последнее обстоятельство в настоящее время подтверждается данными генетики). Таким образом, развитие русской культуры и ее носителя (русского народа) – процессы взаимосвязанные и взаимообусловленные.

Это утверждение справедливо не только в отношении русского народа и русской культуры, но и в отношении любого другого органически развивающегося народа и его национальной культуры.

Культура не едина и в социальном аспекте. В.И. Ленин в свое время говорил о «двух культурах» внутри каждой культуры: реакционной буржуазной и революционной пролетарской. Это представляется упрощением. Таких «пластов» в русской культуре, как и в любой другой, довольно много. Напомним о культуре дворянской, крестьянской, мещанской и т. д., о культуре городской и сельской, столичной и провинциальной и т. д. И все это сливается в общий поток национальной культуры.

Важным фактором функционирования русской культуры является фактор географический, региональный. Различные «варианты» русской культуры, обусловленные различиями природно-климатических условий, особенностями исторического развития и менталитета различных этнических групп русского народа, местными традициями необычайно важны. Мы решаемся высказать предположение, что именно наличие большого количества этих местных «вариантов», типов культуры является существенным элементом устойчивости национальной культурной традиции в целом. Любая мощная культурная традиция многовариантна. Она дает возможность взаимообогащения и взаимовлияния и, следовательно, развития внутри общей культурной традиции. Отсутствие региональных особенностей означает, что культурная традиция не развивается. Кстати, история дает нам яркий пример устойчивости местных культурных традиций: складывание

Русского централизованного государства не привело к подавлению московской культурной традицией всех остальных, политическая и культурная традиция столицы государства относительно спокойно уживалась с частными культурными традициями. В результате русская культура и отличается необычайным многообразием. Это обстоятельство, на наш взгляд, делает чрезвычайно перспективным историко-типологическое изучение русской культуры.

Одной из важнейших задач государственного управления мы считаем создание оптимальных условий для сохранения типологического многообразия, а также для полноценного развития субкультур различных регионов России. Самое непосредственное отношение это имеет к местам компактного проживания казаков, старожилов, поморов и других этнических групп русского народа.

Этнокультурный подход к изучению русской культуры предполагает учет в качестве одного из основополагающих того факта, что на протяжении ряда столетий русские сохраняют положение мажоритарного этноса России, в сферу влияния которого в той или иной степени включены другие этносы. Эта сложная система, находящаяся в состоянии динамического равновесия, за время своего существования не однажды переживала периоды стабильности и кризисов. Из последних ей удавалось выходить, вероятнее всего, благодаря мощному культурному и духовному потенциалу мажоритарного этноса. Отметим, что и в настоящее непростое время края и области, где русские доминируют, продолжают оставаться островами стабильности за счет высокой гомогенности (однородности) этнической и языковой среды, толерантности русского человека, его умения налаживать отношения с другими этносами.

Важным моментом при изучении русской культуры и перспектив ее развития нам представляется выявление как проблемных «точек», так и «точек» роста. На сегодняшний день внушают тревогу демографическая ситуация, ход миграционных процессов, состояние семейно-брачных отношений и ряд других вопросов. В последние 10–15 лет тенденция естественной убыли населения остается устойчивой (для разных областей и краев эта цифра составляет минус 12–18 человек). Рост уровня смертности, в том числе младенческой, снижение рождаемости и средней продолжительности жизни переломить пока не удастся. Эти факторы оказывают непосредственное воздействие на

сохранение и воспроизводство культуры, на трансляцию культурного опыта.

Многие области (главным образом, центра и юга Европейской России, некоторых регионов Сибири) оказались привлекательными для мигрантов из других районов России, а также стран ближнего зарубежья вследствие относительной стабильности социально-экономической, социокультурной и этнополитической ситуации, толерантности русских по отношению к другим народам. Одним из следствий этого стало возрастание нагрузки на инфраструктуру, в том числе в сфере культуры.

В массовом сознании русских людей уже достаточно четко обозначилась мысль о возможном в близкой исторической перспективе вытеснении их из мест традиционного расселения. Заметим, что этому способствуют имеющие место проявления высокомерия и неуважительного отношения новопоселенцев к коренным жителям, их стремление не самим адаптироваться к новой среде, а среду, коренных жителей адаптировать под себя, что создает предпосылки для развития национальных отношений по типу антагонистических. Это – проблема этнокультурная. Заметим, что мигранты-русские, попав в родственную этническую и культурную среду, как правило, гораздо легче и в других формах переживают процесс адаптации.

Новый комплекс проблем возник в связи с тем, что ряд традиционно глубинных областей оказался в результате распада СССР в положении пограничных, столкнулся с разнообразными последствиями сложных этносоциальных и социокультурных процессов в соседних государствах. Вышеуказанные процессы требуют действенного контроля и регулирования со стороны государства.

Отрицательное воздействие на протекание социокультурных процессов оказывает сложная, а в ряде областей критическая ситуация в социально-экономической сфере, остановка крупных производств и вызванная ею безработица (явная и скрытая). Для русского человека, традиционно ориентированного на производственную сферу, этот фактор, пожалуй, является одним из главных деморализующих и дестабилизирующих, провоцирующих маргинализацию этноса.

Проблемным является комплекс вопросов, связанных с национальным самосознанием русского народа и идущими в настоящее время процессами его самоорганизации. Здесь играют свою роль опасения

каким-то образом спровоцировать вспышку национальной розни, убеждение, что русские не являются объектом национальной политики в силу своего положения мажоритарного этноса. Многие считают, что признание за русским народом права на собственный национальный интерес и признание за государством определенных обязательств по обеспечению нормальных условий для дальнейшего национально-культурного развития данного этноса может вызвать негативное отношение у других народов. Между тем недоучет в практике государственного управления того факта, что для русского народа сохранение единого государства и крепкой, дееспособной государственной власти равнозначно сохранению его идентичности (национальной или, если хотите, этнической), может иметь далеко идущие последствия.

В последние десятилетия в общественной мысли преобладало представление об общественном вообще и культурном в частности развитии как о непрерывном линейном процессе, развивающемся исключительно по восходящей. «Столичное» при такой схеме воспринималось как наивысший взлет этого прогрессивного развития. Иногда эти представления находили опору в практике развития культуры Центра за счет обескровливания культурных сил провинции. Теперь настало время понять, что культурные особенности не могут подвергаться сравнительному анализу (как и любые особенности вообще). Кстати будет вспомнить, что в XIX в. звания «провинциальный архитектор» или «артист провинциальных театров» были не менее уважаемы, чем звания их столичных коллег. Нам представляется, что необходимо окончательно отказаться от оценочного подхода, в соответствии с которым культура «столичная» выше культуры «провинциальной». Такое деление совершенно чуждо отечественной традиции. Мы уже отмечали, что региональные особенности сложились исторически.

Сегодня в обществе, к счастью, все чаще говорят о необходимости способствовать развитию русской культуры, а зачастую уже не только говорят, но и предпринимают соответствующие реальные шаги. В связи с этим хочется обратить внимание на следующие моменты.

Нереально ставить своей целью деятельность по развитию всей русской культуры, по регулированию процессов ее развития. Объектом специального внимания органов государственного управления могут и должны стать ключевые для настоящего времени моменты мощного потока русской национальной культуры. Отрадно, что осо-

бое внимание практически во всех областях и краях уделяется развитию традиционной русской народной культуры, подготовке кадров специалистов в данной сфере. Это внимание к корням, стремление найти опору в многовековой традиции не случайно. В то же время, зачастую обнаруживаемое здесь преобладание этнографического подхода, при котором русские традиции в определенной степени перестают быть фактором повседневной жизни, переносятся на сцену, в выставочные помещения, т. е. в известной степени отчуждаются от народа – носителя культуры, требует специального рассмотрения и разработки системы корректирующих мер.

Гораздо меньше внимания сегодня привлекают другие аспекты культуры, в том числе культура производства (в широком смысле), традиционные для русского человека формы хозяйства и способы хозяйствования, а также тесно связанный с ними бытовой уклад – не как предмет отвлеченного научного социокультурного исследования, а как первостепенная задача государственного строительства и управления.

Культура – феномен не статичный, а изменяющийся, развивающийся. Каждый период накладывает на нее свой отпечаток, вплетается в ее общую ткань, из которой его нельзя «выкинуть». Ни к чему не привели попытки отказаться от «буржуазной культуры», «сбросить Пушкина с корабля современности», предпринимавшиеся после 1917 г. Точно так же невозможно отказаться от «советской культуры», которая уже вплетена в культурную ткань духовной жизни всех народов бывшего Союза ССР.

Мы все знаем о сегодняшних трудностях. И тем не менее, имеющаяся информация показывает, что в целом культурный потенциал краев и областей сохранился, а по некоторым направлениям даже возрос. Заметно усилившаяся интенсивность культурной жизни, возможно, выполняет в нынешнее сложное для государства и русского народа время компенсаторную функцию, является каналом сброса негативной энергии и преобразования ее в позитивную.

Сохранение культуры – это одновременно и развитие ее.

На сегодня первоочередными задачами государственного управления являются: определение круга нерешенных проблем и их приоритетности; определение степени воздействия долговременных факторов на направление и характер протекания этнополитического,

этнокультурного и этносоциального развития; обеспечение оптимальных условий для национально-культурного развития мажоритарного этноса России (русского) с целью сохранения «уникального единства и многообразия, духовной общности и союза различных народов» (Концепция государственной национальной политики Российской Федерации).

Русские в Российской Федерации: региональный аспект⁷

Необходимым условием для принятия адекватных управленческих решений (а это – главная задача органов исполнительной власти всех уровней) является объективный анализ этнополитической ситуации в стране в целом и в конкретных регионах. Необходимым условием этого, в свою очередь, является создание информационных баз репрезентативных, максимально полных, достоверных и сопоставимых данных. Сказанное имеет самое непосредственное отношение к анализу «русского» аспекта этнополитической ситуации, всего спектра проблем национально-культурного развития русского народа.

В этой связи Миннац России старается регулярно осуществлять комплекс мероприятий, находящихся в русле Концепции государственной национальной политики Российской Федерации и нацеленных на разработку в достаточно близкой перспективе Концепции государственной программы национально-культурного развития русского народа.

Одним из них стала разработка в начале 1999 г. специалистами Отдела этнических проблем русского народа своеобразной программы изучения этнополитической ситуации в субъектах Федерации, в которых русские составляют огромное (подавляющее) большинство населения. Главам администраций краев и областей вместе со специальным обращением был разослан вопросник. Он включал 10 вопросов по базовым факторам национально-культурного развития русского народа: численность и состав населения, миграционные потоки; здоровье русского населения; семейно-брачные отношения; уровень мате-

⁷ Впервые опубликовано: Русский язык, литература и культура: проблемы сохранения и развития: Материалы региональной научно-практической конференции 23–24 ноября 1999 года. Шадринск: Администрация города Шадринска, 2000. С. 8–15 (в соавт. с А.В. Никоновым). См. также: Русские в регионах России // Этнопанорама. 2000. № 2. С. 30–33 (в соавт. с А.В. Никоновым).

риального благосостояния; занятость, в том числе в сфере традиционных форм хозяйствования; система образования, в том числе учебные заведения с русским этнокомпонентом; отношение русского населения к русской и массовой культуре, к культурам других народов; русская проблематика в просветительной работе учреждений культуры; национальное самосознание русских; этнополитическая ситуация; русские национальные, политические и общественные объединения; меры органов законодательной и исполнительной власти по регулированию этнических процессов.

Мы получили ответы из 34 субъектов Федерации. Представители администраций выражали удовлетворение тем, что данное направление получило право на существование и что вопросы национально-культурного развития русского народа и разработки специальной государственной программы заявлены в числе первоочередных. В них также выражалось сожаление по поводу того, что соответствующие органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по ряду объективных и субъективных причин не обладают достаточно полной информацией по всему спектру поставленных вопросов.

В результате предпринятой министерством акции удалось в определенной степени прояснить, насколько русская проблематика, вопросы национально-культурного развития и национального самочувствия русского народа вошли в сферу аналитической и практической (собственно управленческой) деятельности соответствующих органов исполнительной власти краев и областей, насколько достаточным или недостаточным для их решения информационным обеспечением располагают субъекты Федерации.

Первичный анализ всего комплекса материалов показал, что информацией по всему спектру поставленных нами вопросов администрации областей и краев не располагают. По этой причине в ряде случаев они ограничились присылкой имеющихся статистических материалов (без обобщающих аналитических записок), в других представили ответы лишь по некоторым из поставленных нами вопросов (как правило, по культурному аспекту).

При подготовке информации по предложенному нами перечню вопросов специалисты краевых и областных администраций столкнулись с несовершенством современной статистики, оперирующей, как правило, усредненными данными, и в частности с тем, что све-

дения по ряду основных показателей (рождаемость, смертность, распространённые заболевания, разводы и повторные браки, структура занятости и пр.) собираются без учета национального фактора.

Наиболее полные ответы были получены от администраций тех областей и краёв, где более или менее регулярно проводятся социологические опросы и где в штате имеются специалисты, владеющие национальной проблематикой и ведущие это направление на протяжении многих лет (Курганская, Мурманская, Оренбургская и некоторые другие области).

Анализ образовавшегося комплекса материалов выявил его значительный информационный потенциал. Вместе с тем он показал, что задачи сохранения и развития русского народа, его национальной (этнокультурной) самобытности из общего круга проблем не вычлняются, что на практике русский народ, как правило, выводится за рамки национальной политики, а национальный вопрос воспринимается как вопрос существования других народов в русской среде.

Национальный вопрос администрации краёв и областей не относят к разряду острых, требующих постоянного внимания и отслеживания, поскольку нет масштабных конфликтов на этой почве. Аналогичный подход демонстрируют многие средства массовой информации, большинство публикаций которых посвящено именно зонам конфликтов. Нам представляется, что при таком подходе приоритет отдается негативному началу, конструктивный потенциал управленческих структур оказывается задействованным не в полной мере, управленческие решения заметно запаздывают и в результате оказываются неадекватными. При их принятии не вполне учитывается имеющийся практически во всех регионах положительный опыт национально-культурного строительства.

В средствах массовой информации часто делается акцент на якобы имеющейся у русских «ксенофобии», на значительном влиянии в обществе экстремистских настроений. В то же время вне поля их зрения остается тот факт, что в настоящее время именно великорусские регионы являются островами стабильности, именно здесь ищут пристанища люди других национальностей, вынужденные выезжать из зон напряженности или прямых конфликтов.

Первичный анализ материалов, полученных из краёв и областей, подтвердил, что данные субъекты Федерации остаются в высокой сте-

пени мононациональными (доля русских в них составляет, как правило, более 90 %) и что русские прочно сохраняют свое положение мажоритарного этноса России.

Демографическая ситуация характеризуется в присланных материалах как сложная. Устойчивой остается тенденция естественной убыли (для разных областей и краев эта цифра составляет минус 12–18 человек), которая не восполняется даже заметно усилившимся во многих областях миграционным притоком. Динамика численности, определяемая соотношением смертности, рождаемости и средней продолжительности жизни, является для русского народа неблагоприятной, особенно в последние 10–15 лет. Тенденцию роста уровня смертности, в том числе младенческой, снижения рождаемости и средней продолжительности жизни переломить не удастся. Цифры, приводимые в полученных материалах, свидетельствуют о том, что у русских эти тенденции выражены в гораздо большей степени, чем у большинства проживающих рядом с ними народов.

Многие области (главным образом, центра и юга Европейской России, некоторых регионов Сибири) оказались привлекательными для мигрантов из других районов России, а также стран ближнего зарубежья вследствие относительной стабильности социально-экономической, социокультурной и этнополитической ситуации, толерантности русских по отношению к другим народам.

При сохранении в общем исторической толерантности русского человека в ряде регионов наблюдаются проявления так называемого бытового негативизма и относительный рост напряженности в сфере национальных отношений, которые начинают строиться по типу конкурентных, а не партнерских. Тревогу у русского населения краев и областей вызывает непрекращающийся наплыв большого количества мигрантов других национальностей, образование все новых и новых мест их компактного проживания и устойчивых инонациональных конгломератов, имеющих тенденцию к расширению своей территории и статуса.

В массовом сознании русских людей уже достаточно четко обозначилась мысль о возможном в близкой исторической перспективе вытеснении их из мест традиционного расселения. Заметим, что этому способствуют имеющие место проявления высокомерия и неуважительного отношения новопоселенцев к коренным жителям,

их стремление не самим адаптироваться к новой среде, а среду, коренных жителей адаптировать под себя, что создает предпосылки для развития национальных отношений по типу антагонистических.

Данные социологических опросов последних лет, приводимые в полученных нами материалах, показывают, что особенно отрицательное отношение вызывает активное переселение в края и области представителей народов Северного Кавказа, которые в массовом сознании ассоциируются с конфликтогенным началом. Негативно воспринимается склонность многих представителей данных народов к посреднической, торговой деятельности, что противоречит присущим русской ментальности ценностным установкам, ориентированности массового русского сознания в основном на производственную и интеллектуальную деятельность.

Мигранты-русские, составляющие большинство новых насельников, как правило, в целом встречают хорошее к себе отношение. Это связано как с общностью национального самосознания и культуры, так и с тем, что они воспринимаются как невинно пострадавшие в результате распада СССР. Данная категория мигрантов, попав в родственную этническую и культурную среду, гораздо легче, без антагонизма, без коренной ломки своей ментальности переживает процесс адаптации.

Описанные выше процессы требуют действенного контроля и регулирования миграционных потоков. В полученных нами ответах указывалось, что вопросам приема и оказания помощи вынужденным переселенцам уделяется особое внимание, в ряде краев и областей приняты миграционные программы (Белгородская область и др.). В то же время стало очевидным, что вопрос о необходимости защиты прав не только мигрантов, но и постоянного (коренного) населения (для краев и областей – в большинстве своем русского) пока в сферу государственного управления и федерального и регионального уровней не вошел.

Отрицательное воздействие на демографическую ситуацию продолжает оказывать нестабильность семьи. С этим связаны не только снижение рождаемости, увеличение числа беспризорных детей, забота о которых целиком ложится на государство, но и ухудшение психологического состояния, рост эмоциональной напряженности, конфликтных проявлений в поведении и даже агрессивности. В ряде

присланных материалов отмечена опасность того, что конфликтный потенциал может принять национальную окраску.

Социально-экономическое положение, экономический потенциал областей и краев, уровень материального благосостояния русского населения характеризуются в большинстве ответов достаточно подробно (очевидно, потому, что эти вопросы давно стали традиционными для отечественной статистики). Разброс оценок существенный: благополучная в целом ситуация (Белгородская и некоторые другие области, сложная (большинство областей), критическая ситуация.

В числе значимых факторов, определяющих современную социально-экономическую ситуацию в области или крае, называют остановку крупных производств и вызванную ею безработицу (явную и скрытую). На наш взгляд, для русского человека, традиционно ориентированного на производственную сферу, этот фактор, пожалуй, является одним из главных деморализующих и дестабилизирующих, провоцирующих маргинализацию этноса.

На фоне проблемной социально-экономической ситуации поражают богатство и разнообразие культурной жизни. Имеющаяся информация показывает, что культурный потенциал краев и областей сохранился и даже возрос. Заметно усилившаяся интенсивность культурной жизни, возможно, выполняет в нынешнее сложное для государства и русского народа компенсаторную функцию, является каналом сброса негативной энергии и преобразования ее в позитивную.

Присланные материалы показывают, что особое внимание практически во всех областях и краях уделяется развитию традиционной русской культуры, подготовке кадров специалистов в данной сфере. Это внимание к корням, стремление найти опору в многовековой традиции не случайно. В то же время обнаруживаемое здесь преобладание этнографического подхода, при котором русские традиции перестают быть фактором повседневной жизни, переносятся на сцену, в выставочные помещения, требует специального рассмотрения и разработки системы корректирующих мер.

Гораздо меньше внимания привлекают другие аспекты, в том числе культура производства (в широком смысле), традиционные для русского человека формы хозяйства и способы хозяйствования, а также тесно связанный с ними бытовой уклад – не как предмет отвлечен-

ного научного социокультурного исследования, а как первостепенная задача государственного строительства и управления.

При характеристике этнополитической ситуации респонденты чаще всего пользовались определениями «стабильная» и «управляемая». Факторами стабильности называли высокую гомогенность (однородность) этнической и языковой среды, положительный опыт длительного совместного проживания других народов с русскими, немногочисленность очагов межнациональных столкновений, толерантность русского человека, национальную политику федерального и регионального уровней.

Среди проблем на первое место была поставлена недостаточная финансовая поддержка позитивных начинаний, направленных на сохранение и трансляцию (передачу) культурного опыта, существующая кое-где опасность паразитирования определенных слоев на обостряющемся национальном чувстве.

Новый комплекс проблем возник в связи с тем, что ряд традиционно глубинных областей оказался в результате распада СССР в положении пограничных, столкнулся с разнообразными последствиями сложных этносоциальных процессов в соседних государствах (и в первую очередь с мощными, зачастую плохо контролируруемыми миграционными потоками). Этот фактор характеризуется как дестабилизирующий этнополитическую ситуацию.

Особенно подробно освещалась деятельность администраций краев и областей по урегулированию этнополитической ситуации, поддержке позитивных процессов современного национального обновления. Отмечалась положительная роль принятой в 1996 г. Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, а также областных и краевых Концепций и Программ (на ряд из них разные подразделения министерства, в том числе и Отдел, давали заключения; при их подготовке субъектам Федерации была оказана консультативная и методическая помощь).

Наибольшие затруднения и некоторые опасения у наших адресатов, как мы и ожидали, вызвал комплекс вопросов, связанных с состоянием национального самосознания русского народа и идущими в настоящее время процессами его самоорганизации. Здесь сыграли свои роль опасения каким-то образом спровоцировать вспышку национальной розни, убеждение, что русские не являются объектом

национальной политики в силу своего положения мажоритарного этноса и др. Многие считают, что признание за русским народом права на собственный национальный интерес и признание за государством определенных обязательств по обеспечению нормальных условий для дальнейшего национально-культурного развития данного этноса может вызвать негативное отношение у других народов.

Между тем недоучет в практике государственного управления того факта, что для русского народа сохранение единого государства и крепкой, дееспособной государственной власти равнозначно сохранению его идентичности (национальной или, если хотите, этнической), может иметь далеко идущие последствия. По нашему убеждению, это в перспективе может привести к глобальной национальной катастрофе.

Подводя итоги, отметим значительную заинтересованность администраций краев и областей в разработке тех направлений национальной политики, которые так или иначе связаны с вопросами национально-культурного развития русского народа.

Полученные министерством материалы позволили более точно определить круг нерешенных на сегодняшний день проблем и их приоритетность, степень воздействия долговременных факторов на направление и характер протекания этнополитического, этнокультурного и этносоциального развития на современном этапе, а также обозначить некоторые новые проблемы. Они выявили необходимость принятия специальных мер по дальнейшему налаживанию системы информационного обеспечения национальной политики, в том числе русского ее аспекта, как на федеральном, так и на региональном уровнях; еще раз подтвердили существующую по всей вертикали потребность в усилении взаимодействия между органами законодательной и исполнительной власти, ведающими делами национальностей.

На наш взгляд, анализ ситуации в проблемных точках является, говоря языком математики, необходимым, но не достаточным условием решения стратегической задачи национальной политики – сохранения единства и целостности Российского государства. Его следует дополнить выявлением «точек роста» и разработкой системы мер поддержки происходящих в стабильных регионах позитивных процессов. Образно говоря, необходимо не только тушить возникающие национальные «пожары», но и создавать условия, при которых их возникновение станет невозможно.

В этой связи следует сказать о проблеме выравнивания уровней развития разных регионов. Не секрет, что в настоящее время ряд «титульных» субъектов Российской Федерации по многим позициям имеет преимущества перед краями и областями, в сфере национальной политики этим субъектам, а также миноритарным этносам России также уделяется больше внимания – как в силу традиционной для русских позиции ответственности за судьбы соседних с ними народов, так и в силу ориентированности национальной политики на конфликтогенные зоны. Полученные нами материалы по всему спектру проблем национально-культурного развития русского народа в динамике и в сравнении с развитием других народов России позволяют поставить вопрос о переносе центра тяжести национальной политики на стабильные в этнополитическом отношении края и области.

Рассматривая направления национальной политики, связанные с русским народом, как фактор стабилизации межнациональных отношений в Российской Федерации, мы считаем целесообразным поставить «в повестку дня» обеспечение оптимальных условий для его национально-культурного развития. По ряду сегодняшних объективных показателей (естественная убыль, уровень рождаемости, образовательный уровень, обеспеченность основными материальными благами и т. д.) положение русского народа существенно хуже, чем положение многих других народов России, а между тем его благополучие – залог благополучия всех народов нашей страны.

Растворимся или возродимся?⁸

Именно великорусские регионы являются сейчас теми островами стабильности, где ищут пристанища люди других национальностей, уезжающие из зон этнических конфликтов. К такому выводу пришел отдел этнических проблем русского народа, существовавший в прежней структуре Миннаца России.

Некоторое время назад мы обратились в субъекты Федерации, в администрации краев и областей, разослав им вопросник об основных факторах национального и культурного развития русского

⁸ Впервые опубликовано: *Континент*. 2000. № 45 (513), ноябрь. С. 5 (в соавт. с А.В. Никоновым).

народа. Выяснилось, что русские пока сохраняют свое положение основного этноса России, но их демографическая ситуация является сложной. Продолжается естественная убыль русского населения, не восполняемая даже заметно усилившимся во многих областях миграционным потоком. Соотношение смертности, рождаемости и средней продолжительности жизни русского народа в последние 10–15 лет весьма неблагоприятно. Тенденцию роста смертности, в том числе младенческой, снижения рождаемости и средней продолжительности жизни переломить не удастся. Цифры, приводимые в полученных материалах, свидетельствуют, что у русских эти тенденции выражены в гораздо большей степени, чем у большинства проживающих рядом с ними народов.

Многие области центра и юга европейской России и некоторых регионов Сибири оказались привлекательными для мигрантов из горячих точек России и стран ближнего зарубежья из-за их относительно стабильной социальной, экономической и политической ситуации. Большое число мигрантов других национальностей, образование новых мест их компактного проживания вызывают тревогу у русского населения краев и областей. Правда, как показывают опросы, негативно воспринимается не сам по себе этот факт, а опасения того, что в близкой перспективе возможно вытеснение русских из мест их традиционного проживания. Особенно отрицательное отношение вызывает активное переселение в края и области представителей народов Северного Кавказа, которое у многих вызывает враждебное чувство. Негативно воспринимается склонность многих представителей этих народов к посреднической и торговой деятельности, что противоречит присущим для русских ценностям, ориентированным на производственную и интеллектуальную деятельность.

К русским переселенцам, составляющим большинство, обычно относятся хорошо. Они в родственной среде гораздо легче переживают процесс адаптации. Однако бывают и исключения, когда русские, приезжающие из других регионов, воспринимаются как чужаки. Подобные процессы требуют постоянного контроля, а миграционные потоки – регулирования. Для этого в ряде регионов приняты специальные программы.

Плохо сказывается на демографической ситуации и нестабильность семьи. С этим связано не только снижение рождаемости, но и

увеличение числа беспризорных детей. Новые проблемы возникли и в связи с тем, что ряд традиционно глубинных, внутренних областей оказался в результате распада СССР в положении пограничных. Их руководство и население столкнулись с разнообразными последствиями сложных этнических и социальных процессов в соседних государствах. Здесь и мощные миграционные потоки, и необустроенность новых границ, а иногда и споры за территорию. Это способствует дестабилизации ситуации, а не укреплению ее. Для сохранения единства и целостности Российского государства необходимо не только тушить «пожары», но и создавать условия, при которых они станут невозможными.

И еще важно понять, что русский вопрос поставлен самой жизнью. Замалчивание любых его аспектов, стремление чего-то не заметить не принесут ничего, кроме вреда. Благодеяние и национальное развитие одного народа не могут быть обеспечены за счет национальных интересов другого. В то же время благополучие русских – основа для лучшей жизни всех народов нашей страны.

Драма распада: история одной «неперспективной» деревни⁹

Виталий Кропотов. Черемуховая река. Очерки истории деревни Лонганер (XIX–XX вв.). М.: Русский мир, 2009. 360 с.

Эта книга удивительна и уникальна во многих отношениях. В ней детально, тщательно (как под микроскопом) изучена капля океана народной жизни России – деревня Лонганер и ее жители.

Автор книги – Виталий Спиридонович Кропотов, лонганерец не в первом колене, человек зрелого возраста (ему уже за восемьдесят), перенес со своей страной и своей малой родиной все испытания, выпавшие на их долю в XX веке, сохранив живой и деятельный интерес к людям. Он – непосредственный свидетель людской драмы, гибели почти всех деревень округи, запустения когда-то освоенной земли.

Книга – дело его жизни, дань памяти предкам. Она представляет собой фундаментальное исследование (45 печатных листов!). Многие годы он по крупницам собирал, дотошно проверял и перепроверял сведения самых разных источников, работал в архивах, перелопатил

⁹ Впервые опубликовано: НГ-ExLibris. 2010. 5 августа. С. 6.

практически всю литературу, собрал воспоминания старожилов и вот, наконец, сложил из этих кирпичиков крепкий дом. Благодаря его подвижническому труду не канут в Лету события, волновавшие тамошних крестьян, их образ жизни, родственные, культурные и иные связи друг с другом и со всем народом, а мы, наверное, лучше поймем глубинные основы народной (крестьянской) жизни.

Существенным для понимания книги является следующий момент: взгляд автора на историю родной деревни – взгляд крестьянский, понимание жизни – крестьянское, ментальность – крестьянская. В этом, на мой взгляд, особая ценность книги.

В ней воссозданы основные вехи истории лонганерцев (в первой половине XIX в. государственных крестьян, после реформы 1861 г. ставших вольными, а после революций 1917 г. – колхозниками) и показана драма распада деревни. Подробно и очень конкретно проанализированы экономическое развитие, институционально-организационные преобразования, взаимоотношения крестьян-колхозников и руководившей и направлявшей в советский период силы – коммунистов (в большинстве своем тоже выходцев из местных крестьян).

Интересна глава о земском училище, а потом школе (ступени образования лонганерцев). Живым и ярким получился рассказ об истории местной культуры повседневности (о том, как пахали и собирали урожай, косили сено; о том, какой была женская доля; о том, как было устроено крестьянское подворье и колхозные службы – конный двор и прочее), об образе жизни. В главе, посвященной исторической памяти и родословиям местных крестьян, автор собрал сведения об именах, отчествах и фамилиях местных жителей, о долонганерских предках; особую ценность представляют составленные им родословные древа основных лонганерских родов.

О высоком профессионализме автора – непрофессионального историка свидетельствуют список литературы и источников, а также приложения: перечень деревень Лонганерского сельсовета, план деревни Лонганер с пояснениями к нему, словарь речи лонганерцев (2500 слов и выражений!), протоколы партсобраний и заседаний парткомов (они точнее сочинений многих специалистов рассказывают об эпохе).

В предисловии автор пишет: «Деревни Лонганер больше нет (несколько старых домов, ставших дачными, не в счет)». Будем надеять-

ся, что книга не только сохранит память о ней, но и поспособствует ее возрождению.

Историко-культурные (этнические) группы русского народа¹⁰

Русский народ характеризуется единством языка, большой общностью материальной и духовной культуры, что не исключает региональных различий. Некоторые из них восходят к глубокой древности, к раннефеодальному, а возможно, и дофеодальному периоду. На начальных этапах они были результатом ассимиляции восточными славянами иноязычного неславянского населения Восточной Европы в (X–XIII вв.). В более позднее время различия возникали в процессе расселения русских и вхождения в состав русского государства представителей других народов, вследствие переселений русских из одной области в другую, формирования военнотрудового населения на границах государства.

По этнографическим и диалектологическим признакам наиболее заметно различается русское население северных и южных областей, между которыми находится широкая переходная зона. Еще в начале XX в. различия между историко-культурными группами русских прослеживались очень четко. В последующее время шел процесс нивелирования (отчасти как результат целенаправленной национальной политики). Севернорусские черты культуры и быта и северный «окающий» диалект прослеживаются на территории примерно от бассейна р. Волхова на западе до р. Мезени и верховьев Камы и Вятки на востоке (Новгородская область, Республика Карелия, Архангельская, Вологодская, часть Тверской, Ярославской, Ивановской Костромской, Нижегородской и некоторых других областей). Южнорусские черты и южный «акающий» диалект преобладают на территории от бассейна Десны на западе до Пензенской области на востоке и примерно от Оки на севере и до бассейна Хопра и среднего Дона на юге (большая часть Рязанской, Пензенской и Калужской областей, Тульская, Тамбовская, Липецкая, Орловская, Курская).

Этнографические различия между севером и югом имеются в типах поселений (на севере – небольшие деревни и села-погосты, на юге – многодворные села) и постройках (на севере – многокамерный

¹⁰ Аналитическая записка 1998 г. Публикуется впервые.

высокий дом с примыкающим к нему крытым двухэтажным двором, на юге – низкая изба или хата с открытым двором, часто без двора). В прошлом различия прослеживались в сельскохозяйственной технике, терминологии, женском костюме, вышивках и орнаменте.

Среднерусская группа занимает территорию главным образом Волго-Окского междуречья, где с XIV в. началось объединение вокруг Москвы русских княжеств и происходило формирование основного ядра русского народа (современная Московская, Владимирская, север Рязанской, Калужской, часть Тверской, Ярославской, Нижегородской, Костромской, Ивановской и некоторых других прилегающих областей). Область среднерусского переходного диалекта несколько уже той области, которая выделяется по этнографическим данным. В материальной и духовной культуре данной группы сочетаются северные и южные черты.

К среднерусскому населению центральных областей по диалектологическим и этнографическим признакам близко примыкает русское население Среднего Поволжья. Оно может рассматриваться как подгруппа среднерусской историко-культурной группы. Формирование русского населения Среднего Поволжья происходило значительно позднее (XVI–XVII вв.) и в иных условиях, чем в центре: русские расселялись по соседству с разнообразным по национальному составу населением Поволжья, что сказалось на культуре *волгаря*.

Своеобразную переходную группу населения составляет население древней русской территории в бассейне р. Великой, верховьев Днепра и Западной Двины (Псковская, Смоленская, часть Тверской и других прилегающих областей). По языку и этнографическим признакам оно является как бы переходной группой между северным, средним и южным русским населением, а также русскими и белорусами.

Население северо-востока (Кировской, Свердловской, Челябинской и части прилегающих областей) по «окающему» диалекту и многим севернорусским чертам в культуре примыкает к северной группе русских, но обладает также чертами, свойственными среднерусскому населению. Это объясняется тем, что заселение края шло по двум главным направлениям: с севера и из центральных областей; из Поволжья.

Население юго-востока (от бассейна Хопра до бассейна Кубани и Терека, т. е. бывшие Область Войска Донского, восточная часть Новороссии, Кубанская, Терская области и др.) территориально и истори-

чески связано с населением южнорусских областей, но заметно отличается от него по языку, фольклору, особенностям в жилище и одежде. Этот край был пестрым в этническом отношении.

Помимо вышеуказанных групп и подгрупп выделяются более мелкие группы русского населения, имеющие особые названия и самоназвания.

Крайний Север (побережье Белого моря) населяют *поморы*. Этим термином обозначают население берега Белого моря от р. Онеги до Кеми, а также жителей северного морского побережья. Поморы являются потомками древних новгородских поселенцев. По материальной и духовной культуре они сходны с остальным русским населением Севера, отличаясь от него главным образом особенностями хозяйства. Поморы слыли смелыми мореходами, охотниками на морского зверя и опытными рыбаками.

В южнорусских областях в единый по этнографическим признакам массив населения вкраплены мелкие группы сравнительно поздних пришельцев из центральных и западных областей. Часть из них – потомки бывшего военнотрудового населения низшего разряда (стрельцов, пушкарей, казаков и др.), поселенного по линии сторожевых укреплений в XVI–XVII вв. для охраны государственной границы от набегов кочевников. Впоследствии основная часть этого населения вошла в состав однодворцев («крестьян четвертного права»). Среди более поздних переселенцев на юг были крестьяне, ушедшие в «степь» после ее «замирения», а также крестьяне, переселенные помещиками из других областей. Все эти группы до недавнего прошлого четко различались по этнографическим признакам, особенно по одежде: женщины из местного коренного населения носили поневу и рогатую кичку, однодворки – полосатую юбку или сарафан и кокошник и т. д.

На западе южнорусской территории (в бассейне Десны и Сейма) живет население, называемое *полехи*. В его культуре, кроме основных южнорусских черт, прослеживается значительная общность с белорусами и литовцами. (К полехам примыкает группа *горюнов*, живущих на Украине.) В Курской области живут *саяны*, имеющие некоторые отличия в языке и быте.

На востоке южнорусской территории, в бассейне средней Оки в культуре населения (вышивке, орнаменте, одежде, типах построек и пр.) сильно прослеживаются связи с народами Поволжья.

В заокской части (север Рязанской и Тамбовской областей) русское население известно под названием *мещера*. Оно имеет особенности в одежде и жилище и цокающий говор. Мещера, по-видимому, сложилась в результате ассимиляции славянским населением местного финского. В Пензенской и Саратовской областях есть небольшие «островки» мещеры, образовавшиеся там в результате передвижения части населения с севера Рязанской области на юго-восток.

Потомки *казаков* живут на Дону, Волге, Тереке, Кубани. Казаки этнографически не были однородны. Донские, уральские, кубанские, оренбургские, терские казаки отличались друг от друга, хотя с течением времени у них выработалась известная общность бытового уклада. В прошлом казаки резко отличались от крестьян экономической состоятельностью, привилегиями, связанными с военной службой, особым общественным управлением.

Донское казачество сформировалось ранее остальных (в XVI–XVII вв.) из разнообразных русских и иноязычных, преимущественно восточных компонентов. Донские казаки истари подразделялись на верховых и низовых. До настоящего времени те и другие отличаются по физическому типу, особенностям в постройках, фольклору и пр.

Потомки *северокавказских казаков* (гребенских и терских, формировавшихся в конце XVI в.) по быту и культуре во многом близки к соседним горцам. Группа *кубанских казаков* формировалась в конце XVIII – начале XIX в. из выходцев из России и с Украины. Украинские черты в их языке и быте очень сильны.

Потомки казаков расселены также на Волге и по р. Яику (Уралу). Ядро их составилось в XVI в. из выходцев с Дона, но постепенно в него включались другие этнические элементы.

Русское население Сибири сложно по своему составу. В различных ее областях оно складывалось не одновременно и в различные периоды на протяжении XVII–XX вв. пополнялось выходцами из разных областей Европейской России.

Среди *старожилов* Западной и Восточной Сибири есть потомки ранних переселенцев (XVI–XVII вв.) преимущественно из северных областей России и из Приуралья. В Западной Сибири преобладают выходцы с Севера, поэтому распространен окающий диалект. В Восточной Сибири среди старожильского населения кроме окающего значительно распространен акающий диалект, что объясняется боль-

шим числом выходцев из южнорусских областей. Наиболее сильно проявляется акающий диалект на Дальнем Востоке, где преобладают «новоселы» конца XIX – начала XX в., значительную часть которых составляют белорусы и украинцы.

В прошлом сибиряки-старожилы и переселенцы конца XIX – начала XX в., происходившие большей частью из южнорусских областей, повсюду в Сибири значительно различались по хозяйственному укладу, языку, обычаям и пр. В настоящее время эти группы населения выделяются лишь своеобразным физическим типом, особенностями языка и фольклора. Немногие из них, главным образом бывшие *кер-жаки* (старообрядцы), сохраняют этнографические особенности¹¹.

В Западной Сибири, Забайкалье и Приамурье сохранились потомки казаков – старого русского населения, включавшего в себя на протяжении XVII– XIX вв. разные этнические элементы. Так, в состав забайкальских казаков, формировавшихся со второй половины XVIII в., кроме русских вошли буряты и эвенки; амурские и уссурийские казаки сложились только в XIX в. из забайкальских казаков и представителей коренного населения Приамурья.

Большие группы населения Сибири составляют сейчас «новоселы» советского времени. Их интенсивный приток был обусловлен освоением целинных земель, строительством крупных электростанций, развитием рыболовного промысла, лесного хозяйства, созданием новых индустриальных центров и строительством новых городов. Среди этих новоселов – не только русские, но и украинцы, белорусы, представители других народов.

Русское старожильческое население Сибири и Дальнего Востока¹²

Этимология понятия «старожил» очевидна – это человек, долго живущий на каком-нибудь одном месте или коренной житель, не покидавший родных мест на более или менее длительное время. На Руси XIV–XVII вв. была категория феодально-зависимых крестьян, называвшихся «старожильцы». Так назывались и старинные, наибо-

¹¹ Более подробно о старожилах см. далее: Русское старожильческое население Сибири и Дальнего Востока.

¹² Аналитическая записка 1998 г. Публикуется впервые.

лее уважаемые и активные члены общины и авторитетные свидетели (не только крестьяне), которые привлекались к опросу при решении спорных дел. Современные старожилы Сибири и Дальнего Востока – потомки русских переселенцев из различных регионов Европейской России. Начав проникать в Сибирь еще в конце XIV в. и осев там, они выработали своеобразные черты бытового уклада и характера.

Ядро старожилов образовано потомками ранних поселенцев с Европейского Севера и из Северного Приуралья. В Западной Сибири они преобладают, для них характерен окающий диалект. В Восточной Сибири среди старожилов имеется большое число выходцев из южнорусских областей, появившихся на этих территориях в основном в XVIII в., поэтому кроме окающего распространен акающий диалект.

В прошлом старожилы и переселенцы конца XIX – начала XX в. (они происходили большей частью из южнорусских областей, а также из Украины и Белоруссии) повсюду в Сибири значительно различались по образу жизни: хозяйственному укладу, обычаям, языку, характеру и поведению. Отчасти эти различия сохраняются и ныне. Старожилов называли «сибиряки», а переселенцев конца XIX-начала XX в. – «российские». От тех и других отличаются новоселы советского периода, составляющие в настоящее время самую многочисленную группу населения Сибири и Дальнего Востока.

У старожилов в процессе адаптации к природным и климатическим условиям Сибири выработался своеобразный физический тип. У них более крупные размеры лица, несколько более темные волосы и несколько меньший рост (165,6–167,0 см), чем у русских европейской части страны. Отличительная черта антропологического облика старообрядцев – высокий рост.

В Западной Сибири, Забайкалье и Приамурье сохранились потомки казаков – старого русского населения, включавшего в себя на протяжении XVII–XIX вв. разные этнические элементы (при доминировании русского).

Этнические процессы, происходившие в среде русского населения Сибири, имели сложный характер. Выше уже в общем виде отмечалось, выходцами с каких территорий и в какие периоды оно пополнялось. Существенную роль в его формировании сыграли сословная принадлежность и род занятий переселенцев. Первопроходцами были представители служилого сословия, в том числе казачества, следом

за ними шли посадские люди и «промышленники» (по современной терминологии, промысловики – охотники и рыболовы). Они ставили остроги (укрепленные пункты), развивали ремесла, постепенно переходили к занятиям земледелием, отчасти пополняясь за счет лиц крестьянского сословия.

Как показали этнографические исследования, результатом такого характера протекания миграционных и адаптивных процессов стало образование нескольких крупных локальных групп русского старожильческого населения, сохранившихся до нашего времени (собственно старожилы, старообрядцы, русские заполярной зоны, казаки) и подразделяющихся на более мелкие группы.

Старожилы, расселенные практически по всей территории Западной и Восточной Сибири, в разных районах имели этнокультурные отличия. Так, например, старожилы Туруханского края считались «чисто» русскими, поскольку поздние приселения в эти места были незначительными, в районе же Енисейска они приобрели «монголоидную примесь», сохраняя в целом в антропологическом отношении общность с русскими Европейского Севера.

Среди старожилов Забайкалья исследователи выделяют ононскую группу (гуранов), состоящую из потомков казаков XVII в., которые женились на обурятившихся тунгусах, и кударинских русских, живших между Хилком и Чикоем. Последние являлись потомками русских казаков и «карымов» (ассимилированных русскими бурят Цонголова рода).

Старообрядцы, по мнению некоторых исследователей, являются потомками приверженцев «старой веры» из областей к югу и юго-западу от Москвы (Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской), бежавших в Белоруссию и оттуда в XVIII в. переселенных в Сибирь, с некоторой примесью выходцев из центральных и северо-западных областей. Немногие из старообрядцев (*кержаков*) сохраняют этнографические особенности. Среди них следует отметить: *каменищиков* (потомков выходцев из Нижегородской губернии с р. Керженец, поселившихся в XVII–XVIII вв. в горных районах Алтая, т. е. «в камне», по рекам Бухтарме и Уймону); *поляков* – потомков старообрядцев, переселенных после раздела Польши во второй половине XVIII в. из местечка Ветки в район Усть-Каменогорска (Алтай); *семейских* – потомков высланных в Забайкалье (Бурятию) в XVIII в. и переселявшихся

не в одиночку, а семьями. Диалект семейских и поляков акающий, а бухтарминцев – окаящий. В культуре всех трех групп немало северо-русских черт. Благодаря известной замкнутости быта, связанной с их религиозными воззрениями, эти группы сохранили русский физический тип, в том числе высокий рост, и старинные бытовые черты.

Своеобразными чертами обладает русское старожильческое население Заполярья: *русскоустынцы* (с. Русское Устье на р. Индигирке) и *марковцы* (с. Марково в устье р. Анадыря). По происхождению это большей частью потомки переселенцев XVII–XVIII вв. из Европейской части России. Особые природные условия и тесные связи с местным населением (чуванцами, юагирами) обусловили своеобразие хозяйства и особенности физического типа этих групп населения. Их основные занятия – рыболовство и охота. Значительное место в хозяйстве занимает собаководство, частично оленеводство. Они сохранили русский язык и песни и считают себя русскими.

В результате смешения коренного сибирского населения с русскими образовались также: *якутяне* (жители бывших ямщицких селений по р. Лене); *камчадалы* (на Камчатке); *карымы* (обрусевшие буряты в Забайкалье); *колымчане* (на р.Колыме), значительно подвергшиеся якутскому влиянию и частично воспринявшие якутский язык; *затундренные* крестьяне (на реках Дудинке и Хатанге), воспринявшие долганский язык.

Группы старожилов смешанного происхождения до последнего времени сохранились в тех районах, где последующее переселение не было значительным: по нижнему течению Индигирки, верхнему течению Лены, в восточных районах Якутии, в Забайкалье и на Камчатке. В других местах потомки смешанного населения впоследствии растворялись в мощных волнах последующих русских переселенцев.

Постановка статистического учета не позволяет определить численность старожильческого населения; не менее сложно точно ответить на вопрос о современном ареале их распространения. Сведения, которыми мы располагаем, отрывочны. Известно, например, что места компактного проживания старожилов имеются в Аллаиховском, Нижнеколымском, Булунском, Жиганском, Оймяконском, Усть-Майском, Мегино-Кангаласском, Амгинском, Хангаласском, Вилюйском, Нюрбинском, Ленском и Олекминском улусах Республики Саха, в ряде сибирских и дальневосточных краев и областей.

Несмотря на сложную этническую историю, старожильческое население Сибири наряду с целым рядом особенностей имеет общие черты, позволяющие говорить о нем как о группе в составе русского народа. Сохранив много общего со своими предками из Европейской России, оно приобрело новые черты в процессе адаптации к природно-климатическим условиям Сибири и Дальнего Востока. Это находит подтверждение в материальной и духовной культуре старожилов. Ими бережно сохранялись и передавались из поколения в поколение основные черты традиционной русской культуры, прежде всего культуры хозяйствования. Основными занятиями старожилов, отчасти сохранившимися до настоящего времени, традиционно являлись промыслы (охота, рыболовство, почтовая гоньба и др.) и земледелие.

Землепользование старожильческого населения генетически было связано с северно-русскими земельными общинными формами, складывавшимися в процессе заселения Сибири русскими. На первых же этапах ее освоения в XVII в. в деревнях на основе обычая образовывались своеобразные сообщества по расчистке земель с коллективными формами владения («вповал»). Расчищенные земли крестьяне распределяли между собой в зависимости от вложенного труда, по праву обычая они становились наследственными.

Ряд деревень объединялись в волость, во владении которой находились исторически сложившиеся комплексы угодий, распределенных между отдельными селениями. Выборная волостная администрация традиционно следила за сохранностью этого комплекса угодий, рассматривала земельные споры между селениями и отдельными крестьянами, а в случае необходимости – вопросы об отводе земли тем или иным селениям или перераспределении между ними угодий; она же сдавала в аренду свободные волостные угодья.

Более мелкие общинные объединения (сельские) в свою очередь занимались разрешением спорных ситуаций на своей территории, принимали новопоселенцев, устанавливали сроки сельскохозяйственных работ и т.д.

Наследственно-подворный принцип владения землей в Сибири сохранялся стойко. Его упрочению способствовало обилие свободных территорий, которые сплошь и рядом захватывались, осваивались и лишь после этого официально отводились властями селениям или отдельным дворам. С середины XVIII в. известны случаи, когда около

отдельных селений возникала относительная теснота и пахотные земли перераспределялись общиной. Чаще всего теснота преодолевалась путем образования заимок на наследственном праве владения.

Реформы 1860-х гг. повсеместно привели к признанию общин субъектами права. Правительство не допустило развития частной крестьянской собственности на землю, позиции общинного землепользования длительное время оставались не поколебленными.

Особенностью семейного уклада сибиряков можно считать традиционализм и устойчивость форм семейно-брачных отношений, длительное бытование больших (неразделенных) семей: отцовских, братских и «договорных» (т. е. включавших наряду с родственниками и неродных). С середины XVIII в. у старожилов шел процесс деления семей, что было связано с переходом к подушному обложению населения и отказом от десятинной государевой пашни.

Культура старожилов – огромный пласт русской культуры. Изучение и актуализация как памятников истории и культуры, так и в целом культурного наследия этой группы русского народа будут способствовать увеличению глубины социальной памяти русского народа, сохранению многообразия русской культуры и национального менталитета. Отличительные черты культуры старожилов – традиционализм, приверженность «преданьям старины глубокой» и, как следствие, основательность, устойчивость, функциональность, способность противостоять пагубным дестабилизирующим воздействиям. Эти черты присущи характеру, фольклору, бытовому укладу, жилищу.

В жилищных комплексах старожильского населения длительное время сохранялись традиционные черты русского народного зодчества и, в то же время, развивались и совершенствовались многие строительные навыки, рациональные в природных и хозяйственных условиях Сибири. Разнообразие русского сельского жилища на огромных пространствах Западной и Восточной Сибири определялось неодинаковыми природными условиями, этническими традициями русских переселенцев, многообразием форм культуры местных сибирских народов, с которыми они вступали в контакты.

Дома русских старожилов строились в традициях северно-русского жилища (обширные по площади срубные дома, состоявшие из нескольких жилых и хозяйственных помещений, на высоком подклете; украшенные резьбой наличники и ставни окон, карнизы, ох-

лупень на крыше, опорные столбы ворот; расписные ставни окон, печь и стены).

Широко были распространены замкнутые дворы, обнесенные высоким срубным или столбовым забором и обставленные по периметру хозяйственными службами. Мощные хозяйственные постройки часто стояли по обе стороны дома, защищая его от ветра и непогоды. Двор нередко разделяли на две части: чистый двор, или ограду, и задний скотный двор, или пригон.

В Заполярье с целью сохранения тепла избы строили низкими, иногда углубленными в землю, стены рубили из бревен, строительным материалом служили плавник и низкорослые деревья. Стены и плоскую крышу утепляли землей, снегом; двери обивали звериными шкурами или войлоком; в окна вставляли летом рыбий пузырь, а зимой – пластины льда. Для отопления жилья служила русская печь либо чувал (очаг).

Для хозяйственного уклада «сибиряков» характерно использование различных типов временного жилища: пашенные избушки, в которые семья переезжала на время полевых работ, станки на охотничьих и рыбных промыслах, лабазы около промысловых избушек (сруб или ящик, поднятый над землей на столбах, для хранения продуктов и добычи).

Освоение Сибири и Дальнего Востока русскими оказало мощное воздействие на развитие коренных народов. Постепенно сложился новый тип отношений между народами, населяющими эти территории, установились экономические, социальные и культурные связи. Через русских крестьян ряд коренных народов приобщился к земледелию. Воспринимая хозяйственные навыки и опыт русских крестьян, они постепенно перешли к оседлому образу жизни, стали строить дома. В их быт вошли многие инструменты и предметы домашнего обихода, характерные для русских. Русские миссионеры сыграли огромную роль в христианизации народов Сибири и Дальнего Востока. Они первыми стали изучать их языки, переводить на ряд из них церковные книги.

На протяжении XX в. (под воздействием интегративных, нивелирующих этническую самобытность тенденций и мощных потоков «новоселов») происходило постепенное «вымывание» старожильческого населения, разрушение традиционного уклада их жизни. В

близкой перспективе может стать реальностью утрата этой уникальной культуры, адаптированной к суровым природно-климатическим условиям и имеющей ресурсосберегающий характер. В этой связи перед органами государственного управления как федерального, так и регионального и местного уровней встает ряд задач.

На сегодняшний день сохранение традиционного природопользования является основой экологической безопасности и устойчивого развития регионов Сибири и Дальнего Востока. Это обусловлено тем, что традиционные способы природопользования старожильческого населения (исторически сложившийся элемент современной экосистемы) базируются на принципах долговременного, экономически сбалансированного освоения окружающей среды, на использовании только возобновляемых природных ресурсов. Такой хозяйственно-культурный уклад обеспечивает сохранение и воспроизводство этнической самобытности, действие механизмов культурной преемственности и стабильности сложившейся в Сибири этнолингвистической системы. Он является основой уникальной системы жизнеобеспечения, практической реализацией успешного опыта адаптации человеческих коллективов к экстремальной природной среде (принципиально иного, чем опыт европейской цивилизации).

Задачей первостепенной важности, одной из базовых составляющих некризисного развития Сибири является осуществление нормативно-правового регулирования экономических и социокультурных отношений с учетом специфики старожильческого населения. Основное внимание должно быть уделено разработке адекватного общественным потребностям природоохранного законодательства, нормативных документов, регламентирующих конституирование и деятельность органов местного самоуправления в местах компактного проживания старожилков.

Природоохранное законодательство должно включать: определение и уточнение территорий традиционного природопользования старожилков; передачу старожилам бесплатно пастбищ, охотничьих, рыболовецких и других угодий для комплексного традиционного использования; предоставление старожилам (наряду с коренными народами) преимущественного права на заключение договоров и получение лицензий на использование возобновляемых природных ре-

сурсов; создание и сохранение зон заповедных, промысловых, а также зон с ограничением промышленного использования.

При проведении реформы управления и самоуправления, при формировании административно-территориального устройства субъектов РФ и их государственно-правовых структур необходимо учитывать такие факторы, как наличие мест компактного проживания старожилов и накопленный ими опыт самоорганизации, реализовавшийся ранее в формах волостного и общинного самоуправления. На очередь дня уже поставлена задача создания системы территориально-общинного местного самоуправления, органы которого возьмут на себя задачу консолидации старожилов, возрождения мировоззренческих основ традиционной культуры. Следует предусмотреть меры государственной поддержки общественных объединений старожильского населения, таких как землячества. Процессы создания подобных организаций идут достаточно активно. Так, в Республике Саха еще в 1996 г. было создано землячество «Русские старожилы Республики Саха (Якутия)», действует Клуб старожилов г. Якутска. Применение закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» в Сибири и на Дальнем Востоке представляется эффективным только в том случае, если будет учтена специфика традиций и культуры старожилов.

Первоочередными задачами государственного управления являются: определение круга нерешенных проблем и их приоритетности, степени воздействия долговременных факторов на направление и характер протекания этнокультурного и этносоциального развития старожильского населения Сибири и Дальнего Востока; обеспечение оптимальных условий сохранения типологического многообразия и полноценного развития культуры старожильского населения как одного из вариантов русской культуры.

Целесообразной в этой связи представляется разработка комплексной межрегиональной программы, ориентированной на возрождение традиционного образа жизни, бытового уклада и культуры старожилов и предусматривающей систему мероприятий: по анализу современной этнодемографической ситуации (численность, места компактного проживания, степень сохранности традиционного образа жизни, занятость в сфере традиционных форм хозяйствования и т.д.); по изучению и практическому применению накопленного старожилами

огромного положительного опыта хозяйственного освоения территорий, расположенных в суровых природно-климатических условиях; по всестороннему историко-типологическому изучению культуры старожилов и мобилизации учреждений культуры на актуализацию их историко-культурного наследия; по поддержке позитивных начинаний в области самоорганизации старожильского населения.

К вопросу об этнополитической ситуации в России¹³

Периоды кризисного социально-политического развития, как правило, сопровождаются активизацией национального самосознания. Миграционные процессы последних лет в значительной мере изменили этнополитическую ситуацию практически во всех регионах России. Все большее число местных жителей видит в беженцах и переселенцах причину своего ухудшающегося социально-экономического положения, воспринимает их как конкурентов на рынке труда и жилья. В свою очередь среди беженцев и переселенцев становится более заметным настроением на насильственные действия для решения своих проблем на новом месте. Это в значительной степени усложняет деятельность органов государственного и муниципального управления, не позволяет осуществлять принцип равноправного и полного гражданства для представителей всех народов страны.

Процессы возрождения национального самосознания протекают сегодня в нашем обществе достаточно бурно. Они являются следствием распада тоталитарного и идеологизированного общества и общественного сознания и могут стать основой для преобразования России. Однако факты свидетельствуют и о том, что возрождаясь, «выходя наружу», национальное самосознание народов России несет на себе отпечаток всех социальных катаклизмов произошедшего перелома.

Процессы, происходящие в самосознании этноса и связанные с наличием, воспроизведением либо утратой национальной идентичности в полиэтничном социуме, напрямую связаны с этнической ассимиляцией и интеграцией. Выявление различных тенденций развития отдельных этносов в плане их ассимиляции и интеграции – важный аспект выработки национальной политики. Утрата или низкий уровень национального самосознания зачастую являются следствием эт-

¹³ Аналитическая записка 1998 г. Публикуется впервые.

нической ассимиляции, конечной стадией которой может стать либо смена этничности, либо деэтнизация.

В советский период в нашей стране в развитии миноритарных этносов преобладали процессы деэтнизации. Утрата этничности происходила и у мажоритарного этноса России (русских), что было следствием формирования в СССР безэтничной общности «советский народ». Имела место тенденция действительной ассимиляции малых этносов России ее титульным этносом, которая в отличие от деэтнизации протекала более естественным путем и характерна не только для советского, но и для более раннего периода.

Процессом, который в некотором роде противоположен ассимиляции, является межэтническая интеграция (в результате создается нормальный климат для общения и сосуществования различных народов). Несмотря на то, что каждый этнос имеет свою собственную судьбу и только ему предписанные законы возникновения, развития, расцвета, упадка и исчезновения, можно считать этноинтеграционные тенденции наиболее естественными, оптимальными и обеспечивающими прогрессивный путь развития для полиэтничного российского общества, особенно в современную эпоху, для которой характерна не культурная унификация, а взаимодействие и взаимообогащение сосуществующих на равных правах разнообразных культур. Для России национально-ассимиляционные процессы не являются перспективными и целесообразными.

Следствием насильственной деэтнизации российских этносов в предшествующий период явилось значительное подавление их культурных форм и национальной идентичности. Между тем интегрироваться способны лишь полноценные и равноправные в культурном и социальном плане нации. Поэтому, прежде чем перейти в состояние межнациональной интеграции, российские этносы должны пройти стадию культурного возрождения.

Естественной этносоциальной закономерностью является тот факт, что процессы национальной суверенизации во многом отрицают этническую интеграцию. В связи с этим следует признать: если предшествующий период в России характеризовался как процессами деэтнизации, так и большей или меньшей степенью ассимиляции, то в настоящее время все более реальными становятся тенденции национальной дезинтеграции. Российские этносы проходят этап, когда

доминирует ориентация на себя, оформляется подавленный ранее национальный интерес, минимизируется открытость по отношению к другим этносам. В связи с этим задачей органов государственного и административного управления является содействие процессам культурного возрождения этносов, коррекция дезинтеграционных процессов как неизбежного следствия такого возрождения, недопущение перехода национальной дезинтеграции в свою крайность – национальное обособление и конфликты.

Важность рассмотрения национального самосознания для понимания механизмов регулирования национальных отношений связана с тем, что оно представляет собой не просто чувство принадлежности человека к определенному этносу. Национальное самосознание – тот индикатор, по которому можно судить о степени единства этнической группы в пределах определенной территории, о ее отношении к своему национальному окружению и к своему положению в данных условиях. Именно в рамках национального самосознания зарождается ощущение национальной неполноценности или национального превосходства, формируются национальные интересы, которые постепенно оформляются в политические пристрастия, детерминирующие собой определенные стратегии национально-группового поведения.

С распадом советской культуры впервые за многие десятилетия возникла возможность развертывания национально-культурных моделей поведения этносов России, появились условия для их легализации, открытой реализации культурных образцов, воссоздания институтов национально-культурного бытия. Одновременно появилась возможность восстановления утраченных черт национального самосознания.

Парадоксом сегодняшнего дня является бурный рост самосознания различных этносов в условиях ослабления традиционных этнических черт и почти не сформировавшихся национальных интересов. Это может привести к манипулированию обостренными национальными чувствами людей, к навязыванию этническим общностям интересов не этнического, а узкогруппового политического, экономического и идеологического характера.

Поэтому управленческие стратегии в области национальных отношений в первую очередь целесообразно ориентировать на создание условий для естественного развертывания национального самосоз-

нения, для постепенного возвращивания истинной национальной идентичности, имманентно присущих каждому народу национальных чувств и интересов, и в то же время – на предотвращение попыток манипулирования национальными чувствами.

Основная масса населения пока не сумела активно включиться в реализацию реформ, порой даже толком не уяснила смысл глобальных процессов, вовлекших ее в водоворот событий. Это объясняется как трудностями социальной адаптации к новым условиям жизни, так и характером нарождающихся форм жизнеустройства.

В сложившейся этнополитической ситуации насущная потребность в профилактической диагностике определяется самой социальной реальностью, практикой повседневной жизни, в первую очередь в сфере взаимоотношений культур и цивилизаций. Большинство национальных конфликтов возникает на стыке разных культур. Имея собственную структуру, они во многом отражают иные противоречия: экономические, социальные, политические.

Специфический этнокультурный облик регионов Российской Федерации предопределяется субкультурной интеграцией различных малых народов и этнических групп в рамках доминирующей культуры. Для развития наций и этнического взаимодействия наиболее существенное значение имеют: языковая компонента как особая форма отражения действительности и специфический фактор интегрированности этноса; соционормативная компонента, обуславливающая сохранение и передачу социального опыта определенной этнической общности; этнопсихологическая компонента (совокупность взглядов и установок представителей этносов в сфере национального общения и межэтнического культурного взаимодействия).

О нормативном регулировании культуры

Отечественное законодательство и культура¹⁴

Основное содержание законодательных актов, регулирующих общественные отношения, составляют определение и классификация объектов по имманентно присущим им свойствам и признакам, а также закрепление (фиксация) механизма (способов) их взаимодействия. Дефиниции имеют прикладной характер, формулируются под определяющим воздействием господствующих в обществе представлений. В нормативных документах разного времени запечатлены разные подходы к культуре, они по-разному регулировали функционирование культурного наследия и достояния в целом и составляющих их элементов, определяли механизм их использования, меры обеспечения сохранности, безопасности и доступности, ранжировали объекты по степени их ценности (значения для общества). По определенному набору свойств и признаков объекты признавались имеющими ту или иную культурную ценность, получали либо нет статус «памятника» (искусства и старины, истории и культуры) или «культурной ценности», включались либо нет в культурное наследие, подлежащее охране. Прослеживается стремление выделить наиболее ценную часть наследия и обеспечить в первую очередь ее сохранение и передачу следующим поколениям. Особую актуальность это приобретало в кризисные, переломные эпохи, когда вследствие общей нестабильности возрастала угроза безопасности культурного наследия и культурного достояния.

В 1920-е гг., когда в России господствующей стала коммунистическая идеология, когда в качестве главной была провозглашена задача приобщения к культуре трудящихся масс, основное средство этого приобщения, его материальный «базис» видели в обобществлении культурных ценностей. По этим причинам декреты, постановления, инструкции трактовали преимущественно то, как следует учитывать ценности, еще находившиеся в частном владении, как изымать у

¹⁴ Впервые опубликовано: Культура на пороге III тысячелетия: Тезисы докладов Международного семинара в г. Санкт-Петербурге 25-26 апреля 1994 года. СПб.: Санкт-Петербургская государственная Академия культуры, Международный центр культурологических исследований «Консонанс», 1994. С. 139–143.

прежних владельцев – эксплуататорского государства и эксплуататорских классов («отчуждать») «монументальные и вещевые памятники», «имеющие большое научное, историческое или художественное значение», как осуществлять их государственную регистрацию, охрану и включение в Государственный музейный фонд. Единственным гарантом сохранности и безопасности ценностей культуры признавалось государство; документы различали ценности, имеющие научное, культурно-историческое и историко-художественное значение.

Для законодательства 1930-х гг. характерна жесткая установка на централизацию, крайнее ее проявление – передача Наркомпросу РСФСР права изымать из местных музеев «особо ценные художественные экспонаты». В нормативных документах для наиболее ценных объектов утвердилось определение «памятник», а для памятников – деление на движимые и недвижимые (по терминологии того времени – «монументально-вещевые», либо «исторические», памятники – «музейные предметы, имеющие историко-художественное значение»), на памятники государственного и местного значения. В последнем случае произошло совмещение административно-территориального и ценностного принципов группировки. Практически все памятники рассматривались как исторические, главенствующее значение признавалось за памятниками революционного движения. Появились перечни объектов, относимых к определенному виду памятников: исторические памятники – крепостные сооружения, дворцы и т. д.; археологические памятники – городища, селища и т. д.

Подъем национального самосознания, вызванный победой в Великой Отечественной войне и переменами в жизни общества после смерти И. В. Сталина, выразился, в частности, в повышенном внимании к проблемам культурного наследия. Своеобразным итогом дискуссий по этому вопросу стало принятие законов СССР (в 1976 г.) и РСФСР (в 1973 г.) «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Основной задачей законодательства провозглашалось обеспечение сохранности памятников для нынешнего и будущих поколений, эффективного их использования для научного изучения и пропаганды «в интересах коммунистического воспитания». В сфере права основным понятием было признано понятие «памятник истории и культуры», которое определялось исходя из марксистской теории отражения: памятники «отражают материальную и духовную жизнь прошлых поко-

лений». Единственным критерием присвоения статуса памятника закон называет «историческую, научную, художественную или иную культурную ценность», не показывая, как она может быть определена. Для обеспечения сохранности наиболее ценных памятников закон предусматривал создание историко-культурных заповедников.

В последние годы в качестве основного объекта права признаны не отдельные памятники, а культура в целом; главной задачей законодательства признано обеспечение безопасности, защита культурных ценностей – как материальных (вещественных, предметных), так и идеальных. Показательно стремление согласовать отечественное законодательство с международным и, прежде всего, с конвенциями ЮНЕСКО (1970, 1972). «Основы законодательства РФ о культуре» (1992) в качестве основных называют «культурную деятельность», «культурное наследие» и «культурное достояние», «государственную культурную политику» и др. Понятие «памятник истории и культуры» в «Основах» соотнесено с понятием «культурные ценности». Включение в культурные ценности ценностей нематериальных (идеалы, нормы поведения, язык, традиции, обычаи) отличает «Основы» от других законодательных актов. Целям «Закона о вывозе и ввозе культурных ценностей» (1993) и Конвенции 1970 г. соответствуют рассмотрение только движимых культурных ценностей и определение их как обладающих свойством ценности (важности, значения). Категории культурных ценностей выделяются по признакам происхождения, содержания (исторические, художественные и т.д.) и для некоторых – мемориальности, давности, редкости, рукотворности. Документы предусматривают меры охраны и сохранения для своей страны наиболее ценной (важной) части культурного наследия. В отличие от них «Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» (1954) трактует обо всей совокупности материальных культурных ценностей (движимых и недвижимых), классифицируя их по степени концентрации: отдельные памятники, предметы и ансамбли; хранилища движимых культурных ценностей (музеи и др.), центры сосредоточения культурных ценностей (города и др.).

Желание обеспечить сохранение и передачу следующим поколениям наиболее ценной части культурного наследия в нынешних сложных условиях обусловило появление Указа президента «Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Фе-

дерации» (1992) и сопутствующих положений. Особо ценными признаются объекты, не только представляющие собой «материальную, интеллектуальную и художественную ценность», но и обладающие свойствами эталонности и уникальности. Им полагается «высшая категория охраны и учета», как ранее памятникам союзного значения, и особые формы государственной, поддержки. Они включаются в Государственный свод и могут быть представлены в ЮНЕСКО для включения в Список Всемирного наследия. К сожалению, понятие «особо ценный объект» не соотнесено с понятиями «памятник», «культурная ценность», «культурное наследие» и др. Не показано, на основании каких признаков должна определяться «ценность эталонного и уникального характера». Не обозначены принципы ранжирования, позволяющие объективно решать вопрос об отнесении к особо ценным тех или иных объектов. Представляется, что эти принципы не могут быть качественно однородными для особо ценных объектов-культурных ценностей и объектов-производителей культурных ценностей (предприятий, организаций, учреждений культуры). Фундаментальной является проблема определения того количества особо ценных объектов, которое необходимо и достаточно для сохранения качества национального культурного наследия. «Положение» об особо ценных объектах не вполне согласуется с «Конвенцией об охране всемирного культурного наследия» (1972). Конвенция, например, не включает в культурное наследие учреждения культуры, следовательно, особо ценные объекты – учреждения культуры не могут быть внесены в Список Всемирного наследия.

Попытки реализовать в современном законодательстве системный подход к культуре в целом могут быть оценены как позитивные. В то же время следует отметить, что проблема выработки объективных критериев отбора и принципов ранжирования культурных ценностей по-прежнему не решена. Требуется теоретическое их обоснование.

Законодательство по музейному делу¹⁵

Законодательство Российской Федерации провозглашает право каждого человека на приобщение к культурным ценностям, гумани-

¹⁵ Впервые опубликовано: Музейное дело России / Под ред. Каулен М.Е., Коссовой И.М., Сундиевой А.А. М.: Издательство «ВК», 2003. С. 563–570.

тарное и художественное образование, право собственности на культурные ценности, право создавать организации, учреждения и предприятия в области культуры.

Законодательство по музейному делу является частью законодательства о культуре и как таковое определенным образом соотносится с другими отраслями права: гражданским, административным, уголовным, таможенным правом. Оно регламентирует эту сферу деятельности, регулирует складывающиеся в ней общественные отношения.

По определению К.Е. Рыбака, музейное право – «комплексная (синтетическая) подотрасль права, представляющая систему правовых норм, устанавливаемых государством и предназначенных для регулирования общественных отношений, связанных с оборотом культурных ценностей, выявлением, изучением, охраной, реставрацией и использованием памятников истории и культуры, коллекционированием, эстетическим воспитанием, художественным образованием, иной деятельностью, направленной на сохранение, распространение и освоение культурных ценностей»¹⁶.

Источниками музейного права являются основополагающие законодательные акты Российской Федерации: Конституция, Гражданский кодекс, Уголовный кодекс (статьи, трактующие о краже, контрабанде, невозвращении на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния и др.), Кодекс законов о труде. Эту сферу регулирует ряд законов РФ: «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (1992), «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (1993), «Об особо охраняемых природных территориях» (1995), «О некоммерческих организациях» (1996), «О лицензировании отдельных видов деятельности» (1998), «Об авторском праве и смежных правах» (1993).

Правовое регулирование музейного дела и культуры в целом осуществляется не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов РФ и органов местного самоуправления. Им переданы полномочия по регулированию финансирования, создания, реорганизации и ликвидации большинства учреждений культуры, в том числе музеев, назначения их руководителей, строительства зданий и сооружений, обустройства прилегающих территорий, контроля условий аренды

¹⁶ Рыбак К.Е. Правовое обеспечение музейной деятельности // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков. М., 2001. С. 175–176.

зданий, помещений и иных объектов собственности организациями культуры.

Помимо законов данная сфера регулируется также подзаконными актами: приказами и циркулярными письмами Министерства культуры РФ, других ведомств, имеющих отношение к предмету ведения музейного права.

Предметом музейного права являются такие направления деятельности музеев, как деятельность хозяйственная, экспертная, научно-методическая, просветительская, выставочная и др.

Правовое обеспечение музейной деятельности, нормативное регулирование сложных коллизий, возникающих в музейном деле, стало предметом специального рассмотрения в 1996 г., когда был принят первый в истории России Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». В Законе определена сфера его применения: особенности правового положения Музейного фонда (далее – МФ) и музеев Российской Федерации, все действующие и вновь создаваемые в Российской Федерации музеи. На наш взгляд, формулировка «особенности» неточна. Более адекватным сути задачи было бы употребление термина «специфика».

Вне сферы действия Закона фактически оказались собрания музеев, в силу разных причин закрывшихся в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. Их судьба как бы выведена за рамки принятого Закона, поскольку он распространяется на вновь учреждаемые и действующие музеи.

Закон определяет, какие акты составляют собственно законодательство о МФ и музеях. Это Конституция Российской Федерации, Основы законодательства о культуре, сам закон, принимаемые в соответствии с ним федеральные законы и иные нормативные правовые акты (как Российской Федерации, так и ее субъектов). Он устанавливает приоритет закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» по отношению к иным актам, затрагивающим музейную сферу.

Закон достаточно корректно определяет как состав основных понятий, которыми он оперирует, так и их содержание: культурные ценности, музейный предмет, музейная коллекция, музейный фонд, музей, хранение, публикация.

Закон предусматривает государственное регулирование в сфере музеев и Музейного фонда РФ. Основной его задачей является определение границ и условий государственного регулирования имущественных и неимущественных личных прав и обязанностей в сфере музеев и МФ, а также государственного контроля в отношении музейных предметов и коллекций, включенных в состав МФ (на уровне государства в целом и составляющих его субъектов). Эти функции от имени РФ и субъекта осуществляют федеральный либо региональный орган исполнительной власти, на который правительством РФ либо высшим органом исполнительной власти соответствующего субъекта РФ возложено государственное регулирование в области культуры.

Основными составляющими элементами МФ Закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» называет музейный предмет и музейную коллекцию. Закон провозглашает, что включенные в состав МФ предметы и коллекции «являются неотъемлемой частью культурного наследия народов Российской Федерации». Данное положение имеет важное практическое, охранное, значение.

Закон предусматривает разделение МФ на государственную и негосударственную части. «Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, закрепляются за государственными музеями, иными государственными учреждениями на праве оперативного управления» (ст. 16). Это положение, естественно, не распространяется на негосударственную часть МФ. Закон предусматривает также государственную поддержку государственной части МФ (финансирование, гарантии возмещения ущерба, причиненного музейным предметам и коллекциям, налоговые и иные льготы, особые формы поддержки) и негосударственной части (предоставление государственных реставрационных учреждений для проведения реставрационных работ, обеспечение передачи музейных предметов и коллекций на хранение в государственные хранилища, частичная компенсация затрат на обеспечение безопасности музейных предметов и коллекций, налоговые и иные льготы). Как видим, формы поддержки различаются.

Различны и формы государственного контроля. Для государственной части это: проверка состояния сохранности и условий хра-

нения музейных предметов и коллекций; направление запросов и получение информации о них, необходимой для осуществления государственного учета МФ. Для негосударственной дополнительно введена «постановка вопроса перед собственником об изменении места хранения либо отчуждении музейных предметов и музейных коллекций, переданных в управление негосударственным музеям, в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом».

Закон устанавливает в самой общей форме ограничения доступа к музейным предметам и коллекциям, включенным в состав Музейного фонда РФ и находящимся в музеях (ст. 35). Это положение следовало бы развить и дополнить, учитывая присущую музеям различных групп специфику. Вполне допустимым, например, представляется ограничение доступа к коллекциям эталонных образцов и некоторым др.

Тема имущественных прав, собственности является одной из основных. По Закону порядок учреждения, функционирования и ликвидации государственных и негосударственных музеев имеет некоторые особенности. Собственниками музейных предметов и музейных коллекций могут быть государство, муниципальные образования, частные лица, допускаются и «иные формы собственности».

В Законе не получила отражения одна весьма распространенная форма собственности, а именно коллективная, то есть собственность различных сообществ: акционерных компаний, кооперативов, общественных объединений. Закон также не определил права и обязанности различных категорий собственников в отношении музейных предметов и коллекций.

Закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» в силу необходимости определяет самые общие свойства, качества, признаки, взаимосвязи и взаимоотношения музеев, оставляя в стороне специфические черты, присущие различным группам музеев, принадлежащих различным категориям собственников. Он определяет музей как некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций (ст. 3) или, далее, для хранения, выявления и собирания, изучения, публикации музейных предметов и музейных коллекций и осуществления просветительной и образовательной деятельности (ст. 27).

Эти положения не в полной мере учитывают специфику музеев различных групп. Так, например, музеи научных учреждений «обслуживают» определенную отрасль науки, создаются для хранения, собирания, изучения и в гораздо меньшей степени для публичного представления музейных предметов и коллекций, обладающих особыми свойствами эталонных образцов, типовых экземпляров.

Свою специфику имеют также включение-исключение, гражданский оборот, отчуждение музейных предметов и коллекций, составляющих собрания музеев этой группы. Данные собрания, как правило, принадлежат не музеям, а научно-исследовательским учреждениям, которые могут распоряжаться ими в соответствии с тем, как их руководство понимает свои задачи.

Учет и хранение музейных предметов и коллекций в таких музеях также имели особенности по сравнению с музеями, находившимися под патронажем Министерства культуры (ранее СССР, ныне Российской Федерации). Особенности эти определялись как ведомственной принадлежностью музеев науки, так и особыми свойствами и качествами музейных предметов и коллекций, отбирившихся в их собрания (напомним: эталонные образцы, типовые экземпляры). Особенности музеев разных групп должны быть учтены при разработке новых нормативных документов и при внесении изменений и дополнений в действующие.

Позитивное значение Закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» трудно переоценить. Тем не менее с его принятием ряд проблем остался нерешенным. Так, в Законе даже не упомянуты ведомственные музеи, вопрос о том, кто является их собственником (государство в лице ведомства либо непосредственно те организации, структурными подразделениями которых музеи являются) остается в правовом отношении неурегулированным. Между тем в настоящее время ситуация усложнилась: учреждаются не только учебные, но и научно-исследовательские негосударственные учреждения; стало возможным создание негосударственных музеев. Законом эта коллизия не предусмотрена и не разрешена.

Следует также отметить, что в современном законодательстве, имеющем отношение к музейному делу, имеют место противоречия и несогласованность ряда положений. Для примера обратимся к тому, как разрабатывается в нем проблема культурных ценностей. Это по-

нятие в нормативных документах последних десятилетий XX в. стало использоваться в качестве основного вместо понятия «памятник истории и культуры». Они ранжировали объекты по степени их ценности (т. е. значения) для общества. По определенному набору признаков объекты признавались либо не признавались имеющими ту или иную культурную ценность, включались (либо нет) в культурное наследие и соответствующим образом охранялись.

В определении культурных ценностей, данном в «Основах законодательства РФ о культуре», сочетаются идеальное и предметное, что отличает их от других отечественных актов и конвенций ЮНЕСКО, две из которых («Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности», 1970 г.; «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия», 1972 г.) были ратифицированы СССР только в 1988 г. Некорректным следует признать использование в «Законе о вывозе и ввозе культурных ценностей» понятия «движимые предметы» наряду с понятием «культурные ценности», несоотнесенность этого последнего с понятием «культурное наследие».

Стремлением выделить наиболее ценную часть наследия и обеспечить в первую очередь ее сохранение и передачу следующим поколениям было обусловлено появление Указа Президента РФ «Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации» (1992) и сопутствующих положений (об особо ценных объектах и об экспертном совете). К особо ценным были отнесены объекты, не просто представляющие собой «материальную, интеллектуальную и художественную ценность», но обладающие свойствами эталонности и уникальности. Особо ценные объекты подлежали включению в Государственный свод, могли быть представлены в ЮНЕСКО для включения в Список всемирного наследия. К сожалению, в указе понятие «особо ценный объект» не было соотнесено с понятиями «памятник», «культурная ценность», «культурное наследие», не было указано, на основании каких признаков может быть определена «материальная, интеллектуальная и художественная ценность эталонного и уникального характера». Также не были обозначены принципы ранжирования, позволяющие объективно решать вопрос об отнесении к особо ценным объектам и о необходи-

мом и достаточном количестве объектов, позволяющем сохранить качество национального культурного и природного наследия. Следует отметить, что эти принципы не могут быть качественно идентичны для особо ценных объектов – культурных ценностей («историко-культурные и природные комплексы, архитектурные ансамбли и сооружения») и особо ценных объектов – «производителей» культурных ценностей («предприятия, организации, учреждения культуры»).

Продолжение работы по созданию пакета законодательных актов, адекватно отражающих проблемы сохранения и использования культурного наследия в целом и отдельных его частей, учреждения, функционирования и ликвидации музеев различных групп, четко фиксирующих формы и методы управления ими, представляется на сегодняшний день задачей первостепенной важности.

Репрезентативная подборка нормативных документов, регулирующих на современном этапе деятельность музеев, дана в сборниках, подготовленных Государственным Историческим музеем: «Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1991-1996» (М., 1998) и «Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1996–2000» (М., 2001). В сборниках представлены документы, освещающие общие вопросы работы музеев, проблемы финансово-хозяйственной деятельности музеев, сохранения культурного наследия, охраны и использования недвижимых памятников истории и культуры, взаимодействия религиозных организаций с музеями и органами охраны памятников, а также документы об особо ценных объектах культурного и природного наследия, о ввозе, вывозе и реституции культурных ценностей, об учете и хранении музейных ценностей, обеспечении безопасности работы музеев.

О музееведении и музеях

Диалог культур в музее¹⁷

Музей как социокультурное явление – порождение западной цивилизации, для которой характерна опосредованная (через книгу, документ) передача знания. Для Востока же более характерна непосредственная передача знания от учителя к ученику.

Музей предоставляет уникальные возможности для диалога, он диалогичен по самой своей сути. Он осуществляет связь времен и народов путем собирания, хранения и трансляции культуры, путем актуализации культурного наследия в форме музейного предмета, коллекции, музейного собрания. С момента зарождения и поныне важнейшей функцией музея была аккумуляция и последующая актуализация позитивной информации. Существенное влияние на информационный процесс, в том числе на передачу культурного опыта (коммуникацию культуры), оказывает, по-видимому, информационная энтропия, то есть рассеяние информации в процессе ее создания, преобразования, передачи, восприятия и использования, уменьшение определенности и нарастание неопределенности при переходе информации из состояния актуальной в состояние потенциальной. Информационная энтропия приводит к снижению интенсивности информационного потока, к уменьшению разнообразия информации и глубины социальной памяти. Одна из основных его задач – накопление и сохранение информации, предъявление ее в виде музейной экспозиции отдельной личности и обществу в целом. Сохраняя подлинники, музей сохраняет не только актуальную, но и потенциальную, то есть пока еще невоображаемую обществом, информацию.

В современном мире музей является важным связующим звеном для этносов, социумов, территорий – местом, где специально демонстрируется роль каждого из них в культуре человечества, куда приходят люди разной национальной и социальной принадлежности.

В музее осуществляется диалог человека и предмета, осознанно как культурная ценность и по этой причине изымаемого из среды

¹⁷ Впервые опубликовано: Третий Международный философский симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток-Запад»: Тезисы докладов и выступлений. М.: РУДН, 1997. С. 214–215.

бытования. В процессе создания коллекции идет диалог человека и отобранного (избранного) им предмета; в процессе предъявления обществу музейного собрания в виде экспозиции диалог продолжается как диалог предмета и зрителя. Таким образом, музей становится средством выражения причастности человека к развитию культуры и реализации творческого потенциала личности.

Как государству, так и этносу для их сохранения и развития необходимо идентифицировать себя, определить свое место в мире и добиться, чтобы это самоопределение было признано другими. Для этого нужны особые органы представительства вовне и внутри. Музеи достаточно эффективно выполняют представительскую (репрезентативную) функцию. Потенциал музейных собраний достаточен для того, чтобы представить отдельное государство или этнос мировому сообществу, а также для того, чтобы показать гражданам достижения их страны, место их культуры в мировой.

Музей является важным элементом познания, средством и местом связи (диалога) познающего субъекта с объектом познания – природой и обществом; в этом своем качестве он не только хранитель, но и источник нового знания. При взгляде на музей как объект познания определяются основные его характеристики, происхождение и эволюция, современное состояние и перспективы развития.

В музее идет диалог не только человека с предметом, но и предмета с предметом. Предметы, создававшиеся в разных культурах, попадая в музейное собрание, оказываются втянутыми в новые для них связи, которые выявляются в процессе их исследования и предъявления в виде экспозиций, ведут диалог с исследователем и музейным зрителем.

Музееведение в системе наук¹⁸

На современном этапе четко обозначилось стремление музееведения обустроиться в системе наук. Как правило, это связывают с выявившейся ориентацией общества на углубление социальной памяти, сохранение и обдуманное использование духовного и материального опыта прошлых поколений, оставленного ими культурного насле-

¹⁸ Впервые опубликовано: Музейное дело России / Под ред. Каулен М.Е., Коссовой И.М., Сундиевой А.А. М.: Издательство «ВК», 2003. С. 249–251.

дия. Думается, что в этом находит выражение и тревога, вызванная нарастанием дестабилизирующих тенденций в развитии общества, и стремление противопоставить хаосу – порядок, неопределенности – определенность.

На место музееведения в системе наук оказывает влияние и то, какая тенденция (к интеграции или дифференциации) доминирует. В современной науке присутствуют обе эти тенденции, что приводит, с одной стороны, к разделению наук и, с другой, к их взаимопроникновению и формированию смежных дисциплин. Эти процессы в той или иной мере затрагивают и музееведение.

В соответствии с дефиницией мы определяем место музееведения как общественной (гуманитарной) науки, находящейся в тесных взаимоотношениях с другими общественными, а также естественными и техническими науками. На данном этапе развития музееведение заимствует у них некоторые методы, элементы понятийного аппарата (языка), адаптируя их для решения своих собственных задач.

Связь музееведения с кругом исторических дисциплин (историей, археологией, этнографией и др.) несомненна. Важными направлениями музееведческих исследований являются исследования по истории музееведения и истории музейного дела. Конечно же, для установления закономерностей развития музея и музейного дела музееведение использует тот арсенал средств, которым располагает историческая наука. В свою очередь, результаты, полученные музееведением в этих областях, обогащают историю. Еще более тесной является связь музееведения с историческими дисциплинами как профильными для определенных групп музеев.

Особого внимания заслуживает вопрос о взаимоотношениях музееведения с научными дисциплинами, изучающими закономерности документальной деятельности и документ как источник информации, то есть с документалистикой, архиво- и библиотековедением, источниковедением ряда научных дисциплин. Как и перед этими дисциплинами, перед музееведением стоит задача извлечения нужной информации из музейного предмета. Существует генетическая связь с такими социальными институтами, как архив и библиотека.

В последние годы наметилась тенденция к сближению музееведения и культурологии. Ряд исследователей на этом основании склонны относить музееведение к культурологическим дисциплинам.

Как с профильными научными дисциплинами музееведение связано с широким кругом общественных, естественных и технических наук. Эта связь основана на том, что один и тот же предмет может выступать объектом изучения и музееведения (в качестве музейного предмета), и соответствующей научной дисциплины. Изменения как системы наук, так и системы научного знания (в целом и по отдельным отраслям) оказывали заметное, а в ряде случаев определяющее воздействие на систему музеев, приводя к возникновению одних групп музеев и исчезновению других, на структуру музейного собрания, принципы отбора предметов в музейные коллекции и т. д.

Музееведческие центры¹⁹

Музееведческие центры – это организации и учреждения, осуществляющие научно-исследовательскую деятельность в области музееведения, преимущественно теории, истории и методики музейного дела. Музееведческие центры могут быть самостоятельными либо существовать при каких-то организациях и учреждениях (музеях, институтах и т. д.); они могут быть государственными, общественными или частными; могут иметь статус национальных (общегосударственных), региональных и даже местных; могут быть комплексными и специализированными (профилированными).

Становление и развитие музееведческих центров происходит в тесной связи с развитием музееведения и самих музеев.

Содержание их деятельности определяется тем, какой смысл вкладывается в понятие «музееведение (музеология)» в той или иной стране, том или ином регионе (мира или страны). В соответствии с тем, относится или нет музееведение к наукам и включается ли в него теория и методология или только вопросы методики, музееведческие центры могут быть разделены на группы.

Практически во всех странах мира имеются и численно преобладают музееведческие центры прикладного характера, занимающиеся главным образом вопросами методики музейного дела.

В развитых в музейном отношении странах с широкой инфраструктурой музейных учреждений, научных центров и профессио-

¹⁹ Впервые опубликовано: Музейное дело России / Под ред. Каулен М.Е., Коссовой И.М., Сундиевой А.А. М.: Издательство «ВК», 2003. С. 570–575.

нальных сообществ усилия исследователей направлены на философское осмысление феномена музея, что предопределило соответствующую ориентацию ряда музееведческих центров в них. Известны теоретические изыскания, проводимые в этом направлении Союзом музеев и кафедрой музеологии университета в Лейстере («Лейстерская школа»), сформировавшейся в 1970-1980-е гг. «Кельнской школой» и др.

Первая попытка создать международный музееведческий центр в развивающихся странах в рамках ИКОМ – рабочую группу по музеологии – имела место в 1980 г. на симпозиуме в Мехико. Национальные музееведческие центры функционируют в ряде стран. Назовем некоторые из них: Центр музееведения при Федеральном департаменте древностей в Нигерии, школа музеологии при Дирекции музеев и памятников (Гавана) и др.

В России и странах Восточной Европы музееведы большое внимание уделяли разработке представлений о музееведении как науке со своим объектом и методом исследования. Эти проблемы занимали одно из центральных мест в деятельности их музееведческих центров.

Теоретические проблемы музейного дела обсуждались на музейных съездах, созывавшихся начиная со второй половины XIX в., и в музееведческих периодических изданиях. На съездах и на страницах периодики предпринимались попытки дать обоснование общекультурного и научного статуса музеев. Ту же роль играли регулярно созывавшиеся после Первой мировой войны международные конференции по музейному делу. Постепенно складывались общества и профессиональные организации, ориентировавшие свою работу на сеть музеев, их функциональную и научную поддержку. Проблему становления музейной профессии стали увязывать с утверждением статуса музеологии как науки. Эта проблематика занимала определенное место и в деятельности других научных обществ. Вопрос о необходимости создания единого научно-методического центра обсуждался на Предварительном съезде музейных деятелей в 1912 г.

Существенную роль в процессе самоидентификации музеологии сыграла XI Генеральная конференция Международного совета музеев в Москве-Ленинграде в 1977 г., на которой был создан Международный комитет по музеологии (ИКОФОМ). Первый номер пе-

чатного органа ИКОФОМ – журнала «Museological Working Papers» – посвящался теме «Музееведение – наука или только практическая работа?» Основной задачей Комитета, который существует и поныне, стала координация исследований в области музеологии. Результаты исследований в этой области, проводившихся учеными разных стран, обсуждались на сессиях ИКОФОМ.

Прикладные аспекты музееведения разрабатывались профильными комитетами ИКОМ, а также профильными международными ассоциациями музеев (архитектурных, музеев науки и техники, театральных музеев и библиотек, музеев истории медицинских наук и многих других). Ассоциации периодически созывают конгрессы, на которых обсуждаются актуальные вопросы развития музеологии и музейного дела, освещают данные проблемы в своих периодических и иных изданиях.

Существуют также школы, курсы, институты по музеологии. Наиболее известные музееведческие центры мира – школы и институты музеологии в Буэнос-Айресе и Рио-де-Жанейро, Институт музееведения в Берлине, Кабинет музееведения при Словацком национальном музее в Братиславе, кафедра музеологии Пражского университета, Центральный кабинет музееведения Национального музея в Праге, Национальный центр музеологии при национальном музее естествознания (Сантьяго), Отдел музеологии при музее естественной истории (Париж), Центр музейной прикладной науки для археологии при Пенсильванском университете и ряд других.

В РФ в 1920-е гг. вопросы музееведения обсуждались на музейных и краеведческих конференциях, разрабатывались специально созданными подразделениями в структуре органов государственной власти и научных учреждений: Комиссией по музееведению при подотделе провинциальных музеев отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины НКП РСФСР (1919), Отделом теоретического музееведения Исторического музея (1919 г. – первая половина 1930-х гг.), Методической комиссией музейного отдела Главнауки (1925 г. – не позднее 1928 г.), Комиссией по музееведению при государственной академии истории материальной культуры (1920-е гг.), Московским институтом историко-художественных изысканий и музееведения и др. Эти подразделения стали важнейшими звеньями системы музееведческих центров, издававшиеся ими «Труды», пособия, методиче-

ские рекомендации оказали огромное влияние на развитие музейного дела в стране.

Московский институт историко-художественных изысканий и музееведения был создан в 1919 г. в Москве при Московском отделении ГАИМК, а в 1920 г. прекратил свою деятельность, преобразовавшись в Семинар теории искусства и музееведения. Институт был задуман как центр работ в области теоретического музееведения и подготовки кадров музейных работников и начал вести эту работу. С той же целью и также при ГАИМК в 1932 г. в Ленинграде был учрежден Институт музееведения. Планировалось, что он будет вести теоретические изыскания в области музееведения на основе диалектического материализма. В 1933 г. его деятельность была свернута. Группа по изучению целевых установок крупнейших ленинградских музеев, созданная в структуре Института, обсудила экспозиции МАЭ, Русского музея и некоторых других.

В центре деятельности Отдела теоретического музееведения Исторического музея (1918–1933) стояли общие проблемы изучения истории музейного дела. С этим музееведческим центром связано имя выдающегося отечественного музееведа Г.Л. Малицкого, во многом усилиями которого был создан уникальный справочно-информационный фонд. Отдел работал в тесном контакте с НКП РСФСР, Центральным бюро краеведения, органами управления музеями на местах, рядом университетов.

Созданный в начале 1930-х гг. Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой и музейной работы (ныне Российский институт культурологии) со временем стал ведущим музееведческим центром страны. Эту позицию институт занимает и поныне. Его сотрудниками разрабатывается широкий спектр музееведческих проблем как теоретического, так и прикладного характера. «Труды» института, опубликованные им монографические работы – самая представительная в России совокупность музееведческих исследований.

В 1978 г. была создана Лаборатория музееведения Музея революции, ставшая крупным центром общетеоретических исследований в области музейного дела. Результаты ее деятельности получили отражение в фундаментальных работах по терминологическим проблемам музееведения, истории музееведческой мысли, теории музейного предмета, основным направлениям музейной деятельности.

Помимо вышеперечисленных музееведческих центров в систему организации научно-методической работы, сложившуюся в 1920–1930-е гг. и просуществовавшую до конца 1980-х гг., входили: научно-методические советы при центральных органах управления музеями, решавшие принципиальные вопросы музейного дела; головные музеи, являвшиеся научно-методическими центрами по отношению к музеям одного профиля или региона; научно-методические отделы музеев. Многие элементы этой системы сохранились, ведется поиск и новых организационных форм.

Ряд музеев также может быть отнесен к музееведческим центрам, поскольку в них ведется научно-исследовательская деятельность в сфере «профильного музееведения», осуществляется изучение музейных предметов, их атрибутивных свойств и возможностей интерпретации, подготовка к публикации, создание каталогов, обзорных и монографических историко-культурных работ. Результаты научно-исследовательской деятельности музеев получают отражение в научных изданиях, изданиях музеев и музееведческих периодических изданиях. В ходе проведения научно-исследовательских работ музеи организуют конференции, симпозиумы, семинары, учебные курсы, проблемные группы, творческие коллективы и т. д., выполняя тем самым функции музееведческих центров.

Музееведческие центры вносят важный вклад в формирование представлений о музееведении, его предмете, объекте и методе, месте в системе научного знания, а также о музее, музейном предмете-музейной коллекции-музейном собрании, о законах и путях их развития.

Музееведческие издания²⁰

Музееведческими в строгом смысле слова следует считать научные издания, адресованные в первую очередь специалистам (музееведам, музейным работникам), имеющие целью постановку и разрешение основных проблем теории и методологии, таких, как: объект, предмет и метод музееведения и специальных музееведческих дисциплин, их место в системе наук; феномен музея, его место и роль в культурно-историческом процессе, в сохранении и актуализации

²⁰ Впервые опубликовано: Музейное дело России / Под ред. Каулен М.Е., Коссовой И.М., Сундиевой А.А. М.: Издательство «ВК», 2003. С. 575–588.

культурно-исторического наследия; социальные функции музеев, их взаимоотношения с другими социальными институтами – государством, общественными организациями, архивами, библиотеками, научными учреждениями, школой и др.; история музейного дела в целом, в отдельных странах и регионах, развитие коллекционирования и собирательства и др.

Исторически первыми появились музеографические периодические издания, что соответствует логике развития музееведческого знания. Появление музееведческих периодических изданий, посвященных общим вопросам, произошло позднее, во второй половине XIX в. Одним из первых и наиболее серьезных изданий такого рода был журнал «Museumskunde» (Германия).

Развитие музейной информатики, музейной педагогики, музейной социологии, музейной коммуникации, консервации и реставрации, технических средств на определенном этапе потребовало создания специализированных периодических изданий.

Специфика музея как особого социального института получила отражение не только в конкретных формах музейной деятельности, но и в том факте, что подавляющее число изданий, посвященных музейной проблематике, являются научно-методическими и научно-популярными. Они адресованы не только музейным работникам, но и широкому кругу читателей, ориентированы в первую очередь на решение практических задач музейной деятельности, на привлечение в музей посетителей и на привлечение внимания общества к нуждам музея.

Издатели, заинтересованные в расширении музейной аудитории, прилагают значительные усилия для увеличения числа подписчиков. С этой целью ими проводятся специальные опросы, осуществляется разработка оригинального дизайна, делается и многое другое.

По масштабу выделяются немногочисленные международные издания («Museum»), национальные и региональные (в начале 1990-х гг. их было около 50), многочисленные местные издания. Их издателями выступают международные организации (ЮНЕСКО, международные ассоциации музеев), государственные органы управления музеями, такие, как, например, Министерство культуры Российской Федерации, национальные ассоциации музеев.

Среди музееведческих периодических изданий количественно преобладают журналы, выпускаются также продолжающиеся изда-

ния: научные труды и ученые записки, отчеты и альманахи. В них публикуются оригинальные и переводные статьи, заметки, очерки и обзоры, в том числе библиографические и статистические материалы, методические разработки и рекомендации. Ряд изданий, в том числе и «Museum», практикует время от времени подготовку тематических номеров. В результате укрепления международных связей музеев во многих изданиях значительно больше места стали занимать материалы о практике работы зарубежных музеев, о международных центрах подготовки музееведов и музейных работников, о деятельности международных организаций и пр. Примером подобного издания может служить журнал «Neue Museumskunde», издающийся Институтом музеев Германии.

В России появление изданий, освещавших наряду с другими отдельные вопросы теории и практики музейного дела, относится к 1900–1910-м гг., годам повышенной социальной активности, пробуждения национального самосознания, напряженных поисков истоков отечественной культуры, удивительных открытий в области русского (древнерусского) искусства.

Данные периодические издания были адресованы разной читательской аудитории: художественной интеллигенции («Аполлон»), коллекционерам и всем интересующимся искусством («Художественные сокровища России», «Старые годы», «София»), светской публике («Столица и усадьба»), демократическим кругам («Экскурсионный вестник», «Русский экскурсант»).

Практически все издания того времени имели музеографический характер. В большинстве из них основное внимание уделялось описанию собраний художественных музеев и художественных частных собраний, а также коллекционированию.

В журналах 1900–1910-х гг. на серьезной теоретико-методологической основе начали разрабатываться проблемы собирания, сохранения и изучения русской художественной старины как неотъемлемой части культурно-исторического наследия. В ряде публикаций был поставлен вопрос об охране того, что современная наука определяет как национальные ценности, предложены критерии для определения эстетической ценности произведений искусства, их атрибуции и интерпретации, были найдены удачные формы публикации памятников художественной культуры.

В журнале «Живая старина» музейная тематика появилась с 1906 г., в 1911 г. была открыта рубрика «Русские этнографические музеи», а в 1913 г. была опубликована одна из первых научно обоснованных программ для описания этнографических коллекций. В пяти опубликованных статьях были представлены описанные по данной программе Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Этнографический отдел Русского музея, а также ряд местных музеев. На Предварительном съезде музейных деятелей получила оформление идея создания на основе этого журнала специального музееведческого периодического издания по образцу «*Museumskunde*», однако она не была реализована.

В журнале «Аполлон», издававшемся в Петербурге в 1909–1917 гг. С.К. Маковским и К.Н. Ушаковым, освещались отдельные вопросы изучения и охраны памятников старины, были опубликованы описания собраний И.С. Остроухова, И.А. Морозова, С.И. Щукина. В журнале имела рубрика «Русская художественная летопись», в которой помещалась информация о выставках в России и за рубежом, об отдельных музейных собраниях, о новых поступлениях.

Высокая издательская культура отличала журналы «Художественные сокровища России» (1901–1907, Петербург, редакторы А.Н. Бенуа и с 1903 г. А.В. Прахов), «Старые годы» (1907–1916 гг., Петербург, издатель и с 1908 г. редактор П.П. Вейнер) и «София» (1914, Москва, издатель – владелец книгоиздательства К.Ф. Некрасов, редактор – известный искусствовед П.П. Муратов). Издания были прекрасно иллюстрированы, для первого из них специально заказывались фотографии. Возникновение данных периодических изданий стоит в тесной связи с художественными открытиями начала XX в.

«Художественные сокровища России» рассматривались создателями как «что-то вроде музея», включающего наиболее значительные памятники отечественной и мировой культуры, находившиеся в России. Каждый выпуск состоял из десятка изображений и пояснительного текста к ним. В тексте давались «легенда» памятника, эстетическая оценка, биография творца. Помимо этого подробно были описаны частные (П.П. Семенова-Тян-Шанского, гр. И.И. Шувалова, герц. Г.Н. Лейхтенбергского, Блудовых, Юсуповых и некоторых других) и дворцовые собрания (Строгановского и Мраморного дворцов в Петербурге, дворцов Ораниенбаума, Петергофа, Царского Села, Пав-

ловска), собрания Эрмитажа и частного Музея П.И. Щукина, Саввино-Сторожевского монастыря.

Журнал «Старые годы» освещал общие вопросы искусствоведения, в том числе немаловажную для музеев проблему подделок и определения подлинности памятников культуры, особое внимание он уделял русской художественной старине, общественным и частным собраниям соответствующего профиля. В публикациях показано историческое и культурное значение как отдельных памятников, так и собраний. Одной из тем издания была художественная деятельность русских государей.

В журнале «София» публиковались статьи теоретико-методологического характера, которые знакомили с древнерусским искусством в сравнении с родственными искусствами Востока, античной и византийской традиции. В числе его авторов были известные специалисты, представители творческой интеллигенции: П.П. Муратов, Н.М. Щекотов, А.И. Анисимов, Н. Бердяев, В. Брюсов, Вл. Ходасевич и др. В этой связи заметим, что круг авторов изданий начала века достаточно часто включал одних и тех же людей.

В прямой связи с бурным развитием в начале XX в. экскурсионного дела стояло издание журналов «Экскурсионный вестник» (Москва, 1914–1916 гг., издатель С.С.Ермолаев при участии членов Центральной экскурсионной комиссии при Московском учебном округе, редакторы С.И. Гинтовт и И.Н. Бородин) и «Русский экскурсант» (1914–1917, Ярославль, редактор-издатель С.И. Вахромеев). Журналы имели просветительскую направленность, ориентировались на удовлетворение запросов экскурсантов, главным образом учащихся средней школы. Они уделяли основное внимание методике научно-образовательных экскурсий, рассматривая последние как один из элементов учебного процесса. Данные издания представляли читателям ряд городов России и наиболее известные музеи (Оружейную палату, Исторический музей, Музей изящных искусств им. Александра III) как культурные центры.

Музееведческие периодические издания начала XX в. являются ценным источником по истории музееведческой мысли и музейного дела в России.

После 1917 г. представителям старой русской интеллигенции удалось реализовать идею создания музееведческих периодических из-

даний, во многом благодаря осознанию обществом необходимости сохранения культурного наследия и приобщения к культуре широких масс трудящихся.

Кардинальная перестройка всего музейного дела, формирование музейной сети и Государственного музейного фонда, бурное развитие краеведческого движения, проходившие под лозунгом «Культура – массам», настоятельно потребовали решения как прикладных методических, так и фундаментальных теоретических проблем музееведения.

На совещаниях и конференциях музейных работников, на страницах первых в России собственно музееведческих периодических изданий («Казанский музейный вестник», «Музей») обсуждались роль и место музея в строительстве нового общества, наиболее эффективные методы приобщения широких народных масс через музей к подлинным культурным ценностям, новаторские идеи (создание «музея истории человечества», образное художественное решение музейных экспозиций и многие другие), первые результаты работы по созданию научно обоснованной системы музеев.

«Казанский музейный вестник» (Казань, 1920–1922 и 1924 гг.) – первый в России научно-художественный журнал по вопросам музееведения и музейного дела, а также охраны памятников природы, искусства и старины – издавался Казанским подотделом Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при НКП, затем последовательно Внешкольным подотделом Казанского губернского отдела народного образования и НКП СССР. В редакционную коллегию входили известные музейные деятели: Б.П. Адлер, П.М. Дульский, К.В. Харлампович, Г.С. Губайдулин и М.И. Лопаткин. С журналом сотрудничали выдающиеся ученые, музейные работники, краеведы (И.Э. Грабарь, Д.Н. Анучин, С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, Б.Р. Виппер и многие другие).

Казанские музейные работники, инициаторы издания журнала, видели свою задачу в освещении музейного строительства и краеведения в период революционного переустройства общества. На страницах журнала были поставлены такие проблемы, как взаимоотношения музеев с краеведением, использование музейных коллекций для изучения истории края, взаимодействие областных и местных музеев с центральными, специфичные для различных профильных

и иных групп музеев (естественноисторических, этнографических, театральных, национальных, народных, школьных и др.) проблемы и задачи. В журнале публиковались статьи о состоянии и перспективах развития конкретных музеев и коллекций, о выставках и уникальных музейных предметах.

Теоретические проблемы музееведения были предметом особой заботы инициаторов создания фундаментального периодического издания «Музей» (Петроград, 1923–1924 гг.), являвшегося органом Отделения Главного управления научных учреждений НКП и выпускавшегося при участии РАН и академических музеев, Академии истории материальной культуры, Эрмитажа и Русского музея.

В публикациях «Музея» была дана оценка первых итогов музейного строительства и подведена теоретическая основа под идею научного построения музейной сети и идею плановой собирательской работы. В статьях музей рассматривался как «могучий фактор» культурной и просветительной работы. К сожалению, статья настольной книгой каждого музейного работника издание не успело: вышло всего два тома.

Состояние музейного дела в стране и охрана памятников старины были основными темами бюллетеней Художественной секции НКП РСФСР «Художественная жизнь» (Москва, декабрь 1919 – октябрь 1920 г.). В бюллетенях сочетались черты информационного и теоретико-методологического издания. Они были рупором той части интеллигенции, которая связала свою жизнь с революцией и сотрудничала с НКП. Назовем некоторые имена: А.В. Луначарский, И.Э. Грабарь, Д.П. Штернберг, Ф.И. Шмит, Н.М. Щекотов, П.П. Муратов, В.В. Кандинский и др. Редакционная коллегия, состоявшая из представителей отделов Секции (А.М. и Н.Е. Эфросы, О.М. Брик, А.А. Боровой, М.М. Миклашевский) видела свою задачу в выражении взглядов носителей художественного творчества на цели государства в области музейной политики.

В статьях рассматривались те аспекты музейной проблематики, которые были сопряжены с процессом художественного творчества, а также перестройка структуры центральных и местных музеев и содержания их деятельности, осуществление регистрации произведений искусства, проблемы реставрации памятников старины.

Знаточескую линию в отечественной периодике продолжил журнал «Среди коллекционеров» (Москва, 1921–1924 гг.),

специализировавшийся на вопросах книговедения и искусствоведения, коллекционирования предметов искусства, освещении деятельности музеев.

Его появление было вызвано активизацией деятельности обществ коллекционеров и библиофилов, в свою очередь определяемой многократно увеличившимся оборотом культурных ценностей на соответствующем рынке. Инициатору создания и затем редактору журнала, известному журналисту, члену Общества любителей старины И.И. Лазаревскому удалось привлечь к работе проф. А.А. Сидорова, Б.Р. Виппера, А.Н. Некрасова, председателя Русского общества друзей книги В.Я. Адарюкова, директора Эрмитажа С.Н. Тройницкого, искусствоведов П.Д. Эттингера, П.П. Муратова, А.М. Эфроса и Б.Н. Терновца, членов Ленинградского общества библиофилов Э.Ф. Голлербаха, В.В. Воинова, В.К. Охочинского и др. Журнал являлся органом Общества любителей старины, РОДК и некоторых других организаций того же плана, информировал читателей об их деятельности, об отечественной и заграничной «художественно-коллекционерской и антикварной жизни».

В центре внимания издателей находились история коллекционирования и собирательства и перспективы их развития в России в условиях смены государственного и общественного устройства, задачи, возникшие в связи с национализацией частных собраний, описание коллекций, в частности, передаваемых в дар музеям. На страницах журнала были опубликованы статьи о 17 музеях, 20 коллекциях и их владельцах, о ряде русских усадеб, заметки о новых музеях и новых поступлениях в музейные собрания, биографические очерки о музейных деятелях.

Бурно развивавшееся в 1920-е гг. краеведческое и экскурсионное движение «обслуживали» орган Экскурсионной секции сектора социального воспитания Петроградского отдела народного образования «Экскурсионное дело» (Петроград, 1921–1922) и периодические издания Центрального бюро краеведения – научно-методический журнал «Краеведение» (Москва – Ленинград, 1923 – 1929), «Известия «Бюро (1925–1929), а также созданный на их основе и издаваемый совместно с Обществом краеведов-марксистов, а с 1933 г. – совместно с Центральным НИИ методов краеведческой работы НКП РСФСР журнал «Советское краеведение» (Москва, 1930–1936).

На страницах данных изданий обсуждались цели и задачи краеведения, методика изучения родного края посредством экскурсий, проблемы теории, методики и организации экскурсионного дела, получал освещение опыт проведения образовательных экскурсий. В отличие от первых трех, журнал «Советское краеведение» проводил линию на подчинение краеведческого движения нуждам социалистического строительства и на борьбу с различными так называемыми «уклонами».

От изданий 1920-х гг., имевших дискуссионный характер, издания 1930-х гг. отличались большей идеологизированностью. Они пропагандировали крайне упрощенно понимаемую марксистско-ленинскую методологию построения музеев. В то же время, следует отметить сыгранную ими положительную роль в повышении профессионализма музейных работников.

Наибольший след в истории отечественного музееведения и музейного дела оставили «Сообщения ГАИМК» (с 1932 г. – «Проблемы истории материальной культуры») – ежемесячный журнал по вопросам материальной культуры, истории, техники, археологии, этнографии и музейного дела, а также общественно-политический и научно-методический журнал «Советский музей».

«Советский музей» издавался во исполнение решения Первого всероссийского музейного съезда (Москва, 1931–1940) как орган Сектора науки, затем Музейного отдела (с 1933 г.) и Музейно-краеведческого отдела (с 1938 г.). Его ответственными редакторами являлись в разные годы И.К. Луппол, Ф.Я. Кон, Н.Ф. Карталов, А.Д. маневский.

Журнал был адресован в первую очередь музейным работникам и ориентирован на потребности практического музейного строительства. Следует отметить постепенное нарастание идеологизированности и снижение информативности журнала.

С начала 1940-х и до конца 1960-х гг. музееведческие журналы в России не выходили. Функцию методического обеспечения деятельности музеев в эти годы выполняли научные «Труды» музеев и Института краеведной и музейной работы, а также изданные ими многочисленные методические рекомендации.

Это подготовило появление методического, информационного и теоретического периодического издания, называвшегося «Музейное дело в СССР» (Москва, Министерство культуры СССР и Музей ре-

волюции, 1968–1992). Оно было нацелено на оказание методической помощи музеям и адресовано руководителям музейного строительства, музейным работникам и музейоведам.

На новом этапе развития музейного дела и науки о музее издание вернулось к основополагающим проблемам музейоведения: что есть музей, музей как элемент культурно-исторического наследия, пути совершенствования музейной сети, государственная музейная политика, взгляд на основные направления музейной деятельности как на особые формы и способы «служения» обществу, итоги и перспективы работы отдельных музейев и профильных групп музейев.

Сборники дают представление о состоянии музейного дела в СССР на протяжении 1970-х – начала 1990-х гг., о степени разработанности ряда теоретических и методологических проблем, а также о практическом применении данных разработок.

С конца 1960-х гг. в журнале «Декоративное искусство в СССР» также начинают публиковаться материалы по вопросам исторического и культурного значения музейного дела, проектирования экспозиции.

Вызванные переменами в обществе повышение социальной активности, нарастание тревоги за судьбу отечественной культуры и культурно-исторического наследия послужили причиной возобновления выпуска журнала «Советский музей», а также организации в конце 1970-х – начале 1980-х гг. периодических изданий, посвященных музею как хранителю культурных ценностей и месту, где возможен «диалог культур» («Музей. Художественные собрания СССР», русская редакция журнала «Museum»), и проблеме сохранения культурного наследия («Памятники Отечества», «Наше наследие»). В определенном смысле две последние группы изданий продолжили, возродили направление, открытое в 1910–1920-х гг. журналами «София», «Художественные сокровища России», «Среди коллекционеров».

Возобновленный в 1983 г. в ответ на назревшую общественную потребность журнал «Советский музей» (Москва, Министерство культуры СССР и АН СССР, с 1991 г. Минкультуры России, с 1993 г. выходит под названием «Мир музея», главный редактор Ю.П. Пищулин) по жанру отличался от издания 1930-х гг. В нем публиковались не только статьи научного характера, но и очерки, репортажи, интервью, эссе и даже романы.

Программным лозунгом журнала стало активное участие в духовном возрождении России путем информирования общества о насущных проблемах сохранения и актуализации культурного наследия, мобилизации общественного мнения на поддержку значимых проектов в области музейного дела, путем постановки важных задач развития музейной профессии. «Советский музей» был нацелен на включение музеев в контекст социально значимых факторов современной общественной и культурной жизни. На его страницах публиковались научные концепции новых музеев и музейных экспозиций, рассматривались основные тенденции и перспективы развития музейного дела.

Основными задачами периодических сборников «Музей. Художественные собрания СССР» (Москва, издательство «Советский художник», 1980–1989) стали публикация памятников искусства, преимущественно из музейных собраний, и привлечение внимания общества к этой части национального достояния. Обозначенные в публикациях подходы к принципам комплектования музейных фондов и формирования музейных коллекций, атрибуции, классификации и экспонирования произведений искусства, к изучению истории художественных музеев и коллекций – серьезный вклад в развитие отечественной музееведческой мысли.

Журналы «Памятники Отечества» и «Наше наследие», имея просветительскую направленность, видели свою цель в воспитании у широкого круга читателей бережного отношения к культурному наследию. Они освещали ключевые проблемы сохранения и рационального использования наследия, развития частного коллекционирования и музейного дела. В журналах публиковались материалы о выдающихся памятниках истории и культуры, об опыте их музейного использования, о конкретных музеях и коллекциях, о деятельности музейных работников разных профессий.

Рассмотрение музейного дела в контексте возрождения отечественной культуры позволило музееведческим периодическим изданиям по-новому осветить традиционные для музееведения проблемы: что есть музей, в чем смысл музейной деятельности и др.), выдвинуло в них на первый план проблему передачи культурного опыта, взаимодействия музея и музейной аудитории, музейной коммуникации.

Информационные музейные издания, выпускаемые с 1974 г. Российской государственной библиотекой, заполнили существенную информационную «нишу», позволили сконцентрировать большой массив ценной и малодоступной информации и оперативно ознакомить с ней широкие круги российских музейных работников, музейеведов и специалистов в области охраны памятников.

В серии «Музейное дело и охрана памятников», включающей ежемесячные аннотированные библиографические указатели поступающей в РГБ литературы, «Экспресс-информацию» и «Обзорную информацию», освещалась постановка наиболее существенных вопросов теории и практики музейного дела и охраны памятников. В оригинальных и переводных статьях и заметках, тематических обзорах отечественной и зарубежной литературы были затронуты проблемы развития музейеведения и музейеведческих дисциплин, музейфикации памятников, проектирования музейной экспозиции и др.

Проблемам консервации и реставрации, новым отечественным и зарубежным материалам и технологиям посвящены серии «Консервация и реставрация музейных художественных ценностей» и «Консервация и реставрация недвижимых памятников истории и культуры». Ведущей темой вышеназванных серий было распространение оперативной информации, главным образом об инновациях в музейном деле в России и за рубежом.

Подводя итоги, следует отметить ряд моментов. Как правило, периодические издания, посвященные музейной проблематике, возникали на волне интереса к различным аспектам сохранения и использования культурного наследия. С момента появления первых из них и до настоящего времени определяющей была линия «музей – один из основных хранителей культурного наследия». В развитии данной группы изданий имели место возвраты к определенной проблематике.

Музейное источниковедение²¹

Музейное источниковедение разрабатывает теорию, методологию и методику выявления, изучения и использования музейных предметов и музейных коллекций.

²¹ Впервые опубликовано: Музейное дело России / Под ред. Каулен М.Е., Коссовой И.М., Сундиевой А.А. М.: Издательство «ВК», 2003. С. 231–235.

При таком подходе представляется логичным включить в определение также изучение процессов и закономерностей формирования и функционирования музейных собраний как целостных саморазвивающихся систем, состоящих из музейных предметов и музейных коллекций, определенным образом организованных и соотносенных друг с другом с целью оптимального выполнения музеем его социокультурных функций.

Один и тот же предмет может выступать и в качестве музейного предмета, и в качестве исторического источника и быть объектом теории музейного предмета, исторического и музейного источниковедения. В качестве исторического источника он выступает в первую очередь как средство научного познания, в качестве музейного предмета – в равной мере как средство научного познания, эмоционального освоения мира и коммуникации.

Основными задачами музейного источниковедения специалисты называли выявление содержащейся в музейном предмете, музейной коллекции, музейном собрании семантической (смысловой) информации, а также изучение специфических свойств музейного предмета: экспрессивности, аттрактивности, репрезентативности, коммуникативности.

По мнению специалистов – сторонников создания музейного источниковедения, источниковедческое изучение музейного предмета, музейной коллекции, музейного собрания предполагает осуществление их атрибуции, классификации, систематизации и интерпретации и, в результате, выявление специфики различных типов музейных предметов. Обращаем ваше внимание на тот факт, что в данном случае термины «источник» и «музейный предмет» употребляются чуть ли не как синонимы. В этой связи представляется целесообразным сравнить объекты, выступающие как в качестве исторического источника, так и в качестве музейного предмета.

Объекты природы в музейные собрания отбираются прежде всего как типовые экземпляры, эталонные образцы, голотипы, являющиеся документальным подтверждением факта научного открытия. В источниковедческом плане это наименее изученный тип музейных предметов.

Статические источники в соответствии с традицией, сложившейся в историческом источниковедении и практической музейной дея-

тельности, подразделяются на вещественные, изобразительные и письменные.

Вещественные источники, в которых овеществлена (опредмечена) деятельность людей, содержат информацию о культуре в самом широком смысле: о социальной и экономической организации общества, быте, эстетических, религиозных и иных представлениях, эмоционально-психическом складе и внутреннем мире человека.

Эта информация основательно закодирована, ее извлечение требует разработки специальных, часто изошренных методов: перевода с «языка вещей» на любой из естественных языков, то есть описания; сопоставления с письменными, изобразительными и другими источниками с целью определения тех процессов и явлений, которые нашли отражение в описании вещи; создания на этой основе ее образа, выявления утилитарного назначения, знаковых (семиотических) и эстетических функций, ее значения (смысла, семантики) для социальной памяти. Во многих случаях вещественные источники обладают более выраженными аттрактивными и экспрессивными свойствами, чем, например, письменные.

Вещественные (вещевые) источники составляют основу музейных собраний большинства музеев, где распределяются по коллекциям: археологическим, нумизматическим, орденов и медалей, знамен, оружия, тканей, керамики, фарфора и стекла и т. п. В музейной экспозиции они могут быть основными или дополняющими экспонатами в зависимости от контекста.

В письменных источниках информация об объективной реальности выражена творцом источника (субъектом) в словесной форме (вербализована) и зафиксирована на материальных носителях с помощью знаков письма (клинописи, иероглифов, букв и др.). Детальная классификация, методология и методика извлечения информации письменных источников разработаны историческим источниковедением и специальными и вспомогательными историческими дисциплинами, объектом изучения которых они являются.

В задачи музейного источниковедения специалисты включали разработку методов не только извлечения и использования в музейной деятельности информации, содержащейся в письменных источниках, но и повышения их аттрактивности и экспрессивности, выявления оптимального для музейной экспозиции соотношения их с источниками

других типов (вещественных, изобразительных и т. д.). В соответствии с принятой в музеях организацией музейных собраний письменные источники классифицируют по формальным признакам (книга, листовка, газета, бланк и т. п.) и хранят в составе коллекций документов, а также рукописных и старопечатных книг.

К изобразительным относятся источники, в которых информация закодирована посредством зрительных образов, независимо от характера орудий, материала и способа создания изображений: карты, схемы, диаграммы; фото- и кинодокументы; иконы, фрески, картины, графика, изображения на предметах прикладного искусства, скульптура. Они являются объектом изучения искусствознания, исторического источниковедения. Первое изучает их как носителей эстетической информации (произведения искусства), второе выявляет и истолковывает содержащуюся в изобразительных источниках социальную информацию (мировоззренческую, этическую, эстетическую, историко-бытовую, событийную и пр.).

Музейное источниковедение предлагает рассматривать их как музейные предметы, в той или иной форме вовлеченные в процесс музейной коммуникации и должны быть представленными в музейной экспозиции в определенном смысловом ряду. В музейных собраниях они распределяются по коллекциям: фото- и киноматериалов; графики; живописи; скульптуры; прикладного искусства. Изобразительные источники составляют основу собраний художественных музеев, в том числе музеев народного и декоративно-прикладного искусства.

К динамическим источникам принадлежат звукозаписи (фонические источники), а также кино- и видеофильмы. В первом случае на специально созданных носителях (пленки, пластинки и др.) с помощью специальных технических устройств фиксируются и воспроизводятся звуки (человеческая речь, шумы, музыка и др.), во втором – объекты реальности либо их изображения в движении.

Музейное источниковедение могло бы заниматься разработкой методов извлечения, расшифровки и использования в музейной деятельности информации, заключенной в данных источниках. Этот молодой и динамично развивающийся тип музейных предметов наименее изучен в источниковедческом плане. Ценность его для музейной деятельности определяется документальностью, объективизи-

рованной в движущемся изображении и звуке. В силу присущей им специфики динамические источники до сих пор менее других используются в музейной экспозиции.

Вопрос о собственных методах музейного источниковедения можно считать открытым. Исследователи говорят о том, что музейное источниковедение использует методы естественных и общественных наук, которые корректируются в соответствии со спецификой объекта и предмета исследования. Наиболее используемыми называют методы семиотики, изучающей природу, происхождение, виды и функции знаков, и сравнительно-источниковедческие методы, позволяющие исследовать природу источников различных типов и сопоставить их информативные и коммуникативные возможности.

Познакомив читателя со взглядами сторонников создания музейного источниковедения как специальной научной дисциплины в системе музееведческих дисциплин, мы считаем нужным поставить вопрос о целесообразности его создания и о взаимных отношениях теории музейного предмета, исторического источниковедения и музейного источниковедения.

Термин «музейное источниковедение» был введен в научный оборот в 1970-х гг., однако и до сих пор теоретические основы данной научной дисциплины разработаны слабо и о ней в лучшем случае можно говорить как о находящейся в стадии становления. На наш взгляд, выделение музейного источниковедения из исторического не имеет достаточных оснований – ведь вряд ли мы можем говорить о каком-то особом «музейном источнике».

В самом термине «музейное источниковедение» заложено противоречие: источниковедение должно «ведать» (изучать) источники, а музееведение и вспомогательные по отношению к нему дисциплины занимаются изучением музейного предмета-коллекции-собрании и тех отношений, в которые они вступают друг с другом и с посетителем в музее. Как уже говорилось выше, один и тот же предмет может выступать в роли и исторического источника, и музейного предмета, однако это разные роли. Тот и другой имеют свою специфику, более того – обладают каждый особым качеством, изучение и выявление которого требует особых методов.

Более логичным представляется выделение в кругу музееведческих дисциплин, во-первых, теории и методологии музейного предмета-

коллекции-собрания и, во-вторых, методики и техники изучения музейного предмета-коллекции-собрания как прикладной дисциплины.

Если же говорить о первоочередных задачах источникового обеспечения музееведческих исследований, то это, на наш взгляд, выявление корпуса источников, позволяющих полно, объективно, достоверно воссоздать историю конкретных музеев и музейного дела в России, выявление структуры и информативного потенциала источников, степени сохранности и изученности их генеральной совокупности.

Классификация музеев²²

Классификация музеев – один из важных вопросов музееведения, практически первый вопрос, с которого началась научная рефлексия по поводу феномена музея.

В классификации музеев находит отражение тот факт, что определенные классы (разряды) музеев обладают специфическими особенностями, чертами и свойствами. Функция документирования для каждого класса музеев модифицируется, так как у каждого класса есть свой объект документирования. Эта модификация сказывается на составе музейного собрания, на формах предьявления его обществу в целом и конкретным категориям пользователей, на характере музейной деятельности. Классификация музеев и возможна, и необходима. Такое упорядочивание помогает музееведам в оптимальной организации научно-исследовательского процесса, музейным работникам – в ориентировке в многообразном музейном мире, управленцам – в регулировании процессов, протекающих в музейном деле.

Естественно, существование различающихся по определенным признакам (чертам и свойствам) объектов всегда предшествует осмыслению этого факта. В действительности классы музеев существовали задолго до того, как этот факт был осмыслен, а они были определены как классы. Этот факт нашел отражение в различном именовании первичных музейных форм, которое можно определить как зачатки классификации: кунсткамера, древлехранилище, пинакотека, глипотока, галерея, мюнцкабинет, натуральный кабинет и т. д. С развитием знания о музее как особом феномене начала формироваться научная

²² Впервые опубликовано: Музейное дело России / Под ред. Каулен М.Е., Коссовой И.М., Сундиевой А.А. М.: Издательство «ВК», 2003. С. 235–251.

классификация музеев, то есть система группировки по признакам, существенным для организации и развития музейной сети и для деятельности музеев.

Просуществовавшее до середины 1990-х гг. распределение музеев по профильным группам и типам утвердилось и в практике музейного дела, и в отечественном музееведении в 1920-х гг., когда на общегосударственном уровне Отделом по делам музеев и охраны памятников Главнауки НКП РСФСР формировалась государственная музейная сеть.

Тем не менее всеобъемлющей классификации музеев до сих пор не существует. Интерес к данному вопросу периодически пробуждается и угасает в связи с определенными процессами в развитии музейного дела и музееведения. Музеееды, оперируя понятиями «классификация музеев», «типология музеев», «профиль музея», разделяли музеи по профильным группам и типам, однако при этом обязательно какое-то количество «классов» выпадало либо оказывалось несоотнесенным с другими. Различия в группировке нередко вызывались тем, что она производилась по разным основаниям. Для ряда музееведов и музейных работников характерно убеждение, что всеобъемлющая классификация музеев не имеет практического значения и даже невозможна в силу их разнообразия и постоянно меняющихся условий их деятельности.

Предлагаемая нами классификация музеев, на наш взгляд, учитывает практически все имеющиеся на сегодняшний день подходы и восполняет лакуны, поэтому в ней практически отсутствуют слова «и др.». На сегодняшний день музеи классифицируются по следующим признакам: по связи с определенной отраслью знания, то есть по профилю; по связи с определенными категориями собственников (по принадлежности); по связи с территорией определенного уровня (по масштабу); по статусной позиции (по месту в организационной структуре или иерархии музеев); по связи с одним из двух основных типов памятников и по типу систематизации музейного собрания (коллекция, ансамбль); по роду (основному направлению) деятельности и ориентации на определенную категорию посетителей, по категориям.

Классификация по профилю, т.е. по связи с конкретной отраслью знания (науки, техники, производства, культуры, искусства). Эта связь обусловила специализацию музеев и распределение их по профильным

группам и предопределила состав музейных собраний, принципы комплектования музейных фондов, тематику экспозиционной работы, научно-исследовательской деятельности и научно-просветительной работы.

Профильный состав музеев (музейной сети) со временем изменялся. Действующие в сфере науки, культуры, искусства, производства две разнонаправленные тенденции – к специализации и интеграции – находят отражение и в структуре профильных групп музеев. С одной стороны, специализация доходит до создания музеев одного класса объектов (нефти, газа, золота, бабочек, скульптуры, рисунка, часов, утюгов). С другой стороны, следствием интегративных процессов является бурное развитие музеев, по отношению к которым вполне допустимо обозначение «комплексные», то есть музеев естественной истории (особенность России – их отсутствие), общеисторических музеев, общебиологических музеев, художественных музеев, документирующих развитие искусства в целом. Апофеозом этого движения стало создание национальных парков, экомузеев, музеев человека, а также разного рода центров, выполняющих функции музея, выставочного комплекса, библиотеки, архива и т. д. одновременно.

Классификация музеев по профилю имеет сложную структуру. Делению знания на гуманитарное и естественнонаучное соответствует разделение музеев на естественнонаучные и гуманитарные. Для естественнонаучных музеев характерна связь с конкретными естественнонаучными дисциплинами либо отраслями производства, для гуманитарных музеев – с обществоведческими научными дисциплинами, искусствоведением, культурой.

Естественнонаучные музеи, ведущие отсчет своей истории от кунсткамер и натуральных кабинетов, документируют процессы развития живой и неживой природы, в том числе происходящие при взаимодействии с нею человека (антропогенный фактор), а также процессы развития естественных наук, техники и технологий природопользования; наиболее ценную часть музейных собраний музеев данной группы составляют коллекции эталонных образцов и типовых экземпляров. К естественнонаучным музеям относятся также учреждения, коллекционирующие и экспонирующие живые объекты: ботанические сады, зоопарки, музеи-аквариумы, террариумы и др.

На стыке музеев живой и неживой природы находятся палеонтологические музеи и музеи почвоведения, а на стыке музеев живой

природы и научно-технических – сельскохозяйственные музеи, документирующие все стороны развития данной отрасли производства.

Научно-технические музеи осуществляют документирование процессов развития науки и техники. По предметным областям они подразделяются на музеи истории науки и техники (в целом), политехнические и отраслевые музеи: прикладных знаний, технологий, промышленные, строительства, транспорта и связи. Далее, в соответствии с более детальной специализацией, выделяют: музеи железнодорожного транспорта, авиации, космоса, автомобильного транспорта; отдельных отраслей промышленности, почт, телеграфа и телефона, радио.

Наиболее многочисленные профильные группы гуманитарных музеев на сегодняшний день составляют музеи искусства, литературные, педагогические, исторические музеи.

Музеи искусства подразделяются на архитектурные, художественные, музыкальные и театральные музеи. Различаясь по объектам документирования, они имеют общую задачу – удовлетворение эстетической потребности человека.

Архитектурные музеи документируют историю развития данной сферы знания и практической деятельности человека, своеобразии которой определяется ее положением на стыке искусства, науки и техники.

Художественные музеи осуществляют документирование процесса развития живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства. По объекту документирования, определяющему состав музейного собрания, они подразделяются на музеи изобразительного искусства, современного (XX–XXI веков) искусства, народного искусства, декоративно-прикладного искусства, художественно-промышленные музеи. В этой группе до настоящего времени сохранились и продолжают развиваться, модифицируясь, исторические типы музеев: галерея, пинакотека, глиптотека, мюнцкабинет, панорама, музеи слепков.

Документирование развития таких смежных отраслей знания, как искусство, архитектура и история, осуществляют историко-архитектурные и историко-художественные дворцы-музеи, музеи-усадьбы, музеи-памятники.

Музыкальные музеи, документирующие процессы развития музыки и исполнительского искусства и процессы изучения этого развития,

подразделяются на музеи музыкальных инструментов, музыкальной культуры, музыкальных театров и концертных залов. На протяжении XX в. осуществился переход музеев данной профильной группы от показа музыкальной культуры на локально-этнографическом уровне к показу ее на национальном и даже мировом уровне, стал реализовываться системный подход к экспозиционной работе, особое внимание стало уделяться трансляции музыкально-культурного опыта.

Театральные музеи, документирующие развитие театра и театрального искусства, а также историю их изучения, подразделяют на музеи театрального искусства и музеи конкретных театров.

Литературные музеи, документирующие процессы развития литературы в их соотносительности с историко-культурным контекстом эпохи, подразделяются на музеи истории литературы и монографические, то есть посвященные жизни и творчеству одного писателя. Особое место данной профильной группы музеев в России определено тем, что в менталитете нашего народа сложилось убеждение о высоком предназначении литературы как Учителя жизни, путеводной звезды человека в его стремлении к духовному самосовершенствованию, в поиске нравственного эталона и почти культовое почитание писателей и поэтов, повлиявшее на создание многочисленных мемориальных музеев.

Близки к группе литературных музеев музеи книги, документирующие развитие книги и как явления духовной и материальной культуры, и как средства коммуникации. Они подразделяются на музеи истории книги, истории книгопечатания и полиграфической техники, книжной графики и репродукционной техники, музеи печати и далее на еще более специализированные музеи (переплета, шрифта, бумаги).

Педагогические музеи документируют развитие педагогики и как науки, и как особой сферы практической (образовательной) деятельности. Первым, ставшим уже историческим, типом педагогических музеев были музеи наглядных пособий, сыгравшие в свое время огромную просветительную роль.

Исторические музеи документируют историю развития общества (в целом и в отдельных ее аспектах). В соответствии с современным делением исторических наук музеи также подразделяются на собственно исторические, археологические и этнографические. В группе собственно исторических музеев выделяются подгруппы музеев во-

енно-исторических, историко-бытовых, историко-революционных и музеев истории религии.

Необходимо подчеркнуть, что мемориальные и краеведческие музеи не являются профильными группами, они выделены не по связи с определенной отраслью знания, а по иным основаниям.

Особое качество мемориальных музеев, документирующих жизнь и деятельность выдающихся представителей всех сфер человеческой деятельности (истории, науки, культуры, искусства, литературы и др.), определяется тем, что они создаются с целью увековечения памяти о них, а также о выдающихся событиях в истории человечества. Такие музеи – это своего рода «узелки на память». На сегодняшний день они составляют многочисленные группы музеев, представленные практически во всех профильных группах.

Вопрос о природе мемориальных музеев, о ключевом для данной группы качестве мемориальности широко дискутировался в отечественной музееведческой литературе. По-разному понимая мемориальность, исследователи относили к мемориальным музеям: все музеи, посвященные выдающимся деятелям и событиям, даже если они создавались в местах, никак не связанных с ними и не имели мемориальных предметов (самый яркий пример – многочисленные музеи В. И. Ленина); музеи, непосредственно связанные с местами событий или жизнью выдающихся деятелей, имеющие коллекцию мемориальных, то есть принадлежавших данному лицу предметов, представленных в мемориально-бытовой экспозиции; музеи, в которых экспозиционными средствами создается образ меморируемого лица при весьма ограниченном, недостаточном для создания мемориально-бытовой экспозиции количестве подлинных мемориальных предметов. В соответствии со второй из названных точек зрения была разработана типология мемориальных музеев: музей-квартира, дом-музей, музей усадьба, музей-мастерская, музей-кабинет, музей-типография и т. д. Их профиль определяется по роду деятельности меморируемого лица или по характеру события: историко-мемориальные, литературно-мемориальные и т. д.

Краеведческие музеи документируют процессы развития природы и общества определенного края (региона, местности) в их целостности и многообразии, это музеи определенной территории. Предметом документирования музеев данной группы являются процессы, протека-

ющие на ней, а объектом собирания, хранения и экспонирования – то, что характеризует типичное, особенное и уникальное в природе, истории и культуре края в широком смысле, включая хозяйство. Значительную часть в структуре данной группы составляют комплексные краеведческие музеи, имеющие, как правило, отделы природы и истории; достаточно многочисленны также музеи природы края, историко-краеведческие и литературно-краеведческие музеи.

Классификация по признаку принадлежности тем или иным категориям собственников (по связи с собственником). По данному признаку Закон о музеях разделяет музеи на государственные и негосударственные, порядок учреждения, функционирования и ликвидации которых различается. В музейведческих трудах дается более детальная группировка: государственные, ведомственные, муниципальные, общественные, частные, церковные музеи. Разные категории собственников ставят перед музеями разные задачи, в соответствии с чем корректируются социальные функции музеев каждой из групп.

Государство, будучи собственником государственных музеев, передает им в оперативное пользование музейные предметы и коллекции, финансирует их деятельность из госбюджета, осуществляет контроль за ней. Управление музеями данной группы возложено на специальные органы исполнительной власти (в настоящее время – это министерства культуры Российской Федерации и субъектов Федерации).

С распадом СССР и изменением государственного устройства России структура этой группы музеев также изменилась. Появились музеи федерального подчинения и музеи, чьим собственником являются субъекты Российской Федерации. Воспроизводя по форме отчасти предыдущую структуру, новая отличается от нее содержательно, так как коренным образом изменились взаимоотношения федерального центра и субъектов Федерации, реальное соотношение сил и правовой статус.

В Законе о музеях вопрос о собственниках разрешен в самом общем виде, в нем не получили отражения те сюжеты, которые сегодня имеют практическое значение: взаимоотношения музеев федерального подчинения с органами власти субъектов Федерации, на территории которых они находятся, взаимоотношения музеев субъектов Федерации с федеральными органами власти, доля участия центра в финансировании музеев субъектов Федерации, конкретные формы

включения музейных предметов и коллекций музеев «субъектного» подчинения в Музейный фонд.

Ведомственные музеи составляют значительную группу российских музеев. К сожалению, вопрос о природе и о составе данного разряда музеев отечественным музееведением не только не был решен, он и поставлен не был. Этот факт нашел косвенное отражение в Законе о музеях. Ведомственные музеи в нем даже не упомянуты, вопрос о том, кто является их собственником (государство в лице «ведомства» либо непосредственно те организации, структурными подразделениями которых музеи состоят) нормативно не урегулирован.

Для предшествующих периодов справедливо было определение ведомственных музеев как подгруппы в группе государственных музеев. Их собственником являлось государство в лице организации-учредителя (ведомства, государственной организации или учреждения), в структуру которого они входили на правах особого подразделения. Государство давало разрешение на учреждение таких музеев по ходатайству организации-учредителя, финансировало их деятельность путем выделения отдельной строки в бюджете организации-учредителя. В данную подгруппу могут быть отнесены музеи министерств и ведомств, научно-исследовательских и иных организаций и учреждений, учебных заведений, предприятий. В настоящее время ситуация усложнилась: с появлением негосударственных учреждений и предприятий появились негосударственные ведомственные музеи.

Ведомственные музеи имеют ряд особых черт и свойств, вытекающих из наличия тесной взаимосвязи с организацией-учредителем. Именно она, а не музей, осуществляет оперативное управление музейными предметами и коллекциями; она определяет, какими предметами и какими путями будет пополняться собрание, как оно будет использоваться, какие средства будут выделены на эти цели. Для ведомственных музеев характерна непосредственная связь с социальными группами, формирующимися по профессиональному признаку, и опосредованность связи с другими социальными группами населения и обществом в целом, а также особое значение функции представительства (репрезентации) достижений учредителя перед определенными профессиональными сообществами, властными структурами, обществом в целом.

Зависимость ведомственных музеев от учредителей, ориентированность на решение задач, которые ставит руководство этих учреждений, приводит к тому, что общекультурная значимость музеев часто отодвигается на второй план, их воздействие на культурную жизнь общества оказывается меньше потенциальных возможностей, а их коллекции на практике далеко не всегда рассматриваются как составная часть историко-культурного наследия. Большинство сотрудников музеев данной группы являются, как правило, специалистами в конкретных областях знания и, за редким исключением, не имеют музееведческой подготовки.

Муниципальные музеи, т. е. музеи, принадлежащие органам местного самоуправления, стали создаваться в начале 1990-х гг. У этой группы свои проблемы, связанные, в первую очередь, с подчинением местной власти, от которой они сильно зависят. Эта зависимость может быть позитивной, если местные власти и общественность понимают значение музея и гордятся им, но может принести серьезные беды вплоть до ликвидации музея.

Частные музеи, принадлежащие частным лицам (в правовом отношении – физическим лицам), имели широкое распространение в дореволюционной России, после 1917 г. постепенно исчезли и вновь узаконены Законом о музеях, где они отнесены к негосударственным музеям. Изучение частных музеев можно назвать фактологическим: исследователей преимущественно интересовали история их создания, личность создателя, характер собрания и предъявления его обществу. Закон о музеях регулирует главным образом их взаимоотношения с государством.

Прообразом общественного музея (точнее – музея на общественных началах) можно считать Кутузовскую избу, которую сохраняли и показывали всем желающим местные крестьяне уже с 1812 г. В советское время наибольшее распространение получили музеи предприятий, комсомола, боевой и трудовой славы, школьные музеи. Отличительные черты общественных музеев – возникновение по инициативе общественности, опора на «актив», финансирование деятельности за счет собственных средств учредителей, в советское время – работа под научно-методическим руководством государственных музеев. Эта сильно сократившаяся в 1990-е гг. группа музеев в последние годы вновь начала возрождаться.

Классификация музеев по масштабу деятельности (по связи с определенной территорией). К данному классу музеев относятся музеи общегосударственного значения, за рубежом называемые «национальными», а в России, как правило, имеющие в своем титуле слово «государственный» (например: Государственный Эрмитаж, Государственная Третьяковская галерея), республиканские, краевые, областные музеи и местные (городские, районные, сельские) музеи.

Классификация музеев по статусной позиции (по принципу места в иерархии, определяющему набор прав и обязанностей) наиболее динамична, подвержена изменениям. В настоящее время к данному классу относятся музеи, имеющие статус особо ценных объектов; головных музеев и музейных объединений (координируют деятельность либо определенной профильной группы музеев, либо музеев определенной территории); музеев-заповедников; филиалов. Сюда же относятся музеи, имевшие почетное звание «народных».

Классификация музеев по типу собираемых и предъявляемых обществу памятников. По данному признаку выделяют две большие группы музеев: коллекционные и ансамблевые музеи.

Объектом собирания и музейного показа первых являются движимые памятники, объединенные в коллекции. По конкретному составу собираемых, сохраняемых в фондах музеев и изучаемых предметов коллекционные музеи подразделяются на профильные группы.

Объектом музейного показа ансамблевых музеев являются ансамбли архитектурных сооружений, расположенных на определенной территории, как правило, не случайной, в единстве с исторически сложившимися в интерьерах ансамблями музейных предметов. Музеи ансамблевого типа осуществляют документирование природной и культурно-исторической среды определенного времени и определенного социума. Их появление и развитие – практическая реализация и наиболее яркое выражение средового подхода, отражение в музейном деле интегративных тенденций, возобладавших на современном этапе в процессе познания природы и общества. Среди ансамблевых музеев выделяют музеи под открытым небом, города-музеи, дворцы- и дома-музеи, музеи-усадыбы, -квартиры, -мастерские, -заводы.

Классификация музеев по роду (основному направлению) деятельности. По данному признаку принято делить музеи на научно-исследовательские, научно-просветительные и учебные. В последнее время

возобладало мнение, что такая классификация практически невозможна. Сторонники этой точки зрения указывают на то, что все музеи ведут и научно-исследовательскую, и научно-просветительную, и учебную работу. На наш взгляд, они не учитывают одного обстоятельства: классификация по роду деятельности предполагает определение доминирующего направления, а это возможно и целесообразно. Дело в том, что в реальности имеет место не только прямая связь, то есть связь специализации музея с основным направлением его деятельности, но и обратная: основное направление деятельности оказывает наиболее заметное влияние на качество музея, на критерии отбора музейных предметов и комплектование музейных фондов, на построение экспозиции.

Классификация по роду деятельности учитывает также специфику музейного посетителя, что проявляется в ориентации музеев на определенные категории посетителей. Научно-исследовательские музеи (в большинстве своем имеющие ведомственную принадлежность, нацеленные на собирание и сохранение главным образом коллекций эталонных образцов) ориентированы по преимуществу на «обслуживание» науки и тех, кто ее делает – исследователей.

Одной из основных функций научно-просветительных музеев является образовательно-воспитательная функция, они ориентированы на широкого посетителя.

Учебные музеи являются важным средством оптимизации процесса познания мира учащимися и студентами высших учебных заведений, а их музейные собрания – своеобразная подборка наглядных пособий для учебного процесса. Напомним, что в свое время в России существовали специальные музеи наглядных пособий.

В классификацию по данному признаку следует, по нашему мнению, включить и детские музеи. Они ориентированы на детскую аудиторию, их цель – адаптация документируемого мира, процессов, протекающих в природе и обществе, к восприятию ребенка и, тем самым, облегчение ему процесса включения в реальные взаимосвязи и взаимодействия, обучение действующим «правилам игры». Детские музеи выполняют также функцию репрезентации (представительства) детского восприятия мира как детям, так и взрослому обществу.

Классификация по категориям (административная или управленческая). Ее появление было вызвано необходимостью для го-

сударства осуществлять управленческие функции по отношению к музеям: контролировать объемы работ, определять расходы на их деятельность, штат сотрудников, размер их заработной платы и т. п. Критериями для распределения музеев по категориям были избраны количество единиц хранения основного фонда и посещаемость. Данная классификация преследовала сугубо практические цели (нужды управления, отчетность музеев перед Министерством культуры).

Мы предложили классификацию, которая отражает существующие реалии. Однако жизнь не стоит на месте, музей, как особый феномен, продолжает развиваться. В ответ на вызовы современности появляются иные принципы организации фондов и экспозиций, новые формы музейной деятельности и методы работы с посетителем. А это значит, что в существующей системе могут возникать и обязательно возникают новые классы (группы, типы) музеев.

Ведомственные музеи: задачи управления и нормативного регулирования²³

XX век оставил в наследство XXI веку наряду со многим другим развитую музейную сеть, в которой ведомственные музеи занимают заметное место. Эти музеи существуют как в столице, так и в провинции и составляют значительную по численности группу. Они обладают специфическими особенностями, которые позволяют говорить о присущем им особом качестве, требующем соответствующего отношения общества.

Точное число ведомственных музеев в настоящее время назвать трудно, что связано как с постановкой статистического учета, так и с нерешенностью ряда содержательных моментов (например, что следует взять за единицу учета, как учитывать филиалы музеев и пр.).

Обращение к специальной музееведческой литературе показывает, что ведомственные музеи оказались практически вне поля зрения исследователей. Вопрос о природе и о составе данной группы отечественным музееведением не только не был решен, он даже не был поставлен.

²³ Впервые опубликовано: Культура российской провинции: век XX – XXI веку: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Калуга. 23–26 мая 2000 г. Калуга: Эйдос, 2000. С. 218–226. Сокращенный вариант: Культура российской провинции: век XX – XXI веку: Тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции. Калуга. 23–26 мая 2000 г. Калуга: Эйдос, 2000. С. 108–112.

Для предшествующих периодов справедливо было отнесение ведомственных музеев к государственным музеям. Их собственником являлось государство в лице организации-учредителя, в структуру которой они входили на правах особого подразделения. Государство давало разрешение на учреждение таких музеев по ходатайству организации-учредителя, финансировало их деятельность путем выделения отдельной строки в бюджете организации-учредителя. В данную подгруппу могут быть отнесены музеи министерств и ведомств, научно-исследовательских и иных организаций и учреждений, учебных заведений, предприятий. В настоящее время ситуация усложнилась: с появлением негосударственных учреждений и предприятий появились *негосударственные* ведомственные музеи.

Ведомственные музеи имеют ряд особых черт и свойств, вытекающих из наличия тесной взаимосвязи с организацией-учредителем. Именно она, а не музей, осуществляет оперативное управление музейными предметами и коллекциями; она определяет, какими предметами будет пополняться собрание, какими путями, как оно будет использоваться, какие средства будут выделены на эти цели.

Такое положение объясняет многие из возникающих коллизий. В нем есть и плюсы, и минусы. Например, тесная связь с организацией-учредителем обеспечивает систематичность пополнения собрания, высокое качество отбираемых образцов, профессионализм в их отборе.

Для ведомственных музеев характерна непосредственная связь с социальными группами, формирующимися по профессиональному признаку, и опосредованность связи с другими социальными группами населения и обществом в целом, а также особое значение функции представительства (репрезентации) достижений учредителя перед определенными профессиональными сообществами, властными структурами, обществом в целом.

Зависимость ведомственных музеев от учредителей, ориентированность на решение тех задач, которые ставятся перед музеями руководством данных учреждений, приводит к тому, что их общекультурная значимость как бы отодвигается на второй план, их воздействие на культурную жизнь общества оказывается меньше того потенциала, которым они располагают, а их собрания и коллекции на практике далеко не всегда рассматриваются как составная часть историко-культурного наследия.

Особое качество ведомственных музеев определяют, на наш взгляд, помимо ведомственной принадлежности доминирующая социальная функция.

Они являются важным элементом определенной системы (науки, образования, экономики и т.д.), занимают определенное место в ее структуре, выполняют определенные функции по обеспечению жизнедеятельности этой системы как самовоспроизводящейся и саморазвивающейся, включены в определенные взаимосвязи и взаимодействия (с организациями и учреждениями, которым они подведомственны, с профильными сферами деятельности, с пользователями и т.д.).

Основная социальная функция музея, обозначаемая в музееведении как функция документирования (отражения в музейном собрании посредством музейных предметов тех процессов и явлений в природе и общественной жизни, которые изучает музей в соответствии со своим местом в музейной сети и профилем, т.е. специализацией) для ведомственных музеев может быть определена как документирование процессов развития той системы, элементом которой они являются. Этой функции соответствуют состав и структура, а также использование собраний.

Однако здесь мы сталкиваемся с рядом проблем, вызванных разносторонним протеканием процессов развития музея и тех сфер деятельности, которые он документирует, с периодически возникающим расхождением интересов учредителя и музея, а также различных групп пользователей. Попробуем обозначить основные проблемы, так сказать, болевые точки современного этапа.

Главной целью создания и существования ведомственных музеев является обслуживание определенной сферы деятельности (науки, образования, промышленности и др.), поэтому можно говорить о их «служебном» характере. Одним из следствий этого является, как уже было отмечено выше, непосредственная связь данного социального института (музея) с социальными группами, формирующимися по профессиональному признаку, и опосредованность связи с другими социальными группами населения и обществом в целом.

Поскольку музей занимает в организационной структуре «своей» отрасли подчиненное положение, случается, что противоречия снимаются за его счет. Обратившись к истории конкретных музеев, мы увидим, как много они претерпели преобразований и реорганизаций,

неоднократно фактически прекращали существовать (при том, что коллекции сохранялись и часто продолжали использоваться) и вновь возрождались к жизни.

Рассмотрим еще одну коллизию, возникающую в точке пересечения интересов музея и «ведающей» им сферы деятельности. Музейный предмет, будучи изъят из среды бытования, должен сохраняться в одном и том же виде. Однако в интересах получения нового знания либо репрезентации учредителя может оказаться необходимым нарушить его целостность и, тем самым, уничтожить то качество, которое делало его музейным предметом. Приведу пример. В палеонтологии для изучения животного мира прошлого применяется распиливание образцов. При этом образец как музейный предмет утрачивает свою ценность, хотя распилы могут сохраняться.

Еще одна проблема связана с тем, что наличие специфических музейных потребностей и особого музейного качества предметов и коллекций не всегда осознается руководством организации-учредителя и даже большинством сотрудников музеев данной группы. Несомненно, система ценностей и приоритетов, вкусы и предпочтения руководителей и сотрудников «ведомств» оказывают существенное воздействие на развитие ведомственных музеев, которые в той или иной степени несут на себе отпечаток их личности. Как правило, они являются специалистами в профильных сферах деятельности и, за редким исключением, не имеют музееведческой подготовки, вследствие чего не всегда понимают специфику музейного дела и музейной деятельности.

В то же время, известны случаи иного рода. Так, ряд выдающихся ученых, педагогов, директоров предприятий известны как основатели музеев, как люди, оказавшие определяющее влияние на развитие данных учреждений. Присвоение музеям их имен – свидетельство общественного признания их вклада в развитие музейного дела.

В последние десятилетия XX в. наряду с «профильным» подходом обозначился и другой – стремление вывести ведомственные музеи за рамки документирования только лишь процесса развития «своей» сферы, расширить круг посетителей. Массовый музейный посетитель приходит в музей не только с целью проникнуть в тайны природы, общества, производства, повысить свой образовательный уровень, но и для того, чтобы развлечься, провести досуг с пользой и удовольствием, удовлетворить эстетические потребности. Ведомственные му-

зеи откликаются на эти запросы, принимая во внимание при отборе экспонатов для постоянных и выставочных экспозиций критерии красоты, занимательности и пр.

На практике это приводит к интенсификации образовательной функции музея, уравниванию значения фондов и экспозиции путем развития последней, к усилению научно-просветительной деятельности, ориентированной на неспециалистов, на молодежную и детскую аудиторию. В тех случаях, когда удавалось привести к гармонии два эти подхода, в выигрыше оказывались все.

Однако в этом естественном и закономерном движении к человеку со всем разнообразием его интересов и потребностей в потенции таится опасность утраты ведомственными музеями своей ниши, «главного» посетителя – специалиста, обращающегося к ним в поисках полной, точной и достоверной информации.

У проблемы взаимного урегулирования интересов общества в целом, определенной сферы деятельности и музея в ее системе есть еще один аспект. Это аспект такой внутренней организации музея, которая в равной мере обеспечит, во-первых, сохранность и функционирование музейных предметов как музейных предметов, как источника знания и как культурной ценности и, во-вторых, доступ к необходимой информации для каждой из категорий пользователей.

Для достижения этой цели необходимо решить задачу определения адекватного поставленным задачам места ведомственного музея в системе науки, образования или производства, оптимизации взаимосвязей музея с учредителем, «своей» сферой деятельности и обществом, создания оптимальных условий для функционирования музея в информационном поле (науки, культуры, производства).

Что требует от ведомственных музеев основной пользователь – специалист, субъект процессов познания, обучения, производства? Первое и главное – доступ к информации, необходимой для решения неких профессиональных задач. В обеспечении такого доступа есть две стороны: техническая (удобное помещение для работы, технические средства) и содержательная. Последняя является достаточно трудоемкой. Речь идет о такой систематизации собрания, которая обеспечивает использование, задействованность всего его информационного потенциала, возможность мгновенно отреагировать на поступивший запрос и удовлетворить его.

На практике это означает, что фонды должны быть обработаны (систематизированы и описаны) соответствующим образом. Их систематизация должна удовлетворять предъявляемым требованиям. Решение этой содержательной задачи также предполагает достаточное материально-техническое обеспечение (технику) и кадры специалистов-фондовиков. Можно сказать, что материально-техническое обеспечение должно быть адекватно поставленным перед музеями задачам.

Что требует от музеев науки руководство их учредителей, выполняющая организаторскую функцию? Оно требует сохранения в систематизированном виде (в соответствии с требованиями науки, производства и т.д.) «вещественных доказательств» факта открытия в сфере науки либо производства, обеспечения эффективного использования специалистами всего потенциала накопленных собраний и коллекций. Помимо этого оно требует от ведомственных музеев выполнения функции представительства (репрезентации) организации-учредителя, ее достижений перед профессиональным сообществом, властными структурами, обществом в целом.

Что требует от ведомственных музеев массовый посетитель? Представления в систематическом и доступном его пониманию виде результатов процесса научного познания или производственного процесса. Его в наибольшей степени интересует экспозиция, которая должна быть построена таким образом, чтобы с достаточной степенью полноты, адекватно и, в то же время, доступно показывать современное состояние науки или производства.

Что требует от ведомственных музеев музейный работник – специалист в области музейного дела? Он требует, чтобы музеи выполняли свои социальные функции, выступая в качестве собирателя, хранителя и передатчика (трансформатора) определенной части социальной информации. С этой целью музейные фонды должны быть обработаны, систематизированы, описаны, использованы в музейной экспозиции и во всей музейной деятельности в соответствии с требованиями музейной науки - музееведения. Эти требования могут отличаться (и на практике часто отличаются) от требований конкретной сферы деятельности.

Для решения всего комплекса задач требуется соответствующее содержательное (концептуальное), организационное и техническое

обеспечение, использование научного и культурного потенциала всех заинтересованных сторон, координация их усилий. В этой связи на первый план выходят, по нашему мнению, задачи управления и урегулирования правового статуса ведомственных музеев.

Задача управления ведомственными музеями, по нашему мнению, может быть сформулирована следующим образом: создание оптимальных условий как для обслуживания музеями потребностей «своей» сферы деятельности, так и для использования обществом в целом хранящейся в музеях части историко-культурного наследия; приведение к равновесию интересов основного пользователя ведомственных музеев (специалистов) и всего общества.

Необходимым условием ее решения нам представляется переход от рассмотрения музея исключительно как объекта управления (т.е. того, на что оказывают воздействие), обязанного исполнять принятые управленческие решения, к рассмотрению его и как субъекта управления, оказывающего влияние на сам процесс принятия решений.

Ведомственному музею должны быть обеспечены реальная возможность определять потребности своего развития, информировать соответствующие органы управления о возникающих проблемах и добиваться их решения. Такой подход имеет следствием большую активность и самостоятельность ведомственных музеев, обеспечивает принятие более эффективных управленческих решений на системном уровне.

По нашему мнению, система управления ведомственными музеями нуждается в реорганизации. На сегодняшний день, можно сказать, они фактически выпали из поля зрения органов законодательной и исполнительной власти, более чем когда-либо оказавшись в зависимости от воли и желания руководства конкретных учреждений, не имея достаточного материального, теоретико-методологического и методического подкрепления своей деятельности.

Насколько нам известно, Министерство культуры Российской Федерации этими музеями специально не занимается, в отраслевых министерствах также нет соответствующих подразделений.

Первыми шагами на пути реорганизации системы управления ведомственными музеями могут стать включение их в ведение федерального органа исполнительной власти (Минкультуры России) либо органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации как

особого объекта, имеющего специфические задачи и потребности, налаживание системного взаимодействия, координация усилий всех заинтересованных сторон, привлечение к решению всего комплекса проблем специалистов, в том числе музееведов.

Еще одним способом оптимизации системы управления ведомственными музеями могло бы стать их объединение в Ассоциацию, которая могла бы взять на себя оказание воздействия на органы управления музеями этой группы, представление им согласованного мнения музеев по жизненно важным вопросам их деятельности. Она могла бы координировать деятельность музеев, распространять положительный опыт по развитию тех или иных направлений их деятельности, по обработке собраний и коллекций, по поиску новых экспозиционных решений.

Нормативное регулирование сложных коллизий, возникающих в музейном деле, уже стало предметом специального рассмотрения: был принят первый в истории России Федеральный «Закон о музеях Российской Федерации». Продолжение работы по созданию пакета законодательных актов, адекватно отражающих проблемы сохранения, развития, функционирования музеев различных групп, типов и видов, в том числе ведомственных музеев, четко фиксирующих формы и методы управления ими, представляется на сегодняшний день задачей первостепенной важности.

Закон о музеях в силу необходимости определяет самые общие свойства, качества, признаки, взаимосвязи и взаимоотношения, оставляя в стороне специфические черты, присущие различным группам музеев, принадлежащих различным категориям собственников.

По Закону собственниками музейных предметов и музейных коллекций могут быть государство, муниципальные образования, частные лица, допускаются и «иные формы собственности». Музеи в нем подразделяются лишь на две большие группы (государственные и негосударственные), порядок учреждения, функционирования и ликвидации которых различается.

Ведомственные музеи в Законе даже не упомянуты; вопрос о том, кто является их собственником – государство в лице ведомства либо непосредственно те организации, структурными подразделениями которых музеи являются, – остается в правовом отношении неурегулированным. Между тем в настоящее время ситуация усложнилась:

создаются учебные и научно-исследовательские негосударственные учреждения, предприятия и объединения; появились *негосударственные* ведомственные музеи. Законом эта коллизия не предусмотрена и не разрешена.

Закон определяет музей как некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций (ст. 3) или, далее, для хранения, *выявления и собирания*, изучения, публикации музейных предметов и музейных коллекций и *осуществления просветительной и образовательной деятельности* (ст. 27).

Эти положения, конечно, распространяются на ведомственные музеи, но не учитывают в полной мере их специфику. Так, например, музеи научно-исследовательских учреждений в первую очередь создаются для хранения, собирания, изучения и (в гораздо меньшей степени) публичного представления музейных предметов и коллекций, обладающих особыми свойствами эталонных образцов, типовых экземпляров.

Свою специфику имеют также включение-исключение, гражданский оборот, отчуждение музейных предметов и коллекций, составляющих собрания ведомственных музеев. Как уже говорилось выше, данные собрания, как правило, принадлежат учредителям, руководство которых может распоряжаться ими в соответствии со своим пониманием стоящих перед организацией задач.

Учет и хранение музейных предметов и коллекций в ведомственных музеях также имели свои особенности по сравнению с музеями, находившимися под патронажем Министерства культуры (ранее СССР, ныне Российской Федерации). Особенности эти определялись как ведомственной принадлежностью, так и особыми свойствами и качествами музейных предметов и коллекций, отбиравшихся в собрания музеев (для музеев научно-исследовательских учреждений это – эталонные образцы, типовые экземпляры). Эта проблема должна быть нормативно урегулирована.

Закон предусматривает разделение Музейного фонда на государственную и негосударственную части. «Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, закрепляются за государственными музеями, иными государственными учреждениями *на праве опера-*

тивного управления» (ст. 16). Это положение, естественно, не распространяется на негосударственную часть Музейного фонда. Закон предусматривает также государственную поддержку государственной его части (финансирование, гарантии возмещения ущерба, причиненного музейным предметам и коллекциям, налоговые и иные льготы, особые формы поддержки) и негосударственной части (предоставление государственных реставрационных учреждений для проведения реставрационных работ, обеспечение передачи музейных предметов и коллекций на хранение в государственные хранилища, частичная компенсация затрат на обеспечение безопасности музейных предметов и коллекций, налоговые и иные льготы). Как видим, формы поддержки различаются.

Различны и формы государственного контроля. Для государственной части это: проверка состояния сохранности и условий хранения музейных предметов и коллекций; направление запросов и получение информации о них, необходимой для осуществления государственного учета. Для негосударственной дополнительно введена «постановка вопроса перед собственником об изменении места хранения либо отчуждении музейных предметов и музейных коллекций, переданных в управление негосударственным музеям, в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом».

Поскольку Закон не запрещает создание негосударственных ведомственных музеев, должны быть разработаны нормативные документы, регулирующие и согласовывающие вопросы, вытекающие из различия форм собственности: вопросы оперативного управления, если собственником является государство, и прав других собственников на музейные предметы и коллекции; государственной поддержки и государственного контроля, учета и хранения музейных предметов и коллекций в государственных и негосударственных ведомственных музеях.

Закон устанавливает в самой общей форме ограничения доступа к музейным предметам и коллекциям, включенным в состав Музейного фонда Российской Федерации и находящимся в музеях (ст. 35). Для ведомственных музеев соответствующая статья должна быть переработана с учетом присущей им специфики, исходя из принципа целесообразности. Вполне допустимым, например, представляется ограничение доступа к определенным коллекциям (эталонных образцов и т. п.).

Музеи в системе науки²⁴

Ядро данной группы составляют музеи Российской Академии наук (многие из них являются старейшими и крупнейшими музеями, пользуются мировой известностью), отраслевых академий (Академии медицинских наук, Академии педагогических наук), отраслевых научно-исследовательских учреждений, ряда университетов.

Особое их качество определяют, на наш взгляд, доминирующая социальная функция, по которой они могут быть определены как научно-исследовательские, а также ведомственная принадлежность научно-исследовательскому учреждению.

Эти музеи являются важным элементом системы науки, занимают определенное место в ее структуре, выполняют определенные функции по обеспечению жизнедеятельности этой системы как самовоспроизводящейся и саморазвивающейся, включены в определенные взаимосвязи и взаимодействия (с научными учреждениями, которым они подведомственны, с профильными научными дисциплинами, с пользователями и т. д.). Их объединение в одну группу правомерно в содержательном плане, поскольку существуют общенаучные закономерности. Различия между ними – это различия на конкретно-научном уровне; они находят выражение в специализации музеев в соответствии с конкретными отраслями знания, то есть в профиле музея. Появление и развитие этих музеев было вызвано потребностями развития науки, ими оно определяется и по сию пору. Основная социальная функция для музеев науки может быть определена как документирование процесса развития науки в целом либо отдельных ее отраслей. Тем самым устанавливается служебный по отношению к науке характер музеев в системе науки, приоритет «научного» качества перед «музейным».

Этому соответствуют состав и использование собраний, наиболее ценную часть которых составляют коллекции эталонных образцов, типовых экземпляров и т. п. Они сохраняются по преимуществу в научных целях (с целью подтверждения факта научного открытия и т.

²⁴ Впервые опубликовано: Культурные миры: Материалы научной конференции «Типология и типы культур: разнообразие подходов (20-22 марта 200 г., Москва)». М.: Российский институт культурологии, 2001. С. 221–225. Сокращенный вариант: Типология и типы культур: разнообразие подходов: Тезисы научной конференции. М., 2000. С. 58–60.

п.) и, как правило, не экспонируются. Основным пользователем этой части музейных собраний являются специалисты, исследователи.

Отличительная особенность музеев в системе науки – характер их взаимосвязи с собраниями. Строго говоря, эти собрания – не вполне музейные, так как в большинстве случаев ими распоряжаются организации-учредители музеев. Такое положение объясняет многие из возникающих коллизий. В нем есть и плюсы, и минусы. Так, тесная связь с организацией-учредителем обеспечивает систематичность пополнения собрания, высокое качество отбираемых образцов, профессионализм в их отборе.

Музеи науки – одно из основных хранилищ научной информации. Им принадлежит важная роль в информационно-справочном обеспечении науки, в актуализации научного знания и в обеспечении нормального течения процесса научного познания.

Становится понятным, насколько значима оптимальная организация их деятельности. Однако здесь мы сталкиваемся с рядом проблем, вызванных разноскоростным протеканием процессов развития музея и науки и периодически возникающим в связи с этим расхождением интересов учредителя (научно-исследовательской организации) и музея, а также различных групп пользователей.

Выше мы уже упоминали о «служебном» характере музеев науки. Одним из следствий этого является их непосредственная связь с социальными группами, формирующимися по профессиональному признаку, и опосредованность связи с другими социальными группами населения и обществом в целом.

Зависимость музеев науки от научно-исследовательских учреждений, подразделениями которых они являются, ориентированность на решение задач, стоящих на каждом конкретном этапе перед конкретной отраслью знания, приводит к тому, что их общекультурная значимость отодвигается на второй план, их воздействие на культурную жизнь общества оказывается меньше того потенциала, которым они располагают, а их собрания и коллекции на практике далеко не всегда рассматриваются как составная часть историко-культурного наследия.

Наука и музей как разные социальные институты обладают каждый своей собственной логикой развития, что содержит в потенции возможность несовпадения интересов на каких-то этапах. Мало того, свою логику развития имеют и организационные формы науки, ее

учреждения. В точках пересечения общих и групповых интересов время от времени возникают напряжения и противоречия. Поскольку музей занимает в организационной структуре науки подчиненное положение, случается, что противоречия снимаются за счет музея. Из истории конкретных музеев известно, как много они претерпевали преобразований и реорганизаций, неоднократно фактически прекращали существовать (при том, что коллекции сохранялись и часто продолжали использоваться) и вновь возрождались к жизни.

Рассмотрим еще одну коллизию, возникающую в точке пересечения интересов науки и музея. Музейный предмет, будучи изъят из среды бытования, должен сохраняться в одном и том же виде. Однако в интересах науки, получения нового знания, может оказаться необходимым нарушить его целостность и, тем самым, уничтожить то качество, которое делало его музейным предметом.

Еще одна проблема связана с тем, что наличие специфических музейных потребностей и особого музейного качества предметов и коллекций не всегда осознается руководством научно-исследовательских учреждений и даже большинством сотрудников музеев данной группы.

Как правило, они являются специалистами в области профильных научных дисциплин и, за редким исключением, не имеют музееведческой подготовки, часто научный интерес остается для них приоритетным. В то же время ряд выдающихся ученых известны как основатели музеев, как люди, оказавшие определяющее влияние на их развитие.

У проблемы взаимного урегулирования интересов общества в целом, науки и музея в системе науки есть еще один аспект – аспект такой внутренней организации, которая в равной мере обеспечит, во-первых, сохранность и функционирование музейных предметов как музейных предметов, как источника знания и как культурной ценности и, во-вторых, доступ к необходимой информации для каждой из категорий пользователей.

Для достижения этой цели необходимо решить задачу определения адекватного поставленным задачам места музея в системе науки, оптимизации взаимосвязей музея со своим ведомством, наукой и обществом, создания оптимальных условий для функционирования музея в информационном поле (и науки, и культуры).

Что требует от музеев науки основной пользователь – субъект процесса научного познания, то есть исследователь? Первое и главное –

доступ к информации, необходимой для решения неких исследовательских задач. В его обеспечении есть две стороны: техническая (удобное помещение для работы, технические средства) и содержательная. Последняя является достаточно трудоемкой. Речь идет о такой систематизации собрания, которая обеспечивает использование, задействованность всего его научного потенциала, возможность мгновенно отреагировать на поступивший запрос и удовлетворить его.

На практике это означает, что фонды должны быть обработаны (систематизированы и описаны) соответствующим образом. Их систематизация должна удовлетворять требованиям, предъявляемым к собраниям наукой в целом (общенаучный уровень) и конкретной ее отрасли (конкретно-научный уровень). Решение этой содержательной задачи также предполагает достаточное материально-техническое обеспечение: технику и кадры специалистов-фондовиков.

Что требует от музеев науки руководство их учредителей – научно-исследовательских учреждений, выполняя свою задачу организатора научно-исследовательской деятельности? Оно требует сохранения в систематизированном виде (в соответствии с требованиями науки) результатов процесса научного познания, «вещественных доказательств» самого факта научного открытия, обеспечения эффективного использования исследователями всего потенциала накопленных собраний и коллекций. Помимо этого оно требует от музеев науки выполнения функции представительства (репрезентации) научно-исследовательского учреждения, его достижений перед научным сообществом, властными структурами, обществом в целом.

Что требует от музеев науки массовый посетитель? Представления в систематическом и доступном его пониманию виде результатов процесса научного познания. Его в наибольшей степени интересует экспозиция, которая должна быть построена таким образом, чтобы с достаточной степенью полноты, адекватно и в то же время доступно показывать современное состояние науки и научного знания.

Что требует от музеев науки музейный работник – специалист в области музейного дела? Он требует, чтобы музеи выполняли свои социальные функции, выступая в качестве собирателя, хранителя и передатчика (трансформатора) научной и, шире, социальной информации. С этой целью музейные фонды должны быть обработаны, систематизированы, описаны, использованы в музейной экспозиции и во всей му-

зейной деятельности в соответствии с требованиями музейной науки – музееведения. Эти требования могут отличаться (и на практике часто отличаются) от требований науки и конкретной отрасли знания.

Историческая наука и музей: «нам не жить друг без друга»²⁵

Обозначенная в сборнике тема («Современная историографическая ситуация и проблема содержания исторической экспозиции музея») на сегодняшний день является одной из самых актуальных и в практическом, и в теоретическом плане. Ее актуальность определяется ситуацией, сложившейся на данном этапе в обществе, в исторической науке и в музейном деле.

Этот этап может быть охарактеризован как этап динамичного развития. Для него характерны интенсификация протекания как конструктивных, так и деструктивных процессов и тенденций в различных сферах общественной жизни, плюрализм мнений, борьба идеологических и методологических установок, поиск компромисса между ними, высокий спрос на новые решения и большое их предложение.

На памяти одного-двух поколений произошли глобальные изменения в политической, социально-экономической, культурной сферах. Распался Союз Советских Социалистических республик и возник ряд новых государств; Российская Федерация заявила о себе как о федеративном государстве, состоящем из 89 субъектов, ныне объединенных в 7 федеративных округов; в субъектах, выделенных по национальному признаку (всего их 21), наряду с русским языком государственными языками были провозглашены языки титульных наций.

Формирование федеративного государства проходило на фоне заметного усиления одновременно и центробежных, и центростремительных тенденций: с одной стороны, некоторые субъекты Федерации в определенный момент стали претендовать на статус суверенных государств, с другой стороны, была высказана диаметрально противоположная идея «губернизации» России. Потребовалось время, чтобы противоборствующие силы пришли в состояние относительного равновесия – и этот процесс еще не завершен.

²⁵ Впервые опубликовано: Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М., 2002. С. 8–16.

Получили новый импульс процессы формирования, сохранения и развития регионов, обладающих ярко выраженными особенностями в экономическом, социальном и культурном развитии.

Особый комплекс проблем возник в связи с тем, что ряд традиционно глубинных областей Российской Федерации оказался в результате распада СССР в положении пограничных, столкнулся с разнообразными последствиями сложных этносоциальных и социокультурных процессов в соседних государствах.

Одним из следствий глобального изменения политической карты стало существенное изменение этнической карты России. Российскую Федерацию принято рассматривать как многонациональное государство. И действительно, на ее территории проживает свыше 170 народов, принадлежащих к различным языковым группам, конфессиям, культурам, преобладающее большинство этих народов является коренными. В то же время более 82 % от общей численности населения составляют русские, на протяжении ряда столетий сохраняющие положение мажоритарного этноса России.

Сложная система этнокультурных взаимодействий, находящаяся в состоянии динамического равновесия, за время своего существования не однажды переживала периоды стабильности и кризисов. Из последних ей удавалось выходить во многом благодаря мощному культурному и духовному потенциалу мажоритарного этноса.

Для современного этапа характерны, с одной стороны, проблемная демографическая ситуация с устойчивой тенденцией естественной убыли населения (для разных регионов эта цифра составляет минус 12–18 человек), с другой – бурное протекание миграционных процессов и явственно ощущаемое в относительно стабильных регионах миграционное давление, возрастание нагрузки на инфраструктуру.

На Северном Кавказе эти процессы приняли форму конфликтов. В то же время, ряд краев и областей остаются островами стабильности во многом благодаря высокой гомогенности этнической и языковой среды, толерантности населения, его умению строить отношения с другими этносами. Вследствие этого такие края и области оказались привлекательными для мигрантов из других районов России, а также стран ближнего зарубежья.

В России имеет место как компактное, так и дисперсное проживание народов. Определенные этнические общности могут проживать

на территории нескольких соседних районов, отдельно взятого района, города или села, района в городе. В последние десятилетия XX в. четко обозначилась тенденция формирования этнических анклавов с этнически замкнутыми сферами экономической активности, в которых воспроизводятся язык, культура, обычаи и поведенческие стереотипы.

Возрастающая концентрация переселенцев в ряде районов может создать очаги социальной напряженности, усилить поляриность. В отличие от мигрантов советского времени нынешние мигранты не спешат перенять традиции коренного населения. Скорее наоборот, имеет место выраженное стремление нетабельного населения адаптировать коренное население «под себя». Многие переселенцы относятся к новой территории как временной, транзитной. Заметным фактором стала маятниковая («челночная») миграция, при которой сохраняется связь с этнической родиной.

Непрекращающийся наплыв большого количества мигрантов других национальностей, образование все новых и новых мест их компактного проживания и устойчивых инонациональных конгломератов, имеющих тенденцию к расширению своей территории и статуса, вызывает тревогу у табельного (автохтонного, коренного) населения.

В массовом сознании жителей регионов, в которые миграция особенно велика, уже достаточно четко обозначилась мысль о возможном в близкой исторической перспективе вытеснении их из мест традиционного расселения.

Отрицательное воздействие на протекание социокультурных процессов оказывает сложная, а в ряде областей критическая ситуация в социально-экономической сфере, остановка крупных производств и вызванная ею безработица (явная и скрытая). Этот фактор для русского человека, традиционно ориентированного на производственную сферу, пожалуй, является одним из главных деморализующих и дестабилизирующих, способных провоцировать маргинализацию этноса.

Проблемным, вызывающим некоторые опасения является комплекс вопросов, связанных с национальным самосознанием и идущими в настоящее время процессами самоорганизации народов. Между тем для народов России (прежде всего русского народа) сохранение единого государства и крепкой, дееспособной государственной власти равнозначно сохранению их национальной идентичности.

В прямой связи с процессами самоорганизации народов находится подчеркнутое внимание к корням, стремление найти опору в многовековой традиции. В то же время, здесь обнаруживается преобладание этнографического подхода, при котором традиции в какой-то степени перестают быть фактором повседневной жизни, переносятся на сцену, в выставочные помещения.

Культурный потенциал регионов сохранился и даже возрос. Заметно усилившаяся интенсивность культурной жизни, возможно, выполняет компенсаторную функцию, является каналом сброса негативной энергии и преобразования ее в позитивную. Продолжает сохраняться многовариантность национальных культур, обусловленная различиями природно-климатических условий, особенностями исторического развития и менталитета, местными традициями. Вероятно, именно наличие большого количества местных «вариантов» культуры является существенным элементом устойчивости национальных культурных традиций, их динамичного развития внутри общероссийской культурной традиции.

Под воздействием вышеперечисленных факторов изменились не только расстановка сил и определяемая ею ситуация, но и суть общественного запроса, адресованного различным социальным институтам, в том числе исторической науке и музею. Изменились национальный и возрастной состав, социальная структура, ментальность, культурная принадлежность потребителя «продукта», производимого исторической наукой и музеем: студента, музейного посетителя. В большей степени, чем на предшествующем этапе, для него стали характерны качественно отличные способы культурной рефлексии.

Начали раздаваться требования пересмотреть идеи и концепции исторического развития России, которые еще недавно казались неизблемыми. Приведу несколько примеров, свидетельствующих о проникновении этой тенденции на уровень массового сознания: Куликовскую битву предлагают рассматривать как рядовой эпизод в междоусобной борьбе русских князей; в Казани наряду с существующим памятником в честь ее взятия русскими войсками предлагают воздвигнуть памятник ее защитникам; в московской школе на уроке истории преподаватель называет Россию «великой кавказской державой» (в противовес «русской»). Эти примеры далеко не единичны.

В процессах, происходящих на современном этапе в исторической науке и в музейном деле, можно отметить много общего. И перед исторической наукой, и перед создателями исторических экспозиций музеев с особой остротой встала одна и та же проблема – адекватно отреагировать на изменившийся запрос общества и сделать все от них зависящее для сохранения «уникального единства и многообразия, духовной общности и союза различных народов» (Концепция государственной национальной политики Российской Федерации).

И там и там мощно заявила о себе потребность в многообразии. В исторической науке была преодолена монополия одной (марксистско-ленинской) концепции исторического развития, в музейном деле – ликвидированы (в ряде музеев – буквально) экспозиции, выстроенные в соответствии с этой концепцией и бывшие уже на протяжении нескольких десятилетий похожими как близнецы.

В настоящее время идет процесс переоценки ценностей, происходит смена методологических ориентиров. Получили распространение цивилизационный подход, идея глобализации – и одновременно с ними регионалистика, которая во многом развивается как антитеза (а в чем-то и антипод) исторической науки. Одновременно были «реанимированы» концепции, выработанные исторической наукой во второй половине XIX – начале XX в., возникла своеобразная мода на «ретро» (периодизация по царствованиям, история как история великих людей и пр.).

С особой остротой в настоящее время ставится вопрос об общественном предназначении, о цели и смысле деятельности, о социальных функциях исторической науки и музея, вопрос об их объекте, предмете и методе.

И историкам, и создателям исторических экспозиций (хотя бы они того или не хотят) приходится отвечать на вопрос о том, какой национальной идеей они руководствуются, каков их нравственный идеал и гражданская позиция, какова мера их ответственности перед отдельной личностью и обществом в целом.

На современном этапе общество было поставлено перед своеобразной дилеммой – что выбрать: национальную идею (общегосударственную, общероссийскую) или национальные идеи (идеи отдельных этносов), идеи региональные («местнические»). Выбор двух последних был чреват актуализацией идей национальной или региональной

исключительности, усилением центробежных тенденций и, как следствие, распадом государства. Объективно они работали против общероссийской национальной идеи, против целостности российского государства, исторически сложившегося единства народов России.

Заметно усилились позиции национализма в разных его формах и проявлениях, а также своеобразного регионального патриотизма. В массовом сознании они существенно потеснили национальную (общероссийскую, общегосударственную) идею. Место ответственности перед государством, перед сообществом народов России начала занимать ответственность перед «своим» этносом или территорией.

Эта ситуация получила отражение в терминологии. Ряд терминов (а ведь за ними должны стоять понятия) используется так, что лишается смысла и определенности. Яркий тому пример – употребление термина «регион» (это и синоним «области», и несколько субъектов, и некая территория, не связанная с административным делением). В Конституции субъектом права провозглашен *многонациональный народ* Российской Федерации, а в Уставе Самарской области – *самарский народ*. Такого рода примеров можно привести множество. Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что историческая наука оказалась в ситуации терминологического и понятийного беспредела.

И в исторической науке, и в музейном деле отмечается усиление субъективного начала, повышенное внимание к человеку как личности, а не составной части безликой массы («винтика»). Однако этот позитивный процесс сопровождается проявлениями крайнего субъективизма, отказом от идеи исторической закономерности в исторической науке и от идеи научности экспозиции в музейном деле, пренебрежением к подлиннику (будь то исторический источник либо музейный предмет). Системный подход к истории отступает под напором выпячивания отдельных явлений или факторов исторического процесса. Так, например, культура объявляется панацеей от всех бед, история мыслится как наука исключительно о великих людях или событиях и т. д.; наблюдается усиление алогичности – и в исторических исследованиях, и в исторических экспозициях музеев.

На нынешнем этапе и перед исторической наукой, и перед музеем достаточно остро встала проблема востребованности обществом. С завидным постоянством возникают дискуссии об их необходимости или ненужности, предлагаются проекты, по которым «история» как

учебный предмет кардинально урезается, а то и вовсе прекращает существование и т. д.

На наш взгляд, такая ситуация стала возможной в значительной степени вследствие того, что и историческая наука, и музей на предшествующих этапах далеко не полностью использовали свой адаптационный потенциал, не в полной мере помогали человеку ориентироваться в мире и приспосабливаться к нему. На современном этапе наиболее актуальными представляются две задачи: помочь предыдущим поколениям адаптироваться к произошедшим переменам и помочь младшим поколениям понять и даже принять «прошлую жизнь». Если историческая наука и музей примут участие в решении этих задач, их шансы на сохранение и полноценное развитие возрастут.

На этапах, когда общество выходит из состояния стабильности (а переживаемый нами этап именно таков), увеличивается опасность манипулирования общественным сознанием и деструктивный потенциал таких манипуляций. В этих условиях особую значимость приобретают: противодействие деструктивным, разрушительным тенденциям и создание необходимых и достаточных условий для реализации конструктивных, позитивных тенденций; сохранение единого информационного пространства, обеспечение доступа к информации и эффективного протекания информационного процесса, в котором взаимодействуют объект, субъект и информация.

В процессе перехода информации из состояния актуальной (используемой субъектом) в состояние потенциальной (неиспользуемой) мы сталкиваемся с явлением, которое может быть обозначено как информационная энтропия. Суть этого явления заключается в уменьшении определенности и нарастании неопределенности в результате рассеивания информации. Информационная энтропия, по-видимому, оказывает существенное воздействие на информационный процесс, в том числе негативное воздействие на передачу культурного опыта (коммуникацию культуры) и на осуществление самоидентификации (отдельной личности, этнических и иных групп, народов, наций). Энтропия усиливается там и тогда, где и когда информация остается невостребованной. Не будучи востребована, она перестает фиксироваться и использоваться, постепенно вытесняется из социальной памяти.

Факторами, способствующими усилению информационной энтропии, являются ограничение доступа к информации (в силу прямых

запретов, территориальной удаленности и т.п.), а также сознательное или неосознанное ее искажение, деформация. Преодоление информационной энтропии играет особо важную роль в процессе познания социальных явлений. Для их понимания глубина социальной памяти, разнообразие информации, интенсивность информационного потока имеют первостепенную значимость.

Преодоление информационной энтропии, наиболее эффективный способ которой – актуализация информации, достигается в процессе познавательной деятельности, включающей деятельность по добычанию и внедрению знаний в общественное сознание, их передаче и закреплению в социальной памяти. И если в добычании знания об обществе основная роль принадлежит исторической науке, то в его передаче новым поколениям, популяризации – музею.

Носителем информации в исторической науке выступает исторический источник, в музейной экспозиции – музейный предмет. Очень часто это один и тот же предмет или документ, а функции у них разные. Исторический источник используется исследователем для получения нового знания о прошлом, музейный предмет необходим экспозиционеру для достоверного и в то же время образного рассказа о нем, для представления музейным посетителям накопленного исторической наукой знания. С этой целью и в историческом исследовании, и в музейной экспозиции источник или предмет введены в определенный контекст, систематизированы, организованы и представлены читателю или музейному посетителю.

У исторической науки и музея общая цель – приближение к истине, сохранение социальной памяти и социального опыта жителей одной местности, граждан одного государства, какого-либо народа или народов, всего человечества. Но есть и отличие: историческая наука хранит их в вербальной форме, музей – в о вещественной. Поиск истины, сохранение и передачу опыта и знаний они осуществляют при помощи своих собственных средств и методов. Общность цели и различие в методах делает не только возможным, но и необходимым сотрудничество исторической науки и музея. Они нужны друг другу, их взаимодействие способствует более эффективной деятельности обоих социальных институтов.

Музей можно рассматривать как средство и место связи познающего субъекта с объектом познания. В нем аккумулируется информация,

осуществляется связь времен и народов путем актуализации культурного наследия в форме музейного предмета, коллекции, музейного собрания – и музейной экспозиции. В современном мире он является важным связующим звеном для этносов, социумов, территорий – местом, где специально демонстрируется роль каждого из них в общем культурном потоке. В этом смысле исторический музей и историческая экспозиция могут рассматриваться как место связи познающего субъекта с сообществом таких субъектов как единым целым, т. е. с обществом.

Действительно, государству, этносу, человеку для их сохранения и развития необходимо идентифицировать себя, определить свое место в мире и добиться, чтобы это самоопределение было признано другими субъектами исторического процесса. Для этого нужны особые институты представительства, и музеи могут и достаточно эффективно выполняют эту представительскую (репрезентативную) функцию, позволяя обществу воспользоваться возможностями «овеществленной памяти» человечества – культурного наследия.

Музеи России, имеющие исторические экспозиции (в том числе большая группа краеведческих музеев) на современном этапе могут стать (и отчасти уже стали) своего рода «полигоном» для экспериментальной проверки различных подходов. Надо отметить, что сегодня у музейных работников заинтересованность во взаимодействии с историками достаточно высока. Есть и объективная потребность в определении именно историками места и роли музея в процессе исторического познания, в обучении и воспитании подрастающих поколений, в разработке методологии и методики извлечения информации из тех источников, которые хранятся в музее.

«Современная историографическая ситуация и проблемы содержания исторических экспозиций музеев» (круглый стол 18 мая 2001 года)²⁶

Тема «круглого стола» на сегодняшний день является одной из самых актуальных и в практическом, и в теоретическом плане. Ее ак-

²⁶ Впервые опубликовано: Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М., 2002. С. 4. Мною сформулированы идея и название круглого стола, проведенного в рамках конференции «Российская провинция и Московский университет», предложены вопросы для обсуждения.

туальность определяется сложившейся и в исторической науке, и в музейном деле ситуацией своеобразного «переходного периода». Для этого периода характерны плюрализм мнений, борьба методологических установок, поиск компромисса между ними, высокий спрос на новые решения и большое их предложение. Музеи России, и прежде всего краеведческие (практически все они имеют исторические разделы экспозиций), в современных условиях становятся своего рода полигоном, предоставляющим уникальные возможности для экспериментальной проверки различных подходов.

Исходя из таких посылок, а также ориентируясь на тему конференции («Российская провинция и Московский университет») организаторы предложили для обсуждения следующие проблемы:

- смена вех в исторической науке и проблемы содержания современной исторической экспозиции;
- национальная идея, нравственный идеал, ответственность историка и экспозиционера;
- конструктивные и деструктивные тенденции в исторической науке и музейном деле;
- выпускники Московского университета как тема музейной экспозиции, виртуальный музей истории МГУ.

Заседание вели к.и.н., зав. сектором российской музейной энциклопедии Российского института культурологии МК РФ А.А. Сундиева и к.и.н., директор Музея истории Московского университета А.С. Орлов. Ответственный секретарь – к.и.н. Е.А. Воронцова

«Запрос» музейщиков к исторической науке в общих чертах был сформулирован в выступлениях А.А. Сундиевой (краткий очерк современного состояния исторических разделов музейных экспозиций, проблемы и находки), Л.И. Скрипкиной (ГИМ, проблема научности исторической музейной экспозиции на современном этапе), А.С. Баландина (ГЦМСИР, роль музея в процессе познания мира человеком).

Историки в своих выступлениях остановились на возможных формах сотрудничества историков и музейных работников при создании исторических экспозиций (А.С. Орлов), на проблеме современного отношения общества к исторической науке (д.и.н., проф. А.Г. Кузьмин, МГПУ), на современных методологических подходах к изучению истории (д.и.н., проф. Г.Р. Наумова, МГУ). Прозвучала критика в адрес «теории» Н. Фоменко (к.ф.-м.н. Ю.Л. Менцин, ГАИШ МГУ).

Участники обсуждения отметили необходимость продолжить работу по поставленной теме и рекомендовали организаторам опубликовать материалы «круглого стола».

Москва – музейная столица великой державы²⁷

Проблема ставится впервые в отечественной и, пожалуй, в мировой музеологии. Ее постановка – результат моей работы над Российской музейной энциклопедией в качестве составителя, научного редактора и автора ряда статей по теории музейного дела, по Москве и нескольким регионам

Первый аспект – характер взаимосвязи «музей – государство» в жестко централизованном государстве, являющимся великой державой. Централизованное государство требует централизованной музейной сети с системой региональных музейных центров и главным музейным центром – музейной столицей. Государственная музейная политика в таком государстве нацелена на создание и поддержание музейной сети именно такого типа, на выполнение музеями, прежде всего центральными, репрезентативной функции. Основной задачей центральных музеев государство считает представительство его вовне (перед другими государствами) и внутри (перед гражданами). Взятые в совокупности, они представляют мировому сообществу Россию как великую державу, обладающую огромным культурным потенциалом и культурным наследием. Гражданам России они показывают достижения страны (в конечном счете, их самих), а также место русской культуры в мировой.

Второй аспект – структура и специфика музейной сети столицы. В ней доминирует группа представительских музеев, определяющих статус Москвы как музейной столицы России. Для них характерна ориентация вовне, они выполняют функцию представительства практически всех важнейших сфер общественной жизни и культуры. Музейная сеть Москвы включает также музеи регионального и местного уровней. Мне представляется важным изучение характера взаимосвязи представительских музеев с музеями других уровней, ориентированными прежде всего на москвичей.

²⁷ Впервые опубликовано: Музеи Москвы и музеология XX века: Тезисы научной конференции 25–26 ноября 1997 г. М.: РГГУ, 1997. С. 18–20.

Третий аспект – взаимосвязь двух столиц: Москвы как символа русской самобытности и Петербурга как символа западного начала в русской культуре. Здесь мы выходим на проблему национального характера и его доминант, выбора Россией своего пути.

Четвертый аспект проблемы музейной столицы великой державы – характер взаимосвязи столицы с регионами. Представительские музеи являются центрами притяжения для региональных музеев, выполняют по отношению к ним функцию головных. Концентрация интеллекта профессионалов высочайшего уровня позволяет центральным музеям вести эффективную работу как в области фундаментальных и прикладных проблем музейного дела, так и в деле повышения квалификации кадров региональных музеев. Центральные музеи – крупные информационные центры, выполняющие социально значимую функцию актуализации той информации, которая обеспечивает сохранение социальной памяти сообщества.

Пятый аспект – формирование музейных собраний представительских музеев как собраний репрезентативных, т.е. представляющих документируемое явление (русское или зарубежное искусство, развитие науки и техники и др.) с максимально возможной степенью полноты и достоверности. С этой точки зрения представляется неизбежной и закономерной тенденция аккумуляирования памятников культуры мирового и национального уровня, проявившаяся в практике этих музеев. Закономерно и поощрительное отношение государства к этому явлению.

В становлении Москвы как музейной столицы за точку отсчета следует принять перевод столицы из Петрограда в Москву и Всероссийскую музейную конференцию 1919 г., которая взяла курс «на превращение музеев в культурные центры, объединенные в определенную систему ... и широко укрытую массам для их приобщения к культурному наследию». Важным элементом работы по формированию централизованной музейной сети было создание в Москве системы центральных музеев – новых и на основе существовавших ранее (Центрального музея истории русского быта, Центрального музея высших достижений декоративного искусства, Центрального музея русского искусства, Центрального музея старинного западного искусства, Центрального антирелигиозного музея, Центрального музея погранохраны и войск ОПТУ, Центрального музея народоведения,

Музея революции, Центрального музея В. И. Ленина, Центрального литературного музея). Во второй половине 1930-х гг. в Москву вместе с АН СССР был переведен ряд академических музеев. Задача создания упорядоченной музейной сети с системой центральных музеев во глав была решена путем перераспределения собранного в Москве фонда памятников культуры. В последующие годы эта система модифицировалась, иначе формулировались задачи, но она продолжала существовать и выполнять глобальную функцию репрезентации России перед гражданами страны и мировым сообществом.

Музеи²⁸. Наиболее ранними учреждениями, имевшими характер музейных, хранившими в основном реликвии и раритеты, считаются ризницы монастырей и церквей и Оружейная палата, в которой уже в 17 в. был своего рода экспозиционный зал. С 18 в. получают распространение частные коллекции («музеум 3-т царств природы» П.Г. Демидова, Русский музей П.Ф. Карабанова, собрания А.И. Мусина-Пушкина, Ф.А. Толстого, М.П. Погодина и др.) и «натуральные кабинеты» учебных заведений (первые – в Московском университете: Минеральный кабинет, 1759; Кабинет натуральной истории, затем Зоологический музей, 1791; Минцкабинет, 1806).

В 19 – начале 20 в. частное коллекционирование становится фактом общественной жизни Москвы: владельцы преобразуют коллекции в музеи, доступные публике (кн. С.М. Голицын в конце 1-й половины 19 в.; В.А. Кокорев в 1862; И.С. Остроухов, Боткины в начале 20 в.), передают их публичным музеям (Румянцевскому музею была передана галерея Ф.И. Прянишникова, в 1865 приобретенная в казну, и собрание К.Т. Солдатенкова в 1901; в Исторический музей в 1904 поступила по завещанию коллекция А.П. Бахрушина; тому же музею в 1905 подарил свой музей П.И. Щукин), городу (П.М. Третьяков, 1892; И.Е. Цветков, 1909), Академии наук (Театральный музей А.А. Бахрушина, 1913), общественным организациям (К.К. Гиппиус научно-учебный аквариум – Обществу любителей аквариума в 1913) и др., активно участвуют в выставках (Н.Л. Шабельская и др.).

В 1830–1850-е гг. появляются первые проекты музеев (З.А. Волконской, А.А. Добровольского, Е.Д. Тюриня), многие музеи становятся

²⁸ Впервые опубликовано: Москва: энциклопедия / Гл. ред. С. О. Шмидт, сост. М.А. Андреев, В.М. Карев. М., 1997. С. 527–529.

публичными (Оружейная палата в 1858). Большой общественный резонанс имел перевод в Москву Румянцевского музея (1862, размещен в доме Пашкова) и проведение всероссийских выставок, экспонаты которых составили ядро Этнографического отдела Румянцевского музея (Этнографическая выставка 1867), Политехнического и Исторического музеев (Политехническая выставка 1872), Торгово-промышленного музея кустарных изделий Московского губернского земства (ныне Музея народного искусства; Художественно-промышленная выставка 1882). Со второй половины 19 в. доминируют специализированные музеи: естественнонаучные (Музей гигиены и санитарной техники, 1897; Дарвиновский музей, 1907, и др.), исторические (Дашковский музей, музеи Московского археологического общества и Археологического института и др.), художественные (Музей изящных искусств, ныне Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, 1912, и др.), технические (Музей московского городского хозяйства, ныне Музей истории Москвы, 1896). Появляются первые мемориальные музеи (Л.Н. Толстого, 1911; Н.Г. Рубинштейна при консерватории, 1912; «Чеховская комната» в Румянцевском музее, 1912). Всего к 1914 в Москве было свыше 40 музеев. Они создавались по инициативе и при поддержке научных обществ, являлись базой исследований и просветительской деятельности: организовывали передвижные выставки, народные чтения, публичные лекции, литературные и музыкальные вечера. Музеи наглядных пособий и педагогические музеи снабжали пособиями школьные и культурно-просветительные организации. Некоторые музеи были бесплатными для отдельных категорий посетителей, Третьяковская галерея – для всех. Основными категориями посетителей в конце 19 – начале 20 в. были учащиеся, мелкие служащие, рабочие, крестьяне, военные (прежде всего нижние чины).

После победы Октябрьской революции 1917 все музеи и частные коллекции были национализированы. В Москве развернулось невиданное по масштабам и интенсивности музейное строительство. Заметную роль в нем в 1918 – первой половине 1920-х гг. сыграли специалисты старой школы, которым удалось спасти и сохранить значительные культурные ценности и осуществить некоторые идеи, высказанные ими еще до революции (прежде всего в области демократического, научно-просветительного музея). После 1-й Всероссийской конференции по делам музеев (1919), на которой был за-

слушан доклад «Об общем плане строительства московских музеев», начало проводиться упорядочение музейной сети столицы. На основе национализированных коллекций были образованы Музей нового западного искусства, Музей иконописи и живописи, Музей фарфора, Музей живописной культуры, Музей Старой Москвы, Коллекция уникальных музыкальных инструментов, Музей мебели, Музей игрушки и др. Конфискованные ценности составили собрания пролетарских музеев (1918–1922). На основе усадеб Останкино и Кусково, Симонина и Донского монастырей и др. были созданы музеи ансамблевого типа. С изменением идеологии напрямую были связаны расформирование собраний ризниц (собрание Московской синодальной ризницы передано в Оружейную палату), создание историко-бытовых музеев как музеев «уходящего быта» (Дворянского быта музей 1840-х гг.) и историко-революционных музеев (Музей Рабоче-Крестьянской Красной Армии, 1921; Музей П.А. Кропоткина, 1922; Музей революции, 1924, и др.), динамичное развитие группы музеев труда (Музей охраны здоровья и труда, Музей при НИИ труда и др.), формирование системы центральных музеев путем «рационального распределения» коллекций (Музей народоведения, Центральный музей истории русского быта – на базе Исторического музея, Центральный музей русского искусства – на базе Музея изящных искусств). Коллекции расформированного Румянцевского музея были распределены по другим музеям, Цветковскую галерею присоединили к Третьяковской галерее, тысячи предметов поступили в музеи из московских хранилищ Государственного музейного фонда (в 1927 они ликвидированы, с 1928 началась массовая продажа ценностей из них).

Взгляд на музеи как на один из инструментов социалистического строительства определял развитие музейной сети Москвы во второй половине 1920-х – 1930-х гг. В результате «чисток» качественно изменился состав музейных работников, что стало причиной снижения уровня научно-исследовательской и фондовой работы. Основным направлением деятельности музеев стала политико-воспитательная работа с посетителями, число которых возросло в несколько раз по сравнению с 1910-ми гг. В 1929 при музеях организованы общественно-политические советы, после 1-го Музейного съезда (1930) в центре внимания оказалась реэкспозиция музеев, которая осуществлялась под определяющим воздействием вульгарно-социологических

представлений. Резко сократилась сеть историко-бытовых музеев: в Останкино разместилась сельскохозяйственная выставка, в Новодевичьем монастыре – музей «Раскрепощение женщины». Продолжалось формирование системы центральных музеев (Центральный антирелигиозный музей, 1929; Центральный музей погранохраны и войск ОГПУ, 1932; Центральный литературный музей, 1934; Центральный музей В.И. Ленина, 1936), развитие естественнонаучных музеев (эту группу пополнили музеи Академии наук, переведенные из Ленинграда: Минералогический музей, Геологический музей, Палеозоологический музей – ныне Палеонтологический музей им. Орлова), историко-революционных и учебных. Особое значение придавалось технико-экономическим музеям (созданы Музей водного транспорта, Центральный музей лесной промышленности и др.). Открывались новые мемориальные музеи (В.В. Маяковского, 1938; Н.А. островского, 1939, и др.). К 1941 в Москве было около 80 музеев.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. музеи находились на консервации, многие коллекции были подготовлены к эвакуации, переданы в специальные хранилища и частично эвакуированы. Несмотря на это велась лекционная и выставочная работа, шло комплектование фондов по «горячим следам событий», создавались новые музеи (Центральный музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки, 1945; Музей военно-медицинской службы Красной Армии, 1944, и др.).

Развитие музейной сети Москвы в 1950-х – середине 1980-х гг. определялось подъемом национального самосознания, вызванным победой в Великой Отечественной войне, и установкой на показ достижений социализма. Был создан ряд военно-исторических музеев, в т.ч. к юбилейным датам (Центральный музей советской армии, ныне Центральный музей Вооруженных сил, 1951; музей-панорама «Бородинская битва», 1962; Музей обороны Москвы, 1981; Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 1986), мемориальные музеи (дома-музеи В.М. Васнецова, П.Д. Корина, М.Н. Ермоловой, С.П. Королева, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Шаляпина, Мемориальный музей космонавтики и многие другие), Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (1947), Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства (1981) и др.; открыты для посещения музеи Московского Крем-

ля (1961); объявлены заповедниками Андроников монастырь (1950-е гг.), «Коломенское» (1971), Музеи Московского Кремля (1991). Широкое распространение получили музеи на общественных началах. В 1960–1970-е гг. на предприятиях их было создано свыше 70, в начале 1990-х гг. насчитывалось около 200 общественных музеев (музеи Метростроя, завода «Серп и молот», Мосэнерго, Телефонной сети и др.). Значительную группу составили школьные музеи разной тематики. В 1964 возрождена система головных музеев (первая попытка – в 1930-х гг.). Головными для своих профильных групп стали многие центральные музеи. Они координировали научно-исследовательскую работу на местах, оказывали им методическую помощь. Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. организованы частные и муниципальные галереи (в 1994 их было около 350), музеи на основе частных коллекций (Музей частных коллекций на правах отдела Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина; Музей В.А. Тропинина и художников его времени), историко-краеведческие музеи (Центрального, западного, Зеленоградского административных округов и др.).

Музеи ведут научную и просветительную работу; публикуют сборники трудов, монографии, каталоги коллекций и выставок, путеводители; обмениваются выставками и специалистами с другими городами России и другими странами. Их деятельность освещают журнал «Советский музей» (1931–1940, возобновлен в 1983, с 1993 – «Мир музея»), периодическое издание «Музейное дело в СССР» (1968–1992), издаваемая Научно-информационным отделом РГБ («Информкультура») серия «Музейное дело и охрана памятников» и др.

Лит.: Музеи и выставки Москвы. Путеводитель. [М.], 1947; Березин А.Д. Музеи литературы и искусства Москвы и Подмосковья. [М.], 1963; Равикович Д.А. Формирование государственной музейной сети (1917 – I половина 60-х гг.). М., 1988; Музей и власть. Ч. 1–2. М., 1991 (Сб. науч. трудов); Крючкова Е.Н., Макарова Н.Г., Юхневич М.Ю. Музеи Москвы – взрослым и детям. Справочник. М., 1994.

Об изданиях и издательской политике

Создание энциклопедии: вопрос качества²⁹

Вопросы, о которых я собираюсь говорить, не новы. Они встают перед любым издателем или создателем энциклопедии и при издании (создании) каждой новой энциклопедии. И тем не менее, без их решения акт создания невозможен. Собственно, это один вопрос – вопрос качества. В создании энциклопедии, как и в любом деле, важно четко представлять себе, зачем мы это делаем, какую функцию будет выполнять произведенный нами продукт. Главная функция энциклопедии – информационная: к ней мы обращаемся за объективными и конкретными сведениями. В литературе энциклопедия определяется как научно-справочное издание по всем или отдельным отраслям знания, приведенное в систему обозрение различных отраслей какой-либо науки, как издание, содержащее систематизированный свод знаний и т. д. В дефинициях зафиксирована определяющая характеристика этого типа изданий – системность. Это означает, что информация не только собрана в одном месте, но и определенным образом, достаточно жестко упорядочена, ее элементы (статьи и др.) приведены в соответствие друг с другом, образуют некую иерархию, соподчинены.

Системность должна обеспечиваться как на содержательном, так и на формальном уровне. Это означает, что издание должно аккумулировав в себе всю необходимую и достаточную информацию, что информация должна быть максимально объективной, достоверной, качественно и количественно репрезентативной, а также в высокой степени формализованной или, лучше сказать, структурированной и операбельной, т. е. легко находимой. В связи с этим особые требования предъявляются к схемам статей, схеме издания, изданию в целом и особую роль выполняют «идеологи» и «программисты» (в наших условиях это, как правило, группа ведущих редакторов).

Отметим, что сведение воедино уже известного выполняет важную познавательную функцию. В процессе аккумуляции информации происходит выявление и локализация «белых пятен», к ним привлекается внимание исследователей, совершается переход потенциальной,

²⁹ Публикуется впервые: выступление на одном из круглых столов на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в 1990-е гг.

неиспользуемой или малоиспользуемой информации в актуальную, за счет чего становится возможной передача знания и культурного опыта, а также совершается в процессе создания и пользования энциклопедией акт коммуникации культуры. Сведенная воедино информация приобретает новое качество, а мы поднимаемся еще на одну ступеньку знания.

Обязательным следствием структурирования информации, о котором говорилось выше, является ее сжатие, повышение информационной емкости текста. Если составляющие энциклопедию тексты оказываются недостаточно информационно емкими, она не выполняет свою функцию, а затраченные на ее создание усилия утрачивают смысл. Сжатие информации имеет следствием также возрастание интенсивности информационного потока и тесноты взаимосвязи элементов системы, называемой «энциклопедией». При этом возрастает опасность деформации, искажения информации (как осознанного, так и неосознаваемого). Эта опасность существует еще и потому, что при создании энциклопедий главным образом используется вторичная информация, содержащаяся не в первоисточнике, а в обзорах, описаниях, исследованиях. Единственный способ избежать такой деформации – корректная подготовка издания, предполагающая (здесь я повторяю) сведение воедино всей необходимой и достаточной, достоверной и репрезентативной информации, привлечение к работе профессионалов высокого класса и обеспечение правильного, т. е. эффективного, позволяющего достичь положительного результата, их взаимодействия.

Затронутые, казалось бы сугубо теоретические, вопросы имеют самое непосредственное отношение к практической деятельности по изданию энциклопедии, поскольку это вопросы качества, вопросы того, какой результат мы получим – энциклопедию по сути или только по названию.

Перед тем, кто берется за издание энциклопедии, встают сложнейшие проблемы объективного и субъективного, содержательного, организационного и материального плана. Они возникают уже на стадии «программного обеспечения», т. е. разработки концепции издания. Ошибка, допущенная и пропущенная на этой стадии, делает бессмысленной всю дальнейшую работу. В процессе собирания энциклопедии мы сталкиваемся с такими проблемами, как поиск информированных

и компетентных авторов, обход или срочное изучение «белых пятен», трудоемкость сбора и осмысления информации, рассеянной по множеству источников, хранящихся в разных хранилищах разных городов, поиск правильного соотношения изображения и текста, объективных критериев отбора материала. Этот перечень можно продолжать почти до бесконечности. То, о чем я сказала, хорошо известно, однако также хорошо известно, насколько сложно решать эти проблемы.

Для региональных энциклопедий многие из них стоят еще более остро. Можно говорить о меньшей изученности на региональном уровне почти любых объектов. Вышедшие в последние годы энциклопедии свидетельствуют о том, что некоторые сдвиги в лучшую сторону обозначились. Они же показывают, что не решена, пожалуй, главная задача – координации усилий, отхода от местнических тенденций. Эффективность и польза этих изданий была бы гораздо выше, если бы они осуществлялись по единой программе либо по сопоставимым программам, если бы к их подготовке предъявлялись одинаково высокие требования. Пока мы имеем здесь эффект растопыренной пятерни, несвязанных в «веник» прутиков, которые легко переломить.

Очередные задачи изучения индустриализации в России в свете теории информации³⁰

Явления такого глобального масштаба, как индустриализация, представляют не только научный, но и практический интерес, поскольку здесь мы имеем дело с незавершенным процессом, развитие в этом направлении продолжается. Изучение как имевших место в прошлом процессов, так и тех, которые совершаются в настоящее время, принятие правильных решений в этой сфере требуют системного подхода, координации исследовательских и управленческих усилий, необходимого и достаточного информационного обеспечения. Они требуют понимания того, что собой представляют социальная информация и информационный процесс, каковы их свойства и характеристики.

Информационный процесс можно определить как процесс, в котором взаимодействуют объект, субъект и результат отражения объекта субъектом – информация. Смысл информационного процесса заклю-

³⁰ Доклад на семинаре «Индустриализация в России» на Историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. 1998 г., апрель.

чается в движении от неопределенности к определенности; возможно и обратное движение. Социальная информация – одна из важнейших характеристик общественного сознания, любой формы человеческой деятельности. Она может быть обозначена как результат отражения общественным сознанием общественного бытия, разнообразия общественной жизни. Социальная информация оказывает активное воздействие на сознание и поведение людей, выполняет коммуникативную функцию и функцию управления (благодаря таким своим качествам, как объективность, истинность, достоверность, полнота, ценность). Информация, которая принята субъектом и используется им для ориентировки в мире и для воздействия на других субъектов и на различные объекты, является актуальной, информация же неиспользуемая является потенциальной.

В процессе перехода информации из состояния актуальной в состояние потенциальной мы сталкиваемся с явлением, которое я обозначила как информационную энтропию. Суть этого явления заключается в уменьшении определенности и нарастании неопределенности. Информационная энтропия, по-видимому, оказывает существенное воздействие на информационный процесс, в том числе негативное воздействие на передачу культурного опыта (коммуникацию культуры). В ходе создания, преобразования, передачи, восприятия, использования информации происходит не только ее накопление, но и рассеивание. Энтропия усиливается там и тогда, где и когда информация остается невостребованной. Не будучи востребована, она перестает фиксироваться и использоваться, постепенно вытесняется из социальной памяти и, в лучшем случае, «оседает» в различных запасниках, хранилищах музеев, архивов, библиотек и пр., в худшем – утрачивается. В отличие от специально накапливаемой актуальной информации потенциальная сохраняется не осознанно, не целенаправленно, а случайно. Факторами, способствующими усилению информационной энтропии, являются ограничение доступа к информации (в силу прямых запретов, территориальной удаленности и т. п.), а также сознательное или неосознанное ее искажение, деформация. Преодоление информационной энтропии играет особо важную роль в процессе познания глобальных социальных явлений и управления ими. Для их понимания глубина социальной памяти, разнообразие информации, интенсивность информационного потока имеют первостепенную значимость.

Наиболее эффективный способ преодоления информационной энтропии – актуализация информации. Она достигается в процессе познавательной деятельности, включающей деятельность по добычанию знаний (научно-исследовательскую) и по внедрению их в общественное сознание, их передаче и закреплению в социальной памяти (трансляционную, популяризаторскую). В качестве необходимого условия актуализация предполагает выявление источников информации, а результатом является извлечение информации из источника и введение ее в оборот, обеспечение качественной и количественной репрезентативности информации.

Один из эффективных способов актуализации информации – воспроизведение того, что запечатлено в исторических источниках. Воспроизведение осуществляется в процессе публикаторской деятельности, степень эффективности которой определяется ее системностью, программностью. В России такого рода деятельность имеет давнюю традицию; отечественная научная школа известна многими достижениями в корректном воспроизведении (публикации) нормативных документов, статистических источников, научных трактатов, мемуаров и дневников, художественных произведений и пр. Огромное количество источников разного времени и происхождения обнаружено Археографической комиссией (чья плодотворная деятельность, начавшаяся в XIX в., продолжается и поныне), академическими институтами и высшими учебными заведениями, центральными и региональными издательствами, библиотеками, архивами, музеями. Возможности этого способа актуализации информации далеко еще не исчерпаны; сосредоточенные в хранилищах страны огромные массивы документов ждут нашего к ним системного и программного (т. е. осмысленного) обращения. Переход от публикации отдельных, часто произвольно выбранных источников к публикации (традиционными и новыми способами) больших массивов источников, составляющих целостные системы, – действенный способ достичь большего, чем это было до сих пор, проникновения в глубину социальной памяти.

Простое воспроизведение информации необходимо, но недостаточно; далеко не всегда оно способно сделать ее воспринимаемой. Поэтому оказывается необходимой такая актуализация, которая связана с переводом на современный язык, преобразованием информации, с исследованием содержательного и аксиологического ее аспек-

тов. Преобразование должно осуществляться корректно, без внесения искажений, ложных или спекулятивных представлений об исследуемых явлениях и процессах. На наш взгляд, самым эффективным способом корректного преобразования информации является фиксация конкретных сведений и их сосредоточение (аккумуляция) в научно-справочных изданиях (энциклопедиях, справочниках, словарях) и базах данных – в том, что составляет справочный аппарат науки.

Аккумуляция информации позволяет повысить эффективность ее использования и степень используемости, усилить интенсивность информационного потока за счет «сжатия» информации и сохранить ее в оптимальном для использования виде. В процессе аккумуляции часто удается добиться сопоставимости информации, полученной из разных источников разными исследователями, использовавшими к тому же разные методы; достичь универсализации языка науки, разработать общенаучные понятия и методы; подвести итоги всего предшествующего развития исторической науки и четко поставить новые задачи; выявить информацию, в скрытом (связанном) виде присутствующую в исторических источниках и трудах исследователей старших поколений.

Следует отметить, что справочный аппарат нашей отечественной науки находится не на должной высоте. Ее обеспеченность научно-справочными изданиями, машинными базами данных значительно ниже, чем во многих других странах; эти издания и базы данных менее разнообразны и полны. Создание энциклопедий становится возможным при наличии необходимых и достаточных условий. Необходимым условием, по нашему мнению, является общественная потребность в осмысленной деятельности, нацеленной на общее благо, а основным достаточным условием – такой уровень конкретно-исторического (эмпирического) и теоретико-методологического знания, который делает реальным его синтез, достижимый лишь на основе качественно и количественно репрезентативной информации.

Создание энциклопедии «Индустриализация в России» представляется мне одной из первоочередных задач в изучении отечественной истории. Для ее решения имеются необходимые и достаточные условия. Сегодня Россия в очередной раз делает выбор: определяет, каким путем идти и к какой цели стремиться, как использовать и модернизировать промышленный потенциал, наращивать ли его, как обеспечить

оптимальное взаимодействие с другими субъектами исторического процесса, как сохранить свою идентичность в процессе такого взаимодействия. В изучении проблемы индустриализации завершается один этап и начинается следующий, происходит смена доминант. Исследования в русле господствовавшего до недавнего времени политекономического подхода продолжаются, возможности его не исчерпаны. Однако вполне определенно проявилось стремление выйти за рамки этого подхода, найти ответы на те вопросы, которые не могли быть разрешены в силу имманентно присущих ему ограничений.

Наметившееся движение к иному качеству научного знания сопровождается отказом от прежних концепций, теорий и методологий. Это – нормальный процесс, но в сложившейся ситуации важно не допустить нарастания информационной энтропии и не утратить накопленного ранее знания. Переходный период, когда продолжается развитие исторической мысли в русле прежней традиции и формируется иная традиция, представляется мне благоприятным для создания системы научно-справочных изданий, с одной стороны, подводящих итоги предшествующего развития, с другой – определяющих новые горизонты.

Изучение индустриализации имеет давнюю традицию в отечественной исторической науке. Эти достижения хорошо известны. В результате серьезной работы многих поколений исследователей накоплен настолько значительный объем научного знания, что это требует обобщения и систематизации. В настоящее время индустриализация в России является предметом пристального внимания историков и старой, и новой школ³¹. Активно работающая группа исследователей объединилась в данном семинаре; на его заседаниях и на научных конференциях многие вопросы прошли апробацию. Имеется опыт создания соответствующих блоков статей в БСЭ и ряде отраслевых энциклопедий.

Все вышесказанное означает, что энциклопедия «Индустриализация в России» имеет необходимое и достаточное научное обеспечение. Она имеет и своего адресата: исследователи, работающие в этой и смежных областях; управленцы (им энциклопедия облегчит принятие правильных решений); частные лица, индивидуумы, которым энциклопедия поможет сориентироваться в индустриальном

³¹ Это обозначение достаточно условно.

обществе, найти «нишу», не утрачивая при этом идентичности («самости»).

Еще одна перспективная идея – создание «Свода памятников индустриальной России» (по аналогии со «Сводом памятников истории и культуры народов СССР», идея которого родилась в 1950-е гг.). «Свод памятников истории и культуры» предполагалось строить по двум основополагающим принципам: региональному (издание своего «Свода» планировалось в каждой из республик Советского Союза, в том числе в РСФСР) и тематическому (в соответствии с ним в «Свод» включались памятники археологии, архитектуры и истории, отобранные и описанные по единой программе). К работе были привлечены крупнейшие научно-исследовательские институты и авторитетные ученые, однако в России в задуманном виде идея «Свода» не была реализована. Перестал существовать единый центр – Главная редакция «Свода памятников истории и культуры народов РСФСР» издательства «Наука»; работа велась Российским институтом культурологии (выпущены отдельными книжками описания памятников всех районов Воронежской области, работа удостоена премии Министерства культуры Российской Федерации), Институтом археологии РАН (изданы описания памятников и археологические карты по ряду областей России), Институтом искусствознания (в феврале 1998 г. состоялась презентация Брянского тома памятников архитектуры – первого в этой серии³²). Продолжение работы можно рассматривать как выражение общественной потребности, однако несоординированность, разделение памятников разных типов заметно снижают ее эффективность.

Перспективным направлением является создание региональных энциклопедий, нацеленных на выявление многообразия процесса индустриализации России, обусловленного многообразием менталитета, хозяйственных укладов, культур населяющих страну народов. По некоторым регионам такие энциклопедии уже выпущены. Как и в случае со «Сводом памятников», мешает отсутствие единой программы и координации деятельности. Это делает информацию несопоставимой, снижает общий информационный потенциал изданий. На сегодняшний день мы имеем ряд региональных энциклопедий, но не имеем их системы.

³² На сегодняшний день имеются уже тома по нескольким областям.

Другой формой преобразования информации является создание абстракций на основе достаточной, качественно и количественно репрезентативной информации, зафиксированной в источниках разных типов и видов. На процессе создания абстракций, получения нового знания отрицательно сказывается недостаточность имеющегося научно-справочного аппарата. Следствия этого таковы: затруднено пользование накопленной информацией; есть возможности для присвоения чужого знания, зафиксированного в малодоступных источниках и исследованиях.

Качественная и количественная репрезентативность информации – это то, что позволяет получить объективное знание и свести к минимуму субъективность исследований в науке и принимаемых решений в государственном управлении. Ее обеспечивает сбалансированное использование источников разных типов и видов: не только письменных, но и вещественных, изобразительных, фонических. Такое использование усиливает тесноту взаимосвязи, повышает информативную отдачу источников; как следствие, актуализируется заложенная в них информация.

Повышения информативной отдачи источников можно добиться также путем извлечения и использования скрытой (иначе: структурной, связанной) информации. Методы ее извлечения (количественные или математические) достаточно хорошо разработаны в источниковедении благодаря усилиям И. Д. Ковальченко и его школы, других исследователей. Эффективность этих методов доказана рядом конкретно-исторических и теоретико-методологических исследований. Их применение позволило расширить источниковую базу исследований за счет массовых источников, взглянуть на некоторые виды давно находящихся в научном обороте источников как на массовые.

В культурологии применение количественных методов при анализе качественных процессов также возможно, главным образом на макроуровне (там, где необходимо выявить общие характеристики или закономерности). Их корректное применение предусматривает органичное сочетание формально-количественного и сущностно-содержательного анализа. При соблюдении этого условия они способствуют актуализации информации, а значит – преодолению информационной энтропии и возрастанию определенности.

Современные российские энциклопедии: границы вербального и визуального³³

Свое сообщение я задумывала как конкретно-историческое, а вылилось оно в обозначение проблемного поля. Мне понадобилось упорядочить свои представления о процессах, идущих в энциклопедическом деле, об их связи с состоянием современного общества, науки, культуры, произвести отжим. Конкретика осталась за рамками сообщения, потому что для системной аргументации требуются другое время и большие силы, а к иллюстративному методу исследования я отношусь как историк, т. е. не со знаком плюс. В связи с гуманитарной, культурологической направленностью сообщения я не затрагивала энциклопедии по естественным и точным наукам.

Д. Дидро дал великолепное определение сути энциклопедического дела: *«Цель энциклопедии – собрать знания, рассеянные по свету, привести их в систему, понятную для людей ныне живущих, и передать тем, кто придёт после нас, с тем, чтобы труд предшествующих веков не стал бесполезным для веков последующих, и чтобы наши потомки, обогащённые знаниями, стали добрее и счастливее, и чтобы мы не канули в вечность, не сумев послужить грядущим поколениям»*. И действительно, французские энциклопедисты-просветители при работе над «Энциклопедией, или Толковым словарем наук, искусств и ремёсел» (1751–80) исходили из убеждения, что их «Энциклопедия», основывающаяся на рациональном мировоззрении, научит людей тому, как изменить свою жизнь в соответствии с «естественными законами».

Напомню, что в переводе с греческого энциклопедия – «обучение всему кругу знаний». Термин введен в научный оборот во второй половине 16 в., тогда его применяли для обозначения трактатов, содержащих целостную совокупность сведений общеобразовательного или специального характера. В настоящее время бытуют следующие дефиниции, складывавшиеся на протяжении последних 100–150 лет.

Энциклопедия – это:

- научно-литературный жанр;
- приведенное в систему сжатое обозрение всех отраслей человеческого знания (Брокгауз и Ефрон);

³³ Текст написан в 2000-е гг. Публикуется впервые.

– научное или научно-популярное справочное издание, содержащее наиболее существенную информацию по всем или отдельным областям знания или практической деятельности (БСЭ);

– компендиум устоявшихся и апробированных, легитимированных научным сообществом знаний в определенной области. Быстрый рост популярности в последней трети 20 в. научных дисциплин пограничного характера, экспоненциальный рост специальных знаний, развитие компьютерных банков данных снижают значимость самой идеи энциклопедии для ученых-профессионалов, сохраняя при этом ее статус как характеристики меры и степени конвенционализма, присущего той или иной области знания в определенный момент. В постмодернизме выступает символическим обозначением текста, организованного как лабиринт или ризома (в отличие от структурно-одномерного словаря) (Философская энциклопедия).

Энциклопедии делятся:

– по структуре – на алфавитные (материал располагается в алфавите терминов) и систематические;

– по объему – на большие (несколько десятков томов), малые (10–12 тт.), краткие (4–6 тт.) и 1–3-томные (энциклопедические словари);

– по содержанию – на универсальные (все науки) и специализированные (отраслевые – по отраслям знания, а также региональные).

Основными типами статей в энциклопедиях являются: статьи-обзоры и статьи-справки, содержащие основную информацию, а также статьи-толкования (дефиниция и этимология) и статьи-отсылки (адресуют к другому термину).

Корректно сделанные энциклопедии имеют вспомогательный научно-справочный аппарат: библиография (пристатейная или общая), указатели, приложения.

Применяются систематическая перепечатка энциклопедий с частичной их переработкой и выпуск «Ежегодников», дополняющих основное издание информацией, накопленной за год.

Работа над энциклопедией проходит в несколько этапов: разрабатывается концепция, составляется тематический план и тематический словник (полный перечень статей), заказываются и пишутся статьи, осуществляется редподготовка, печатается тираж.

С моей точки зрения, наиболее точным является такое определение: энциклопедия – *систематический* (или: *систематизированный*)

свод научных знаний определенного времени, раскрывающий сущность этих знаний.

Понятия, ключевые для понимания сути энциклопедии, – системность (систематический, систематизированный) и репрезентативность. Системность предполагает сведение, собрание в единое целое фактов, признанных наукой на момент составления энциклопедии, а репрезентативность – представительность, полноту и достоверность информации.

Энциклопедический жанр предполагает уход от оценок (субъективных по самой своей сути) и представление читателю для справки или его собственного анализа совокупности конкретных фактов, необходимых и достаточных для решения задачи, сформулированной в концепции издания. Основная проблема здесь – достижение объективности. В то же время энциклопедии должны давать ответы на запросы современности, быть актуальными. Подготовка издания, в котором соблюден баланс объективного и актуального, обеспечено их равновесие, сложна, требует больших усилий.

Энциклопедии – хранилища больших объемов выверенной информации – рассчитаны на длительное бытование. При их создании всегда решается задача – добиться максимума информации в минимуме объема. Из этого вытекает и этим определяется в высшей степени специфичная форма представления научного знания. Она предполагает наличие у читателя соответствующих навыков пользования изданием, чтения и понимания текста, извлечения из текста и из визуального (прежде всего – иллюстративного) ряда как прямой, так и скрытой информации.

Напомнив об основных параметрах энциклопедий (типологических, содержательных, структурных), перехожу к рассказу о том, что сегодня представляет собой совокупность российских энциклопедических изданий, какова ситуация на этом сегменте рынка, какие процессы идут.

Очевидно, что российское энциклопедическое дело не обошли стороной системные разломы последних десятилетий, кипение страстей и идей, концептуальные потрясения.

На предшествовавшем этапе доминировала одна (марксистско-ленинская) концепция. Для современного этапа характерна полифония идей, теорий и гипотез, концепций. Они сосуществуют, по-разному

взаимодействуют. Здесь и борьба, и взаимопроникновение, и многое другое, а хотелось бы, чтобы была симфония, т. е. согласие многих голосов. Мы наблюдаем сегодня:

- развитие прежней концепции, ее борьбу за выживание и обращение к ней (особенно в условиях кризисов и социокультурной нестабильности);

- возврат (на новом витке) к концепциям досоветского периода, в т.ч. консервативным, почвенническим тенденциям, их возрождение и достаточно интенсивное развитие;

- появление концепций, порожденных нарастанием глобализации, сформировавшихся в числе прочего под давлением массового сознания и массовой культуры;

- формирование и мощный рывок цивилизационных концепций.

Это концептуальное многообразие (в некоторых случаях перерастающее в без-образе, в утрату всякого образа) оказывает определяющее влияние на создаваемые ныне энциклопедии.

Они стали ощутимо более доступными, адресованными более широким кругам читателей. Сегодня мы имеем на рынке литературы: словари, энциклопедии многотомные, в т.ч. сериальные; универсальные и отраслевые (тематические, предметные); фундаментальные научные и прикладные научные; научно-популярные и популярные; обучающие – предназначенные для самообразования и воспитания детей и юношества; прикладные (путеводители и многое другое).

В настоящее время у нас реализуются два строго научных долговременных мегапроекта – Большая российская энциклопедия и Православная энциклопедия; началась работа над новой версией Исторической энциклопедии.

Большая российская энциклопедия – универсальная национальная энциклопедия, полноцветная, выпускаемая по указу Президента РФ от 14 октября 2002 г. одноименным издательством (в штате – 200 человек против 600 в БСЭ). Работу планируется завершить за 10 лет. Первый из 30 томов – том «Россия» – вышел в 2004 г., остальные тома построены по алфавитному принципу. Общий объем энциклопедии – 4200 а.л., из них 600 а.л. – иллюстрации. В реализации проекта задействовано около 80 академиков и множество других специалистов. Расходы на научно-редакционную работу составляют 60–70 % от общих расходов. Все это свидетельствует о серьезности намерений.

Православная энциклопедия – отраслевая национальная энциклопедия, полноцветная, выпускаемая Церковно-научным центром с 2000 г. Первоначально планировалось подготовить 25 томов, в 2004 г. их число увеличили до 30. Задача издания сформулирована так: «дать всеобъемлющую информацию по двухтысячелетней истории и современному состоянию вселенского Православия; ознакомить читателя с другими христианскими конфессиями, нехристианскими религиями, а также с явлениями науки, культуры, философии, искусства, политики, так или иначе связанными с религией». Особое внимание уделяется церковной жизни в XX в. (этих сведений вообще нет в справочной литературе).

Крупные проекты реализуют научно-исследовательские институты. Так, например, близка к завершению работа над энциклопедией «Культура Китая», энциклопедии «Культурология» выходят по инициативе и под патронажем Российского института культурологии и ИНИОНа. Лидирующие позиции занимает в нише научных энциклопедий автономная некоммерческая организация – издательство «Росспэн». При всех сложностях для таких изданий характерны серьезная научная проработка концепции, методологии и методики работы, привлечение ведущих специалистов в качестве авторов и научных редакторов.

Одним из ведущих отечественных «игроков» на энциклопедическом поле является издательство «Терра», в разные годы реализовавшие проекты, интересные по положенной в их основе идее. Крупнейшие из них – репринтное издание «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (в 86 томах, 1990–1991), «Еврейская энциклопедия» (в 16 томах, 1991), «Большая энциклопедия Терра» (в 62 томах, 2006) с последующим выпуском «Ежегодников» (в 2008 – «Ежегодник 2007» и «Хроника 2007»), а также созданные на ее основе «Популярная энциклопедия» (в 20 томах, 2009) и «Энциклопедия живописи» (в 15 томах, 2010).

Назову еще один оригинальный, корректный по замыслу и исполнению проект, осуществляемый Международным биографическим центром, – энциклопедии «Кто есть кто» (в современной России, в культуре и т. д.). Они включают написанные «четко и ясно, в прямом смысле на русском языке», эксклюзивные биографии «выдающихся граждан России и ряда стран постсоветского пространства, вносящих

исключительный вклад в развитие науки, культуры, тех отраслей, где Россия имеет признанный авторитет в мире». Создание жизнеописаний предусматривает непосредственные контакты с номинантами, соответствие текста масштабу личности.

Значительную группу составляют серии отраслевых (тематических, предметных) энциклопедий, адресованных тем, кто учится, – студентам и школьникам (издательства «Дрофа», «Просвещение», «Олма», «Россмэн» и ряд других). Как правило, серию составляют тома по основным учебным предметам; тома хорошо иллюстрированы и при этом не чрезмерно дороги. Главные задачи таких энциклопедий:

- сохранив объективность и репрезентативность информации, перевести ее с языка высокой науки на язык, доступный пониманию этой читательской аудитории;
- отобрать информацию, необходимую и достаточную, а также наиболее актуальную и для науки, и для обучаемых.

Относительно новый игрок на энциклопедическом поле – сетевые ресурсы, Интернет-энциклопедии. Наиболее популярные из русскоязычных – Википедия, Кругосвет, Км.ру, Рубрикон. Самая масштабный ресурс – Википедия (ее английская версия содержит около 2 млн. 400 тыс. статей), а наиболее качественный – Рубрикон, аккумулирующий фундаментальные отечественные издания разного времени. Создаются эти энциклопедии тремя способами: путем перевода в электронную форму традиционных изданий, как вполне самостоятельные, традиционные по подготовке, и т. н. свободные (статьи вносят сами читатели).

Их преимущества очевидны: легкость доступа, привычная и привлекательная для поколения 1990–2000-х гг. электронная форма, гиперссылки, большие возможности привлечения дополнительных ресурсов (сайтов и пр.).

Не менее очевидны и недостатки. В них масса ошибок: языковых (грамматических, синтаксических и др.), фактологических (просто невообразимо перевираются фамилии и имена, даты, термины). Издания на бумажном носителе четко фиксируют информацию на определенный момент, в электронных изданиях информация становится текучей, внутренне противоречивой, не приведенной в систему. Владелец ресурса имеет возможность фактически бесконтрольно менять

ее содержание, не предупреждая читателя о заменах, переделках, дополнениях и изъятиях, выливающих в ряде случаев в подмены, перевертыши, извращения и антиподы изначально созданному. А читатель в массе своей не обладает квалификацией, позволяющей отделить семена истины от плевел.

С нынешним состоянием сетевых ресурсов связано нарастание информационной энтропии («шума», рассеяния информации). Общий объем циркулирующей по сетям информации (и вербальной, и визуальной) возрос на много порядков, однако в большинстве случаев это одна и та же информация (зачастую перевираемая), сводимая к небольшому числу протографов (исходных текстов, изображений).

Сказанное относится и к той значительной части выходящих в последние десятилетия энциклопедий, которые по сути являются компиляцией из энциклопедий, подготовленных и изданных еще в советское время. Они содержат информацию устаревшую, оставляют за бортом новое научное знание. Зачастую их делают недостаточно профессионально подготовленные люди (и в профильных областях знания, и в энциклопедическом деле).

Их расцвет был связан с усилением коммерциализации издательского дела. Девизом нашего времени стало: «Дешевизна книги, быстрого оборота денег». Стремясь минимизировать затраты денежных средств и времени, издатели обратились к уже собранному массиву информации. Они сэкономили на интеллектуальных усилиях, усилиях по поиску, анализу и корректному представлению информации.

На сегодняшний день этот ресурс почти исчерпал себя. Часть читателей стала более требовательной (во всяком случае, в отношении книг, покупаемых для длительного использования), их уже не удовлетворяют перепевы старого.

Соотношение текста и иллюстраций (карт, планов, схем, чертежей, репродукций картин, фотографий и т. п.) определяется прежде всего предназначением энциклопедий. Это – справочные издания. К ним обращаются за информацией, поэтому главное в них – текст, а иллюстрации подкрепляют или дополняют его. В большинстве энциклопедий изображения именно иллюстрируют текст, в отдельных (относительно редких) случаях удается передать с помощью изображения важную для понимания сути описываемого явления или события информацию, для передачи которой требуются большие по объему тексты.

Для визуальной информации современных энциклопедий характерны те же черты и те же проблемы, что и для вербальной. По разным книгам кочуют одни и те же изображения. Происходит это потому, что они уже апробированы, следовательно, можно сослаться на авторитет (а новое требует обоснования, является рискованным); они выявлены, не нужно тратить средства и время на поиск; не нужно находить новые, оригинальные решения содержательного и художественного плана.

Существенные ограничения накладывает Закон об авторском праве. Для легитимной публикации любого изображения необходимо письменное разрешение его автора, владельца или хранителя экспоната, изображенного на нем. Приобретение прав на иллюстрации удорожает и без того затратное издание.

Часто изобразительная информация не атрибутируется или атрибутируется неверно. Эти ошибки проскальзывают в печатную продукцию и многократно воспроизводятся в компиляциях и сетевых ресурсах.

Появление нового ресурса – сетевой визуальной информации – ситуацию, с моей точки зрения, осложнило. Нарастивание объема происходит за счет бесконечных повторов одних и тех же изображений, а это усложняет поиск. Гораздо больше времени уходит на добывание новой информации, и фактически ее объем на единицу отсмотренного материала уменьшился.

Массив информации и состав статей в энциклопедиях двух последних десятилетий по сравнению с предшествующим периодом значительно обновился, что связано с изменениями в мире, в нашей стране и в науке. Перемены сопровождалось открытием шлюзов для информации, которая находилась под запретом, замалчивалась или не вписывалась в господствовавшую идеологию. Появление новых концепций, творческое обращение к концепциям, отвергнутым в советское время, привели к существенному приращению научного знания и обновлению научной картины мира.

Тем не менее, я бы не стала утверждать, что современные энциклопедические издания в содержательном плане пережили качественный скачок. Преемственность с изданиями предшествующего периода сохраняется, и в целом я бы оценила этот факт как положительный.

Диалог вербального и визуального в книге: от идеала к практике или наоборот?³⁴

Книга, творение человека, как единство вербального и визуального рядов.

Вербальное и визуальное как системные элементы книги.

Визуализация текста и вербализация изображения в книге.

Человеческий фактор в акте сотворения книги: оппозиция «автор – иллюстратор».

Человеческий фактор в акте «продвижения» книги: оппозиция «творцы книги – маркетологи – читатели».

Человеческий фактор в «бытовании» книги: оппозиция «творцы книги – читатели».

Журнал «Культура и искусство»: «выделить научный дискурс о культуре и искусстве»³⁵

Научный рецензируемый журнал «Культура и искусство» выходит с января этого года. Идея такого издания возникла в творческом общении Е. А. Воронцовой и доктора искусствоведения, профессора, директора Российского института культурологии К. Э. Разлогова с председателем Совета директоров академической издательской группы «Nota bene» В. И. Даниленко. Наиболее близки к концепциям, разрабатываемым в институте культурологии, концепции, получившие развитие в отечественной этнологии и антропологии. Поэтому вполне естественным стало обращение к академику Российской академии наук, заместителю академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, доктору исторических наук, профессору, директору Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкову и сотрудничество с возглавляемым им институтом в реализации данного проекта.

Так и сложилось, что при интеллектуальном содействии Россий-

³⁴ Впервые опубликовано: VIII конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. С. 434.

³⁵ Впервые опубликовано: Университетская книга. 2011. № 11. С. 8; Искусство в пространстве современной культуры: Материалы международной научно-практической конференции. 29–30 сентября 2011 г. Воронеж, 2011. С. 501–506.

ского института культурологии и Института этнологии и антропологии РАН издательство «НБ-Медиа» начало выпускать журнал «Культура и искусство»³⁶. Главным его редактором стал К. Э. Разлогов, он же и В. А. Тишков возглавили Редакционный совет.

Задуман журнал был как комплексный, охватывающий проблемное поле по максимуму, посвященный актуальным проблемам культуры и искусства, а также всемирному культурному наследию, которые рассматриваются с позиций культурологии и искусствоведения в широком методологическом, географическом и временном диапазоне, и адресован как специалистам-гуманитариям (культурологам, искусствоведам и т. д.), так и широкому кругу читателей.

Представление о его структуре дает рубрикатор, в котором рубрики сгруппированы в тематические блоки. *1-й блок*: культура и культуры; культура и цивилизация; культура и власть; культура и культ; культура и наука; естествознание, техника и культура. *2-й блок*: культурология и cultural studies; теоретическая культурология и теория культуры; философия культуры; социология культуры, социокультура; этнология и культурная антропология. *3-й блок*: прикладная культурология; теория коммуникации и медиалогия; гендерные исследования; культура тела; знак, слово, речь, язык; memory studies; историческая культурология и история культуры; культурное наследие, традиции и инновации; культура повседневности. *4-й блок*: глобализация, глокализация, массовая культура; экранная культура и экранные искусства; виртуальная реальность; электронная культура и интернет. *5-й блок*: художественная культура и творчество; искусство и искусствознание; эстетика и теория искусства; история искусств; стили, течения, школы. *6-й блок*: изобразительные искусства, архитектура и дизайн, книжная культура и искусство книги, декоративно-прикладное искусство, сценические искусства, музыка и музыкальная культура, о поэзии и прозе. *7-й блок*: от первого лица, дискуссионный клуб, хроника культурной жизни.

О необходимости такого издания и его отличии от других журналов очень точно сказал К.Э. Разлогов в интервью, опубликованном в «ExLibris». Побудительным мотивом стало желание «выделить научный дискурс о культуре и искусстве, я бы даже сказал о культурах и искусствах. Наш журнал отличается от других журналов тем, что мы изначально сто-

³⁶ Информация о журнале, его рубриках, Редакционном совете и редколлегии, требованиях к статьям размещена на сайте: nbpublish.com.

им на позициях множественности культур, искусств и подходов к ним. Методологические проблемы... в глянцевых изданиях и научной периодике почти не обсуждаются, но где-то представлены должны быть».

Название журнала – «Культура и искусство» – вовсе не свидетельство того, что мы отделяем искусство от культуры; скорее это указание на то, что культура не сводится к искусству. Представительные Редакционный совет и редколлегия основываются в своей деятельности на широком антропологическом понимании культуры, официально утвержденном ЮНЕСКО: культура – это совокупность нравов, обычаев, традиций и ценностей, которые находят отражение не только в литературе и искусстве, но и в повседневной жизни, формах совместной деятельности людей.

Стержневыми для журнала являются плодотворные идеи К. Э. Разлогова о соотношении в культуре консервативности (он отмечает: обычаи, нравы, ценности сформированы веками и настолько стабильны, что люди чрезвычайно нервно относятся к попыткам изменить их), большого слоя развлекательного массового искусства, которое стремится не к изменениям, а к стабильности, – и небольшого слоя искусства актуального, нацеленного на изменения, эксперимент (на то, что можно условно назвать модернизацией), всевозможных транслокальных культурных сообществ, существующих на разных социально-демографических уровнях и на базе общности интересов объединяющих людей, не живущих в одном месте и не общающихся друг с другом непосредственно.

Главная сложность состоит в том, чтобы структурировать разнообразный и многоплановый материал. Мы находимся в ситуации серьезных трансформаций в самом объекте исследования. Если раньше считалось, что культура – все лучшее из созданного человечеством, то сейчас все больше сторонников и последователей приобретает идея множественности равноправных культур. В культуру в качестве базовых элементов включается многое из того, что в традиционном представлении в нее не входило. Семимильными шагами завоевывает место под солнцем массовая культура, работающая по иным принципам, нежели любая национальная культура и субкультуры; набирает обороты глобализация.

Бытовое представление о культуре расходится с научным пониманием, взгляды деятелей искусства и исследователей культуры раз-

личаются иногда кардинально. Науки, в том числе науки о культуре, развиваются динамично, смещаются или вообще исчезают когда-то установленные границы – и появляются новые водоразделы. За последние десятилетия массив информации значительно обновился. Перемены в мире, в нашей стране и в науке сопровождались открытием шлюзов для информации, которая находилась под запретом, замалчивалась или не вписывалась в ту или иную идеологию. Появление новых концепций, творческое обращение к концепциям, отвергнутым в советское время, привели к существенному приращению научного знания и обновлению научной картины мира.

На наших глазах происходит самоопределение культурологии. Вначале под культурологией понимали просто совокупность наук о культуре, а культурологами часто называли исследователей, занимавшихся изучением культуры с каких-то неожиданных позиций. Как правило, это были специалисты в области филологии, классического искусствознания и философии. Затем культурология институализировалась в сфере образования, в нее устремились оставшиеся не у дел специалисты по диалектическому и историческому материализму, культурологами стали называть преподавателей, читающих курсы по истории культуры.

Важная для создателей журнала задача – добиться того, чтобы он послужил платформой для диалога (скорее даже полилога) всех этих людей, для достижения ими взаимопонимания. Не менее сложна ситуация и в мировой науке в целом: очевидны различия между отечественной «культурологией» и иноязычными *cultural studies*, *Kulturforschung* и *Kulturwissenschaft*... Поэтому наводить мосты и вести диалог с исследователями из других странах – также одна из задач журнала «Культура и искусство». У журнала на бумаге есть преимущество перед текучими медиа: точность фиксации текста. Мы стремимся его грамотно использовать.

Сегодня коротко обрисованная нами проблематика хоть и составляет основу современного подхода к культуре, почти не обсуждается. Мы будем делать это целенаправленно и регулярно, включив в оборот как комплекс наук с длинной традицией, так и новых, и еще только формирующихся наук, акцентируя внимание на культурных и художественных процессах, гибко действуя в пространстве и культурной традиции, и культурной инициативы, применяя стратегии социального партнерства.

О том, что этот подход востребован, свидетельствуют получаемые нами отклики и «наполняемость редакционного портфеля»: у только-только начавшего выходить журнала нет проблем с авторами и материалами. В пяти первых номерах опубликовано 67 статей исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Барнаула, Екатеринбурга, Казани, Махачкалы, Майкопа, Новосибирска, Сергиева Посада, Ярославля, а также Берлина и Галле (ФРГ), Варшавы (Польша), Сент-Луиса (США). В их числе: статьи заместителя академика-секретаря РАН В. А. Тишкова, членов-корреспондентов РАН А. В. Головнева и В. М. Алпатова; 4 статьи академиков РАН, статьи академиков РАЕН, РАО и других академий; 31 статья докторов наук; статьи зарубежных коллег.

Старт взят удачно. Теперь нужно удержать темп.

**Главный герой – книга:
Дни Российского института культурологии
во Всероссийской государственной библиотеке
иностранный литературы им. М.И. Рудомино³⁷**

Дни Российского института культурологии во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино, состоявшиеся 10–12 октября 2011 г., проводились впервые в истории и института, и библиотеки. Главным их героем была Книга. Организаторы (РИК и ВГБИЛ) стремились привлечь внимание читательской аудитории, научной общественности и структур, формирующих культурную политику страны, к культурологической проблематике и к изданиям этого профиля.

В интервью каналу «Культура» директор РИК *К.Э. Разлогов* сказал: «Я определил для себя такого рода мероприятия как точки роста читательского интереса и точки роста научного сообщества. Библиотеки – та самая сеть, благодаря которой культурологические издания распространяются значительно быстрее, чем, может быть, через розничную сеть, где все же есть большая конкуренция». Его мысль поддержала директор ВГБИЛ *Е.Ю. Генцеева*: «Мне как руководителю библиотеки важно, что мы начинаем это делать вместе, тем самым создавая единое культурное пространство мира или хотя бы России».

³⁷ Библиотекосведение. 2011. № 6. С. 46–49.

Всего в мероприятиях в рамках Дней приняли участие около 300 человек – представители:

- органов власти (Минкультуры России, Минкультуры Московской области);

- более 15 издательств;

- книгораспространителей (Ассоциация книгораспространителей независимых государств, Гильдия книжников, Торговый дом «Библио-Глобус»);

- около 10 профильных (книговедческих и библиотековедческих) периодических изданий;

- библиотек (Российская государственная библиотека, Библиотека искусств им. А.П. Боголюбова, Московская областная государственная детская библиотека, Московская областная государственная научная библиотека им. Н.К. Крупской, Центральная универсальная научная библиотека им. Н.А. Некрасова, Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова и др.);

- научно-исследовательских институтов, музеев, вузов (РИК, Институт философии РАН, Институт российской истории РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Московский государственный университет печати им. И. Федорова, Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Московский государственный педагогический университет, Российский университет дружбы народов, Российский государственный гуманитарный университет, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Российская международная академия туризма, Академия славянской культуры, Академия хорового искусства им. В.С. Попова, Всероссийская академия внешней торговли, Всероссийский государственный институт кинематографии, Музей Государственного академического центрального театра кукол им. С.В. Образцова, Мемориальный музей космонавтики, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Kaji Aso Institute и др.).

В числе участников были и художники, читатели ВГБИЛ, аспиранты и студенты вузов, а также школьники – ученики СОШ № 2012 Москвы.

С 26 июля до 15 октября 2011 г. действовала книжная выставка «Ретроспектива изданий Российского института культурологии».

10 октября в Большом зале библиотеки состоялось торжественное открытие Дней РИК, которое вели: директор Российского института культурологии, председатель Редакционного совета и главный редактор журнала «Культура и искусство», доктор искусствоведения, профессор *К.Э. Разлогов* и генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, доктор педагогических наук *Е.Ю. Гениева*.

На открытии выступила статс-секретарь – заместитель Министра культуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент *Е.Э. Чуковская*. Она пожелала успешного продолжения сотрудничеству института и библиотеки на поприще приращения научного знания о культуре и его популяризации.

С приветственным словом к собравшимся обратились: ректор Московского государственного университета печати им. И. Федорова, доктор экономических наук, доцент *К.В. Антипов*; начальник Управления специальных проектов Российской государственной библиотеки, доктор философских наук, профессор *Е.В. Никонорова*; заведующая отделом читателеведения и культуры чтения Научного центра исследований истории книжной культуры при НПО «Издательство “Наука”» РАН, доктор педагогических наук, профессор *Ю.П. Мелентьева*; директор редакции научно-популярной и прикладной литературы издательства «Эксмо» *Е.В. Капьев*.

Завершилось открытие передач в дар библиотеке комплекта изданий Российского института культурологии, а в ходе презентаций к этой акции присоединились и издатели.

День 10 октября полностью был посвящен презентациям книг, изданных в 2010–2011 гг., и научных периодических изданий института (на всех типах носителей). В них приняли участие составители серий, авторы, издатели. Как недостаток отметим не слишком заполненный зал, как достоинство – то, что впервые в истории РИК пришли не ученые к издателям и библиотекарям, а издатели и библиотекари к ученым. Одновременное представление всех работ, изданных за 2010–2011 гг. зримо показало и гостям Дней, и самим сотрудникам РИК масштабы научно-исследовательской деятельности института, разнообразие проблематики, новизну и фундированность методологических подходов.

Вниманию собравшихся были представлены: три серии («Энциклопедия культурологии», «Сокровищница мировой культуры», «Бер-

сенеvские коллекции»); 31 уже вышедшая книга и шесть находящихся на выходе; журналы «Культура и искусство», «Личность. Культура. Общество», электронный «Культурологический журнал». Прямо на презентацию были доставлены очередной том «Энциклопедии культурологии», первая книга «Берсенеvских коллекций», «Мировое кино» К.Э. Разлогова и несколько других книг.

Завершился первый день презентацией научного журнала «Культура и искусство» в Овальном зале библиотеки. Ее вели главный редактор и председатель редакционного совета журнала *К.Э. Разлогов*, шеф-редактор журнала, председатель совета директоров Академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-Медиа»), академик Российской академии социальных наук, кандидат политических наук *В.И. Даниленко*, заместитель главного редактора, кандидат исторических наук *Е.А. Воронцова*. На презентации выступили: заместитель директора Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН *В.М. Алпатов*; профессор Московского государственного академического художественного института им. В. И. Сурикова, академик Российской академии образования, академик и член Президиума Российской академии художеств, народный художник РСФСР *Д.Д. Жилинский*; заведующий отделом энциклопедических изданий Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук *Я.Г. Шемякин*; главный научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, академик Российской академии художеств, заместитель председателя Ассоциации искусствоведов, доктор искусствоведения *А.К. Якимович* и др.

«Культура и искусство» – научный журнал об актуальных проблемах культуры и искусства, о всемирном культурном наследии, которые рассматриваются с позиций культурологии и искусствоведения в широком методологическом, географическом и временном диапазоне. Периодичность – 6 номеров в год. Оригинальная структура издания позволяет в исследованиях как теоретического, так и прикладного характера системно осветить историю и теорию культуры и искусства, сложные процессы их трансформации, раскрыть богатство традиций и инноваций, накопленной информации и коммуникаций, представить различные культуры и искусства в их исторически обусловленной изменчивости, разнообразии и взаимодействии – друг с другом, с окружающей средой (природной, экономической, социально-психо-

логической), с творцами, носителями и потребителями. На страницах журнала освещаются вопросы культурной политики, процессы управления культурой как отраслью и как сферой бизнеса.

Авторы издания представляют результаты междисциплинарных исследований на водоразделе между культурологией, искусствоведением и философией, социологией, психологией, антропологией, этнологией, историей, религиоведением, политологией, филологией, литературоведением, языкознанием, лингвистикой, педагогикой. Журнал адресован культурологам, искусствоведам, а также философам, социологам, психологам, историкам, политологам, филологам, специалистам в области педагогики и широкому кругу читателей.

11 октября в разных залах библиотеки прошли следующие мастер-классы ведущих культурологов России – сотрудников института: «Языки культур – культура и язык»; «Прикладная культурология: возможности и преграды»; «Массовая и популярная культура сегодня: теории и практики»; «Концептуальные основы культурной политики»; «Социокультурная антропология»; «Хайкумена»; «Музейное проектирование».

12 октября в Овальном зале ВГБИЛ состоялась десятая юбилейная конференция «Молодежная культура глазами молодых», на которой был представлен десятитомник «Науки о культуре: Шаг в XXI век», состоящий из сборников ранее прошедших конференций. Обсуждалась проблематика, вызывающая наибольший интерес у нового поколения культурологов.

Участники круглого стола «Наследие и наследники: проблемы трансляции» рассмотрели данную тему с точки зрения бытования и влияния на все культурные процессы прошлого и настоящего, особого вида коммуникации в культуре; затронули роль культурного наследия в формировании позитивной идентичности российского социума; в создании положительных образов российского наследия в среде обучающейся молодежи; значение «профессиональных наследников» (архитекторов) в деле сохранения и трансляции наследия др.

Логичным завершением Дней РИК стал круглый стол «Автор – издатель – библиотека – читатель» (руководители: К. Э. Разлогов, Е.Ю. Гениева, Е.А. Воронцова). На него собрались все заинтересованные стороны: исследователи – творцы книг, издатели (директора, главные редакторы, художники, маркетологи), сотрудники библиотек, читающая публика.

В обсуждении поставленных вопросов участвовали: *Д.П. Бак* (проректор по научной работе Российского государственного гуманитарного университета, кандидат филологических наук, профессор), *Е.В. Никонорова* (начальник Управления специальных проектов Российской государственной библиотеки, член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор философских наук, профессор), *Л.В. Кутыркина* (проректор по стратегическому развитию Московского государственного университета печати им. И. Федорова, кандидат философских наук, доцент), *Е.П. Шеметова* (заведующая кафедрой издательского дела и редактирования Московского государственного университета печати им. И. Федорова, генеральный директор издательства «Омега-Л», кандидат исторических наук), *А.А. Беловицкая* (профессор кафедры книговедения и пропаганды книги Московского государственного университета печати им. И.Федорова, доктор филологических наук), *А.В. Безрукова* (главный редактор издательства «Совпадение», научный сотрудник Государственного Литературного музея), *А.В. Агошков* (главный редактор Объединенной редакции журналов «Вопросы культурологии» и «Дом культуры», кандидат философских наук), *Е.Н. Бейлина* (главный редактор журнала «Университетская книга»), *М.Е. Бойко* («Независимая газета-ExLibris»), *Н.А. Кочеляева* (ученый секретарь РИК, кандидат исторических наук, доцент) и др.

В центре внимания участников круглого стола находилась судьба Книги в свете бурного развития новых технологий. Дискуссионным стал тезис *Е.А. Воронцовой* о современной ситуации как ситуации революционной, которая способна привести к качественным изменениям в сфере книгоиздания, книгораспространения, хранения книг и чтения и которая по этой причине нуждается в детальном анализе. К.Э. Разлогов показал, как парадоксально рассматриваемые процессы вписаны в общий культурный контекст глобализирующегося мира, какое влияние на них оказывает массовая культура. По его мнению, не исключено, что может наступить такое время, когда не автору будут платить гонорар, а он будет платить тем, кто согласится прочесть его произведение. Е.Ю. Гениева остановилась на проблемах и перспективах развития Библиотеки и на выполнении ею в новых условиях ее основной функции – транслятора знаний. Конструктивное развитие эта тема получила в выступлении Е.В. Никоноровой. Участники кру-

плого стола, сопричастные издательскому делу (Е.П. Шеметова, А.В. Агошков, А.В. Безрукова), говорили о соотношении в нем бизнеса и культуры, о падении спроса на книги (в том числе научные) и об эффективных стратегиях, способных переломить ситуацию, о необходимости вернуть издательскую политику в лоно политики культурной. Интересной была полемика Д.П. Бака и Е.Н. Бейлиной о том, что происходит в вузовском книгоиздании, что ждет вузовские издательства и какой должна быть стратегия в данном сегменте.

На открытии, мастер-классах, круглых столах звучали слова о необходимости продолжить новое полезное начинание и сделать Дни Российского института культурологии ежегодными.

**Главный герой – книга:
Дни Российского института культурологии
во Всероссийской библиотеке иностранной литературы
имени М. И. Рудомино 17–19 октября 2012 года³⁸**

Дни Российского института культурологии во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М. И. Рудомино, состоявшиеся 17–19 октября 2012 г., проводились во второй раз. Организаторы (РИК и ВГБИЛ) стремились привлечь внимание читательской аудитории, научной общественности и структур, формирующих культурную политику, к культурологической проблематике и к изданиям этого профиля. В рамках Дней состоялся диалог исследователей – авторов книг, издателей и представителей библиотек, книговедческих и библиотекведческих периодических изданий, академической науки и вузов, молодежи; была реализована специальная программа для школьников и студентов. По инициативе библиотеки на открытии произошло знаменательное событие – подписание *Соглашения о сотрудничестве РИКа и ВГБИЛ*. Дни стимулировали желание библиотек, издателей, книгораспространителей активно сотрудничать с РИКом. Были проведены:

– видеопрезентация книг сотрудников РИК и мероприятий Центра, а также премьерный показ мультфильма, навеянного книгами сотрудников РИК;

– 3 выставки;

³⁸ Текст написан в 2012 г. Публикуется впервые.

- встреча школьников и студентов с Е.Ю. Гениевой;
- 12 мастер-классов, в т.ч. мастер-классы в национальных культурных центрах библиотеки, и 3 круглых стола;
- более 10 экскурсий и запись в библиотеку.

Инициатором, основным организатором и куратором мероприятия со стороны РИК являлась руководитель Центра издательских проектов и программ РИК, кандидат исторических наук *Е.А. Воронцова*, а основным организатором и куратором со стороны ВГБИЛ была заведующая отделом обслуживания *Л.А. Герасимова*. В проведении презентаций, мастер-классов, круглых столов были задействованы около 40 сотрудников института. Более 60 сотрудников дирекции, отделов (обслуживания, литературы по искусству, периодики и детской литературы) и центров (информационного, религиоведения, национальных) участвовали в организации и проведении Дней со стороны ВГБИЛ. Благодаря им пребывание в стенах библиотеки для всех участников стало комфортным.

В Днях приняли участие около 500 человек, в т.ч. около 300 школьников и студентов. Особо хочется сказать о читателях принимавшей нас в своих стенах Библиотеки иностранной литературы, аспирантах и студентах вузов, а также пришедших организованно школьников, их педагогах и родителях, библиотекарях школы № 2012, Санаторного детского дома № 17, Центра образования № 46 «Школа здоровья», ГБОУ СОШ № 1352 (все – города Москвы), православной гимназии имени Константина Богородского в г. Ногинске. Активно проявили себя в мастер-классах и круглых столах студенты Московского государственного университета печати имени первопечатника Ивана Федорова (благодаря активной позиции руководства университета их было особенно много), Российского государственного гуманитарного университета, Отделения культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Московского государственного университета культуры и искусства, Всероссийского государственного института кинематографии и других вузов. В числе участников были представители Минкультуры России, издательств (отметим особо издательство «Совпадение» и выходящую там серию «Берсеневские коллекции»), профильных (книгovedческих и библиотечных) периодических изданий, библиотек (особенно активны были Библиотека им. Некрасова, а также Централизованная

библиотечная система Клинского муниципального района), научно-исследовательских институтов (РИК, институты системы РАН) и музеев. Мы совсем не рассчитывали на выход за пределы Москвы, поэтому приятным сюрпризом стала заявка на участие от наших коллег из Ельца; их выступления удачно вписались в общий контекст.

В соответствии с девизом Дней «Главный герой – Книга» в витринах были выставлены книги сотрудников института, вышедшие в 2012 г., и «новые поступления» книг по культурологии в библиотеку. Книжные выставки «*Новые издания Российского института культурологии-2012*» и «*Новые поступления: книги по культурологии в библиотеке*», а также выставка «*Сладкое путешествие: шоколадные обертки разных стран*» (из коллекции сотрудницы библиотеки Е. Чура) действовали с 15 по 22 октября. Новые книги сотрудников института были представлены и в видеопрезентации, демонстрировавшейся все три дня на экране на центральном входе. На открытии подарили библиотеке свои недавно изданные книги В.Л. Рабинович и В.П. Руднев. Книги «Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке» (отв. ред. Н.А. Кочеляева) и «Синтез искусств в культуре Грузии 1920–1980-х годов: взаимосвязь и взаимовлияние» И.И. Ратиани были доставлены на Дни практически прямо из типографий. В разных формах были представлены наши книги на мастер-классах и круглых столах.

Дни и издания института вызвали большой интерес у представителей масс-медиа. Помимо сайтов РИК и ВГБИЛ анонс о Днях дали «Книжное обозрение», «НГ-ExLibris», ряд Интернет-порталов др. 17 октября, в день открытия, о них проинформировал телезрителей канал «Культура», сообщив: «В этом году они приурочены сразу к двум юбилеям: 80-летию самого Института и 90-летию Иностранки (так принято именовать эту библиотеку). Программа трех дней даст фору иному фестивалю. Знаменитые ученые расскажут посетителям о календаре мая и конце света, об истории шоколада и Мезоамерике, объяснят, зачем люди читают, и подискутируют на тему будущего бумажной книги... В делах просвещения Институт и Библиотека выступают единым фронтом... “Главная опасность в том, что не всегда можно отличить серьезные научные книги от халтуры... Мы стремимся серьезно относиться к тому, что делаем, даже пусть это иногда закрывает нам путь к массовому успеху”, – заверяет Разлогов». Было отмечено,

что программа Дней Института культурологии чрезвычайно насыщена: «...выставки книжных новинок, лекции по истории искусства, круглые столы по актуальным темам современной культуры».

Два полных дня отработала телеслужба Библиотеки имени Некрасова; итог – информация в новостях 17 октября и сюжет о Днях в декабрьском номере видеожурнала «Панорама библиотечной жизни». «Книжное обозрение» и другие издания прислали корреспондентов. Ряд участников мероприятия дали СМИ интервью. Всего на конец октября нами были зафиксированы свыше 30 публикаций в СМИ и сети Интернет.

А события Дней развивались так.

17 октября в Белом зале библиотеки состоялось торжественное открытие Дней РИКа. поприветствовав собравшихся, доктор искусствоведения, профессор, директор Российского института культурологии, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, председатель Редакционного совета и главный редактор журнала «Культура и искусство» К. Э. Разлогов и доктор педагогических наук, почетный доктор филологии Иллинойского университета (США), генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино Е. Ю. Гениева подписали *Соглашение о сотрудничестве* института и библиотеки. Была оглашена телеграмма руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинского:

«Уважаемый Кирилл Эмильевич! Дорогие друзья, коллеги! Примите самые сердечные слова поздравления с проведением уже ставших традиционными Дней вашего института во ВГБИЛ. Насыщенная программа мероприятий всех направлений деятельности института и его ведущих ученых представит слушателям, студентам, читателям Иностранки широчайший спектр гуманитарных культурологических знаний и их непреходящее значение в общественном сознании XXI века.

Уверен: открытие бюста выдающегося российского издателя, публициста, просветителя Н.И. Новикова, предстоящее подписание Соглашения о сотрудничестве Российского института культурологии и ВГБИЛ станут заметными культурными событиями этих дней, обогатят культурное пространство столицы новыми знаковыми местами и знаковыми мероприятиями.

Желаю успехов, реализации новых совместных проектов, обогащающих российскую культуру и традиции отечественного книгоиздания».

С.С. Голубенко, заместитель директора Департамента науки и образования – начальник отдела науки в сфере культуры и искусства Министерства культуры Российской Федерации, пожелал институту и библиотеке успешного сотрудничества на ниве приращения научного знания о культуре и его популяризации.

Генеральный директор издательства «НБ-Медиа» *В.И. Даниленко*, вместе с которым институт осуществляет издание научного журнала «Культура и искусство», а теперь еще и электронного журнала «НВ: Культура и искусство», поздравил всех с началом праздника Книги в стенах замечательной библиотеки и рассказал об успешном развитии партнерских отношений издательства и института.

«За весомый вклад в донесение научного знания до читательской аудитории и сохранение Книги – источника знаний» руководство института и библиотеки наградило почетными грамотами сотрудников РИК (*В.Л. Рабиновича*, *Е.Е. Кузьмину*, *В.В. Кантора*, *Э.А. Шулепову*, *О.Д. Балдину*, *А.Н. Рылеву*, *В.П. Рудневу*, *Е.А. Воронцову*) и ВГБИЛ (*К.А. Дмитриеву*, *Л.Е. Калинову*, *Л.Д. Гаврилову*, *Л.А. Герасимову*, *А.В. Баулину*, *Е.Н. Резниченко*, *Р.М. Сальникову*, *А.Г. Николаевскую*, *Б.П. Полетавкину*, *М.В. Почкину*, *Н.Н. Зубкова*, *Т.Н. Костерину*, профессора *Ива Амана*).

Завершилось открытие передач в дар библиотеке комплекта изданий Российского института культурологии, которые вышли за время, прошедшее с момента проведения Дней-2011.

Начавшийся сразу после открытия мастер-класс «*Культурология и гуманитарные науки: новые водоразделы и перспективы взаимодействия*» провели *К.Э. Разлогов*, доктор философских наук *В.Л. Рабинович*, ученый секретарь РИКа, кандидат исторических наук *Н.А. Кочелаява*. *К.Э. Разлогов* прокомментировал его так: «Это был не столько мастер-класс, сколько свободная беседа о культуре и искусстве. Полезно и приятно и для нас с библиотекой и, видимо, для участников».

Проводившие мастер-класс «*Новый хронотоп музея*» кандидат исторических наук *И.В. Чувилова* и кандидат культурологии *О.Е. Черкаева* охарактеризовали блок музееведческих изданий сотрудников института и с точки зрения содержательного наполнения, и с точки

зрения формы (последнее сегодня важно в плане привлечения внимания читателей и расширения читательской аудитории).

Самым насыщенным событием днем стало 18 октября, когда библиотеку заполнили студенты и школьники, для которых мы придумали специальную программу.

Начался день встречей молодежи с *Е.Ю. Гениевой*. Она прошла великолепно и оставила, надеемся, неизгладимый след в умах и сердцах более чем сотни восьмилеток, старшекласников и недавних выпускников школы. Екатерина Юрьевна с блеском объяснила разновозрастной аудитории, зачем люди читают и какое будущее ждет Книгу, ответила на самые простые и самые каверзные вопросы – и обрела преданных почитателей руководимой ею библиотеки. После такой встречи ребята и взрослые с энтузиазмом записывались в читатели, в ходе экскурсий знакомились с библиотекой и действовавшими на тот момент выставками, увлеченно работали в мастер-классах, организованных для них в национальных культурных центрах.

Мастер-класс сотрудницы Центра издательских проектов и программ РИК, кандидата исторических наук *Н. А. Лапкиной* «*Прогулки с книгой: как включить науку в образовательные программы и программы раннего развития детей*» имел целью представить методику включения научной литературы по культуре и искусству в детские образовательные программы и опыт ее практического применения (ее же проект «Творческие мастерские межкультурной адаптации»; Мальта, июль-август 2012 г.). На мастер-классе были представлены подходы к совместному «чтению» научной гуманитарной литературы педагогами, родителями и детьми дошкольного возраста, методики приобщения детей к серьезной литературе посредством коммуникативного творчества и «интеллектуального путешествия» (авторская разработка в процессе апробации). В рамках мастер-класса для маленьких участников архитектором *А. Головиной*, работающей с детьми по курсу «Сказочная архитектура», было проведено занятие по книге Волкова «Волшебник изумрудного города», а также прошел премьерный показ мультипликационного фильма «Дети Тритона». Его сняли дети 4–10 лет, вдохновившись книгами *Т.Ю. Юреновой* «Музеи мира» и *К.Э. Разлогова* «Мировое кино». На показе присутствовали более 20 школьников. Большой интерес вызвала викторина на тему «Знаешь ли ты историю Москвы», проведенная для детей со-

трудниками издательства «Пешком в историю», ставшего таким образом нашим партнером.

Отправной точкой для включения в программу Дней мастер-класса «*Культура какао, мезоамериканская цивилизация и конец света по календарю майя*» стала книга сотрудников РГГУ, специалистов с мировыми именами Г.Г. Ершовой и Д.Д. Беляева «Взбивая пену шоколада: какао в древней Америке», научным редактором которой была Е.А. Воронцова. В итоге мастер-класс оказался одним из проявлений партнерских отношений РИК, РГГУ и ВГБИЛ. Проводя его, Д.Д. Беляев особое внимание уделил Книге и книжности как системообразующему фактору этой цивилизации (да и ряда других), обосновал и с блеском отстоял свой тезис в дискуссии и со специалистами, и со студентами.

Круглый стол «*Места памяти – память места: культурное наследие в современном мире*», который вели заместитель директора РИК Э.А. Шулепова и заместитель генерального директора ВГБИЛ О.В. Синецинына и который также был итогом совместной подготовительной работы, собрал около 30 человек. На нем рассматривались актуальные практики сохранения наследия в России и мире. Отмечалась тонкость пространства культуры, требующая корректных «не бронзовых» подходов, подчеркивалась возрастающая роль дизайнера в интерпретации и актуализации мест памяти. Звучала тема Человека места – не обязательно гения, но личности, неразрывно связанной и безраздельно преданной месту своей духовной оседлости. О.В. Синецинына рассказала как о негативном, так и позитивном опыте современных интерпретаций мест памяти в России и за рубежом. Зав. отделом древнерусского искусства Государственного института искусствознания Л. Лифшиц сообщил о современных дизайнерских решениях интерпретации наследия в Германии. Доктор культурологии Э. Шулепова, отталкиваясь от горячо любимых ею чеховских мест в Таганроге и мест памяти в Ростовской области, поставила вопросы: если бывает любовь без памяти, то возможна ли память без любви; на каких весах измеряется любовь к памяtnому месту? Приехавшая в Москву из Екатеринбурга Н. Кириллова, известный исследователь медиакультуры, вручила О.В. Синециныной несколько своих книг – дар библиотеке.

19 октября, в заключительный день, состоялись четыре мероприятия.

В своеобразной переключке с видеопрезентацией издательского направления в деятельности РИК и с водораздельным мастер-классом первого дня прошел мастер-класс «Подходы и методы *media studies*: “элементы экранологии”» (его провела кандидат философских наук, заведующая Сектором экранной культуры и новых технологий коммуникации РИК В.О. Чистякова).

Удачным оказалось соединение мастер-классов «Религия и культура в сегодняшней России» (доктора исторических наук, директора Центра религиоведения ВГБИЛ Е. Б. Рашковского) и «Русская культура в историческом контексте России и мира» (доктора исторических наук, зав. сектором РИК Т.А. Пархоменко). Е.Б. Рашковский исходил из того, что область религиозно-культурных отношений (в ее общественном преломлении) связана с жизнедеятельностью трех институциональных систем: государства (в многозначной связи с миром бизнеса); религиозных институтов; институтов, течений и субкультур гражданского общества. Уяснение их *конфликтной взаимной дополнительности* – необходимое условие нормализации всего склада жизни в сегодняшней России; ответственность ученых, деятелей культуры, священнослужителей, педагогов, журналистов здесь особенно велика. Т.А. Пархоменко говорила об изменении подходов к изучению культуры. Отметив особую роль в России государственнической традиции, в которой не оставалось места человеку, она остановилась на произошедшем повороте, поставившем во главу угла именно человека с его миром идей и повседневного и, как следствие, сделавшем исследования культуры подлинного гуманитарными. В объединенном мастер-классе приняли активное участие студенты Московского государственного университета печати, задававшие вопросы по существу поставленных проблем и нетривиально комментировавшие услышанное.

Логичным завершением Дней РИКа в Библиотеке иностранной литературы стал круглый стол «*Есть ли будущее у бумажной книги и ее авторов?*» (ведущие: доктор философских наук, профессор, заведующая сектором культурологических проблем социализации РИК, Почетный работник высшего профессионального образования, Заслуженный работник культуры РФ И. М. Быховская; доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник РИК Е. Н. Шапинская). Круглый стол по столь актуальной проблеме собрал представительную аудиторию (свыше 40 участников): ученые-иссле-

дователи и практики образования, учителя и ученики, представители трех поколений, формировавшихся в ситуациях, существенно различающихся с точки зрения присутствия в окружающем их информационно-культурном пространстве книг бумажных и книг электронных. Поколенческих, профессиональных и гендерных противоречий в ходе дискуссии не обнаружилось. Общий вектор рассуждений (при всех разночтениях) был таков: книги разные нужны, книги разные важны – главное, чтобы их ЧИТАЛИ. Дискуссия показала: далеко от истины утверждение, что молодежь тотально отказывается от бумажной книги в пользу книги электронной – присутствовавшие старшеклассники и студенты горой стали за сохранение красивой, умной, рождающей особое настроение бумажной книги. Не *вместо*, а *вместе* – так можно резюмировать их выступления.

Как человек, придумавший это действо, с удовлетворением констатирую: конструктивная идея (Дни научно-исследовательского института в библиотеке) работает, привлекает все больше людей, наполняется новым содержанием. Благодаря ей сугубо личные, разрозненные контакты сотрудников РИК и ВГБИЛ обрели иное качество: *событие стало со-бытием, со-трудничеством на ниве просвещения, полноценным партнерством*. Свидетельствовало тому – не только подписание Соглашения, но и совместные акции института и библиотеки в рамках Дней – упоминавшиеся выше: книжные выставки; круглый стол «Места памяти – память места: культурное наследие в современном мире»; органично объединившиеся мастер-классы «Религия и культура в сегодняшней России» и «Русская культура в историческом контексте России и мира». Наряду с библиотекой и институтом в процесс оказался вовлечен Центр мезоамериканских исследований РГГУ: итог этого тройственного союза – мастер-класс «Культура какао, мезоамериканская цивилизация и конец света по календарю маяя». Резонансным явилось партнерство со школой № 2012, на базе которой реализуется программа Центра непрерывного культурологического образования РИК (руководитель А.Н. Рылева): школьники, педагоги, родители стали друзьями Книги и библиотеки.

О том, что мы привнесли в библиотеку, дает представление отзыв сотрудников ее Отдела обслуживания. Итак, взгляд с той стороны:

«Завтра у нас тяжелый день, – сказали мы друг другу накануне 17 октября.

Неистребимая привычка хозяев дома – воспринимать праздник прежде всего как череду организационных хлопот: подготовка, уборка, готовка, как распределить, куда рассадить, чем занять и накормить, как не ударить в грязь лицом, как порадовать гостей и попутно произвести на них отрадное впечатление... И вдруг в какой-то момент мы поняли: *не надо суесться*. Потому что когда приходят гости – это праздник в первую очередь для тех, кто их принимает.

НАШ праздник. Мы не чужие на этом празднике жизни, и наш удел – не метаться от плиты к столу и обратно, а быть в эпицентре той *радости*, которую принесут с собой эти гости.

Которых мы давно знаем и любим. Знакомством и сотрудничеством с которыми мы искренне гордимся.

И все получилось, как мы хотели. Нет, что я говорю? – много лучше. Стократ лучше.

Ни тени напряжения, ни намек на официальность. Слово *мероприятие* вообще не звучало, никого не подавляя своей обязывающей увесистостью. Все эти три дня были наполнены совсем другими словами. Встреча. Беседа. Дискуссия. Со-трудничество. Урок. Причем в последнем случае – урок взаимный, когда учитель учится у ученика ровно в той же степени, в какой ученик – у учителя.

Библиотека работала в обычном режиме. Никто не просил читателей освободить зал для «мероприятия», никто не закрывался, не зашторивался, не отгораживался. Наоборот, все было как никогда широко *открыто* для участия и диалога. Кто-то из старых читателей привычно ворчал: «Я пришел диссертацию писать, а тут эти... с просветителем Новиковым». – «Голубчик, – возражает ему сидящий рядом коллега, – если бы не просветитель Новиков, не исключено, что мы с вами вообще не умели бы читать и писать». – «Ну, это вы, положим, хватили... Боже, а кто это выступает? Разлогов? Не может быть! САМ Разлогов?»

Сам Кирилл Эмильевич Разлогов, собственной «медийной», на редкость по-домашнему выглядящей персоной. Сама Екатерина Юрьевна Гениева, подписывающая Соглашение о сотрудничестве института и библиотеки – тоже в какой-то на редкость непринужденной, очень домашней атмосфере. И она же, выступающая на следующий день перед аудиторией из ста с лишним человек от семи до шестнадцати лет. «Боже мой, я же готовила серьезный доклад, но я никак не

ожидала, что здесь будут *настолько серьезные люди!*» Серьезные люди, обнявшись с разноцветными книгами, хмурясь и приоткрывая рты, слушали с таким вниманием, что с трудом веришь своим глазам. Кто говорит о том, что нынешние дети *не умеют* слушать и сосредотачиваться? Может быть, это мы. взрослые, поверив в эту легенду, в свою очередь разучились говорить с ними так, чтобы они нас все-таки слушали? *Здесь* это умеют, поверьте. И как награда и подтверждение – неослабное внимание, лес рук при любом задаваемом вопросе – и ответные вопросы, поражающие неожиданной вдумчивостью и глубиной. А потом – мгновенное расслабление, шум, радость, беготня по лестницам, созерцание выставки шоколадных оберток – с сопением и сглатыванием слюны – мастер-классы с вдохновенным малеванием шедевров, упражнения в азербайджанском ковротачестве, болгарские народный танцы, игры, путешествия по Москве, которая есть – и которой, увы, уже нет – но никто, как ни странно, не заблудился, все выбрались, нашлись и с восхищенной искренностью подытожили: *«Мы будем ходить в библиотеку!»* И их более старшие, шестнадцатилетние коллеги, забросавшие лекторов вопросами о Диккенсе, Джойсе и Достоевском и под конец задавшие тот самый, животрепещущий, каверзный: *«А вытеснит ли электронная книга – бумажную?»* И обомлевшие, услышав спокойный ответ директора такой большой и вполне еще бумажной библиотеки: *«ДА»*.

Этот разговор продолжился позже, на одной из завершающих конференций, и на него уже отвечали не так однозначно. Парадоксальная ситуация: убеленные сединами доктора наук ратовали в пользу новых технологий, хотя словосочетание «оцифрованная поэзия» все же вызывало у них легкое рефлекторное содрогание; а те же шестнадцатилетние все, как один, говорили о том, что предпочитают *бумажную* книгу – и весьма аргументированно, не без изящества это обосновывали. И, глядя на лица тех и других, хотелось сказать: бог мой, да какая разница, в конце концов? Пока у нас есть люди, способные говорить об этом *так* и *с такими лицами*, книга все равно будет жить, в какую бы форму она не облекалась, и будем жить мы, назло всем пессимистам от просвещения, торопящимся заявить в очередной раз о «кризисе культуры». Потому что пока одни говорят о том, как все плохо, другие живут и работают так, что самим фактом своего существования рождают в нас уверенность в том, что слухи о грядущем

«конец всего» сильно преувеличены. И страшно отраднo, что у нас в гoстях были именно такие люди.

За эти три дня мы успели на удивление много узнать и понять. И не только о «наивном» в искусстве, не только о русской культуре в истoрическом контексте России и мира, не только о том, есть ли, в конце концов, будущее у бумажной книги – хотя и все это тоже было безмерно интересно уже одним тем, что не предлагало готовых ответов, а располагало к дискуссиям и размышлениям. Мы многое узнали о самих себе – и о людях, которые живут и работают где-то рядом с нами, в одном и том же пространстве, на одной волне, на одной грани бытия. Это люди, пишущие и издающие те самые книги, которые мы потом храним и выдаем. Люди, сохраняющие и изучающие то самое наследие, к которому мы привыкли относиться как к вечно существующей данности и не задумываться порой о том, что если эту вечность не сохранять и не поддерживать, она перестанет быть вечностью и однажды исчезнет прямо у нас на глазах. Люди, умеющие повернуть древние и набившие оскомину истины неожиданно яркой стороной, заставить взглянуть на привычное свежим взглядом и найти нужные вопросы для всех каверзных ответов, которые у нас, вроде бы, уже для всего давным-давно найдены.

Эти люди были у нас в гoстях. Они встряхнули нас, многому нас научили – и, наконец, просто доставили радость своим присутствием в наших стенах, столь отраднo и плодотворно отозвавшимся в наших умах и сердцах. Спасибо всем, кто к нам пришел. Вы – из тех гoстей, которых хочется приглашать снова и снова».

Звучание темы праздника, радости совместного бытия зафиксировано и в репортаже В. Бройде, который начинается так:

«И тогда Карл сказал, что время не мерило для жизни. Вообще-то сказал не совсем он, а Ремарк, но это и неважно: ведь мы цитируем не столько их, сколько саму фразу, и грустно киваем в ответ. А поступаем все равно по-своему: меряем жизнь датами – маленькими, большими и такими, от которых просто нельзя отвести взгляда, до того они круглые, точно бублики! Например: девяносто лет Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М. И. Рудомино, или – восемьдесят лет Российскому институту культурологии (РИК). И что бы там ни утверждал Ремарк, такие события нельзя не отмечать. Сотрудники обоих учреждений решили поделить

между собой два дня рождения, устроив трехдневный праздник: с 17 по 19 октября в библиотеке проходили Дни Российского института культурологии. Еще до начала всех мероприятий организаторы обещали удивить приглашенных гостей выставкой новейших изданий по культурологии, экскурсиями по библиотеке, презентацией книжных серий, мастер-классами с интригующими названиями, “круглыми столами” и лекциями. И, надо сказать, что уж одного они в итоге добились совершенно точно: расширили традиционное представление о празднике»³⁹.

Раз задуманное, организованное, проведенное вызывает такой отклик – значит, получилось, удалось, воплотилось и, будем надеяться, получит хорошее продолжение. Все основания для этого есть: в ином формате в этом году мы провели Дни Российского института культурологии в Библиотеке Маяковского и в Музее истории города в Санкт-Петербурге (мастер-класс «Новый хронотоп музея» и презентация изданий сотрудников института), а также в Московском государственном университете печати имени Ивана Федорова. В этом последнем 16 ноября в присутствии и при живом участии более сотни студентов, преподавателей, проректоров состоялся «баттл» ректора университета К.В. Антипова с директором института К.Э. Разлоговым. Темой баттала были непростые взаимоотношения Книги и Экрана; формулировалась тема так: «Книга и /или Экран».

Действенно думать и осмысленно действовать: издательское дело и издательская политика на современном этапе⁴⁰

Насущная задача культурной (в т.ч. издательской) политики – трансформация болевых точек в точки роста, выработка эффективных стратегий решения масштабных социокультурных задач (улучшение качества жизни, достижение социальной интеграции, налаживание диалога культур).

Информатизация и медиатизация социокультурного пространства породили утверждения: книжная культура – культура уходящая и даже маргинальная. Отчетливо выражены спад интереса к книге в

³⁹ Бройде В. Один торт и 170 свечек // Книжное обозрение. 2012. № 21 (2345). С. 10.

⁴⁰ Креативность в пространстве традиций и инноваций: Третий Российский культурологический конгресс с международным участием, 27–29 окт. 2010 г.: тезисы докладов и сообщений. СПб., 2010. С. 415 (в соавт. с А.К. Сорокиным).

традиционной ее форме и интенсивное бытование визуальных и интерактивных форм. Эти факторы и кризис финансово-экономической системы побуждают тех, кому небезразлична судьба книги, искать новые идеи и предпринимать конкретные действия по их реализации, работать креативно – нетривиально, гибко, метафорично.

Действующие лица акта творения книги (авторы/переводчики, издатели, редакторы, художники), реализаторы и читатели имеют свои рецепты разрешения коллизии. Работа в издательском деле и в науке убедила нас: главный вопрос повестки дня – не «кто виноват», а «что делать», главное условие успеха – переход от стратегии «перетягивания одеяла» к стратегии социального партнерства, отказ от действий по принципу «Я в своем праве», формирование сообщества социально ответственных субъектов.

Эффективные стратегии требуют оптимизации соотношения в издательском деле бизнеса и культуры (перекос в одну сторону чреват банкротством, в другую – утратой основ культуры), прогнозирование спроса и предложения. Книга может оставаться каналом коммуникации и конкурировать с медиа; возврат утраченных ею позиций – прежде всего вопрос качества (авторского текста, редподготовки, дизайнерских решений, маркетинга). У книги на пергамене, папирусе, бумаге есть преимущество перед текучими медиа: точность фиксации текста. Его нужно грамотно использовать.

Многое зависит от того, как мы отвечаем на вопрос – следовать за читательскими предпочтениями или маневрировать, развивая культуру чтения, насколько гибко действуем в пространстве и культурной традиции, и культурной инициативы, творим книгу для личности или книгу для массы. Важно совершенствовать книготорговлю как инструмент повышения доступности культурных благ, а издательское дело – как инструмент формирования единого культурного пространства и возвращения России имиджа самой читающей страны мира.

Очевидно, что эти сложные задачи касаются всего общества, являются общегосударственными. Издательское дело должно постоянно находиться в объективе культурной политики, его нормативно-правовая база должна совершенствоваться, в т.ч. в плане экономической привлекательности для благотворительности.

Потребность соединить усилия и от науки выживать перейти к науке побеждать побудила нас инициировать проведение данного кру-

плого стола⁴¹. За поддержку благодарим руководителей секции – О. Н. Астафьеву и Д.Л. Спивака.

Возврат издательского дела и издательской политики в лоно политики культурной – насущная задача современного этапа⁴²

В переломные 1990-е гг. возобладали взгляд на издательское дело как на бизнес, регулируемый исключительно рыночными механизмами. Следствием этого стало отделение издательской политики от культурной политики. Министерство культуры Российской Федерации утратило право напрямую заниматься данными вопросами, меры государственной поддержки были минимизированы (гранты Роспечати, научных фондов – РГНФ, РФФИ). Возникшие частные фонды (Прохорова, Зимины и др.) решали не системные, а более конкретные задачи. Издательские программы крупных компаний (например, Лукойла) были, как правило, кратковременными. Частная инициатива не смогла компенсировать уход такого игрока, как государство, охватить освобожденную им нишу полностью. Издательское дело и все связанные с ним сферы (книгораспространение, библиотеки и многое другое) оказались в ситуации системного сбоя, сдвига, перестройки, разрыва традиции, утраты ряда культурных достижений предшествующего времени.

Пробы и ошибки истекшего 20-летия подвели нас к пониманию того, что пришло уже время вернуть издательское дело и издательскую политику в лоно политики культурной как ее неотъемлемую часть. В качестве насущной задачи встала задача трансформации болевых точек в точки роста, выработки эффективных стратегий решения таких масштабных социокультурных задач, как улучшение качества жизни,

⁴¹ Круглый стол «Издательское дело в условиях глобального кризиса: креативные практики» состоялся в рамках конференции «Современная культурная политика как креативная деятельность: управление и инновации» на III Российском культурологическом конгрессе с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации», проходившем 27–29 октября 2010 г. в Санкт-Петербурге. Материалы круглого стола опубликованы: Креативность в пространстве традиций и инноваций: Третий Российский культурологический конгресс с международным участием... С. 415–420. Автор идеи: Е.А. Воронцова. Разработчики концепции круглого стола: Е.А. Воронцова, А. К. Сорокин.

⁴² Тезисы доклада на международной научно-практической конференции «Созидание на благо России: история и современность» (22 октября 2011 г., Брянск). Публикуются впервые.

достижение социальной интеграции, налаживание диалога культур. Информатизация и медиатизация социокультурного пространства породили утверждения: книжная культура – культура уходящая и даже маргинальная. Отчетливо выражены спад интереса к книге в традиционной ее форме и интенсивное бытование визуальных и интерактивных форм. Эти факторы и кризис финансово-экономической системы побуждают тех, кому небезразлична судьба книги, искать новые идеи и предпринимать конкретные действия по их реализации, работать креативно, то есть нетривиально, гибко, метафорично.

Действующие лица акта творения книги (авторы/переводчики, издатели, редакторы, художники), реализаторы и читатели имеют свои рецепты разрешения коллизии. Работа в издательском деле и в науке убедила нас: главный вопрос повестки дня – не «кто виноват», а «что делать», главное условие успеха – переход к стратегии социального партнерства, формирование сообщества социально ответственных субъектов.

Для нас очевидно: эффективными стратегиями являются стратегии, в которых достигается оптимальное соотношение в издательском деле бизнеса и культуры (перекос в одну сторону чреват банкротством, в другую – утратой основ культуры) и осуществляется наиболее точное прогнозирование спроса и предложения. Книга может оставаться каналом коммуникации и конкурировать с медиа; возврат утраченных ею позиций – прежде всего вопрос качества (авторского текста, редподготовки, дизайнерских решений, маркетинга). У книги на пергамене, папирусе, бумаге есть преимущество перед текучими медиа: точность фиксации текста. Его нужно грамотно использовать.

Многое в разрешении современной коллизии зависит от того, как мы отвечаем на вопрос – следовать за читательскими предпочтениями или маневрировать, развивая культуру чтения, насколько гибко действуем в пространстве и культурной традиции, и культурной инициативы, творим книгу для личности или книгу для массы. Важно совершенствовать книготорговлю как инструмент повышения доступности культурных благ, а издательское дело – как инструмент формирования единого культурного пространства и возвращения России имиджа самой читающей страны мира.

Важно создавать новые каналы продвижения креативных идей в рассматриваемой сфере, проводить акции нетривиальные, привлекательные для различных сообществ. Расскажу о своем личном опыте. В качестве канала продвижения креативных идей был задуман научный журнал

«Культура и искусство», выходящий с начала 2011 г. посвященный актуальным проблемам культуры и искусства, а также всемирному культурному наследию, которые рассматриваются с позиций культурологии и искусствоведения в широком методологическом, географическом и временном диапазоне. Для книжной культуры и искусства книги, социально-экономических аспектов ее создания отведено специальное место. Журнал адресован как специалистам-гуманитариям (культурологам, искусствоведам и т. д.), так и широкому кругу читателей.

Исходя из изложенного выше понимания современной ситуации, в 2010 г. мною вместе с А. К. Сорокиным (на тот момент генеральным директором издательства «Росспэн», ныне директором РГАСПИ) было инициировано проведение круглого стола «Издательское дело в условиях глобального кризиса: креативные практики» (в рамках конференции «Современная культурная политика как креативная деятельность: управление и инновации» III Российского культурологического конгресса «Креативность в пространстве традиции и инновации», проходившего в Санкт-Петербурге).

10–12 октября этого года прошли Дни Российского института культурологии во Всероссийской библиотеке иностранной литературы имени М. И. Рудомино (придуманные мною и поддержанные руководством института и библиотеки). Главным героем Дней стали книга (прежде всего научная и научно-популярная) и научная периодика, а главными действующими лицами – авторы, издатели, представители библиотек (хранители книжного наследия), журналисты (популяризаторы книги), читатели, в том числе учащаяся молодежь (школьники и студенты). В рамках Дней проведен новый круглый стол, посвященный судьбе книги, культуре писания-издания-чтения, маркетингу на службе культуры.

Близкие нам идеи высказал Председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин на недавно состоявшемся очередном съезде Российского книжного союза. И это, и то, что такое представительное издательское сообщество обратило свое внимание на данный круг вопросов, внушает оптимизм.

Вывод очевиден: поле для инициативы здесь огромное, каждому найдется дело по плечу. Очевидно и то, что эти сложные задачи касаются всего общества, являются общегосударственными. Издательское дело должно постоянно находиться в объективе культурной политики, его нормативно-правовая база должна совершенствоваться, в т.ч. в плане экономической привлекательности для благотворительности.

Научное издание

Воронцова Е.А.

ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Верстка – С. Касьянов
дизайн обложки – М.Горшков
изготовление книги – Э. Нажимидинов

Подп. в печать 13.08.2014. Усл. печ. л. 10,75.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times». Формат 60x84/32.
Заказ № 412.

Издательство “Летний сад”
Москва, пр. Нансена, 4.
e-mail: letsad@mail.ru

Книга отпечатана в мастерской
им. Фадеева Геннадия
г. Москва, пр. Нансена, 4.